

Центр научных работников
и преподавателей иудаики в ВУЗах
«Сэфер»

**ИЗРАИЛЬ, РОССИЯ
И РУССКОЯЗЫЧНОЕ ЕВРЕЙСТВО
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПОЛИТИКИ**

*К 20-летию юбилею
восстановления дипломатических отношений
между СССР/Россией и Израилем*

**Материалы XVIII Международной
ежегодной конференции
по иудаике**

Том III

Академическая серия
Выпуск 36

Москва
2011

The Moscow Center for University Teaching
of Jewish Civilization
"Sefer"

**ISRAEL, RUSSIA
AND RUSSIAN-SPEAKING JEWRY
IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL
POLITICS**

**Proceedings of the Eighteenth
Annual International Conference
on Jewish Studies**

Volume III

ספר

Academic Series
Issue 36

Moscow
2011

Редколлегия:

Т.А. Карасова, В.В. Мочалова, А.Д. Эпштейн

Editorial Board:

T.A. Karasova, V.V. Mochalova, A.D. Epstein

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Published with the support of

Американского Еврейского Объединенного
Распределительного Комитета (Джойнт)
The American Jewish Joint Distribution Committee (Joint)

Евроазиатского Еврейского
Конгресса
Euro-Asian Jewish Congress

Российского Еврейского
Конгресса
Russian Jewish Congress

Посольства Государства Израиль
в Российской Федерации
The Embassy of the State of Israel in the Russian Federation

Оформление: Сергей Трофимов

Верстка: Ольга Волкова

Корректор: Гульсина Мубаракшина

ISBN %%%%

© Центр научных работников и преподавателей
иудаики в вузах «Сэфер», 2011
© Коллектив авторов, 2011
© Центр «Сэфер», оригинал-макет, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание Центром «Сэфер» книги, посвященной двадцатилетнему юбилею восстановления дипломатических отношений между СССР/Россией и Израилем, — событие во многом знаковое. В еврейской гиматрии число восемнадцать — «хай» — означает «жизнь», и нет сомнений, что за восемнадцать лет своей академической жизни Центр «Сэфер» прошел огромный путь, внося существенный вклад в развитие русскоязычного израилеведения. Восстановление дипломатических отношений между двумя странами после перерыва в почти четверть века потребовало специалистов по Израилю, отличающихся иным мышлением, чем было принято в эпоху государственного антисионизма.

Ведущая роль в изучении процессов ближневосточной политики, касающихся Государства Израиль, а также социальной жизни самого еврейского государства, принадлежит профильному отделу Института востоковедения РАН, в котором работают авторы шести статей, представленных в данной книге.

Другими значимыми институциями являются Центр ближневосточных исследований МГИМО (Университета) МИД России и Институт Ближнего Востока, труды представителей которых также включены в издание, предлагаемое вниманию читателей.

Под одной обложкой удалось собрать большинство продуктивно работающих в России и Белоруссии израиловедов, что позволяет рассматривать данную книгу не только как сборник расширенных версий лучших докладов, представленных на XVIII ежегодной междисциплинарной конференции Центра «Сэфер» (2011), но и как *state of the art* постсоветского израилеведения в целом.

В разные годы в этих ежегодных конференциях — в секциях, посвященных Государству Израиль, его истории и современному поло-

жению, — участвовали специалисты, молодые ученые и аспиранты из самых разных регионов, и тот факт, что в настоящем томе публикуются работы авторов из Нижнего Новгорода и Минска, Омска и Тюмени, служит наглядным свидетельством расширяющейся географии постсоветского израилеведения. Таким образом, и Центр «Сэфер» в значительной мере стал той «теплицей» и лабораторией, в которой, или как минимум с помощью которой, эти специалисты формировались.

Книга открывается двумя статьями, посвященными советско-израильским отношениям в то время, когда с формальной точки зрения этих отношений не было вовсе. Работы Нины Семенченко и Татьяны Носенко служат важным напоминанием о тех усилиях, которые, собственно, и сделали возможным восстановление дипломатических отношений между двумя странами двадцать лет тому назад. Публикуемые вслед за ними статьи Татьяны Карасовой, Игоря Рыжова и Дмитрия Марьясиса посвящены двусторонним отношениям в постсоветскую эпоху, причем авторы не только анализируют положение дел в тех сферах, в которых позиции официальных лиц обеих стран существенно сблизились, но и демонстрируют, какие проблемы пока не нашли своего разрешения.

Второй раздел книги возвращает читателя в первую половину XX века, в период британского мандата, который в Израиле принято называть «государством в пути». Однако и этот период представляет исследователям интересные возможности как для анализа отношений Советского Союза с еврейской общиной Палестины и другими «игроками» тогдашнего ближневосточного поля (о чем свидетельствует статья Михаила Агапова), так и для изучения того вклада, который внесли в создание Израиля, в том числе его науки, уроженцы Российской империи (примером чего является биография рижанина Б. Акцина, проанализированная в статье Алека Д. Эпштейна).

Третий раздел книги посвящен теме, практически неизбежной в любом сборнике статей об Израиле — арабо-израильскому конфликту и попыткам его урегулирования разной степени успешности. Этот раздел не мог не войти и в данную книгу, учитывая официальную роль Российской Федерации как коспонсора переговорного процесса и одного из четырех инициаторов выдвинутой в 2003 году «Дорожной карты» возможного палестино-израильского урегулирования. Один из авторов настоящего тома, Александр Крылов, несколько лет работал в штабе «квартета» международных посредников.

Каждая из четырех включенных в этот раздел статей примечательна по-своему. Александр Крылов с позиций официальной российской дипломатии рассказывает о том, как тяжело продвигались и постепенно зашли в тупик переговоры правительства Биньямина Нетаньяху и Эхуда Барака с Палестинской администрацией. Из исследования Станислава Кожеурова читатели узнают о тайных переговорах между Израилем и Иорданией за три десятилетия до того, как между двумя странами был подписан мирный договор. Эстер Сурикова анализирует последствия реализованного правительством Ариэля Шарона так называемого плана размежевания, вследствие которого Палестинская администрация фактически распалась надвое, а в секторе Газа всю полноту власти постепенно захватил исламистский ХАМАС. Евгений Сатановский задается вопросом о том, могут ли быть продуктивными в этих условиях попытки провозглашения палестинской государственности.

Заключительный — четвертый — раздел книги посвящен процессам, проходящим в общинной жизни выходцев из России и других постсоветских стран в Израиле. Ирина Баулина рассказывает о русскоязычных политиках в «партии власти» сегодняшнего Израиля — возглавляемом Биньямином Нетаньяху «Ликуде». Ирина Масюкова рассматривает место «русского Израиля» в формирующемся трансконтинентальном русско-еврейском сообществе. Анализируя постепенный закат выходящих в Израиле газет и журналов на русском языке, Алек Д. Эпштейн подводит читателя к вопросу о том, способна ли русскоязычная община Израиля выжить в долгосрочной перспективе. Является ли тотальный переход на иврит неизбежным и найдется ли через двадцать лет в России и в Израиле достаточно людей, которые смогут говорить на одном языке, не нуждаясь в услугах переводчиков?

Хочется верить, что да и что опыт, накопленный исследователями, пишущими на русском языке об Израиле, о его прошлом и настоящем, будет востребован и будет приумножаться. Мы верим, что настоящая книга займет достойное место на книжной полке интеллигентного читателя, интересующегося еврейским государством и равнодушно к его судьбе.

Алек Д. Эпштейн

Нина Семенченко
(Москва)

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ
МЕЖДУ СССР И ИЗРАИЛЕМ В ПЕРИОД
ОТСУТСТВИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(1967–1987)**

5 июня 1967 г. началась война между Израилем и соседними арабскими государствами, вошедшая в историю как Шестидневная.

7 июня 1967 г. премьер-министру Израиля было передано заявление Советского правительства, в котором было сказано, что «если сейчас израильское правительство немедленно не выполнит общего требования государств о безотлагательном прекращении огня, которое выражено в резолюции Совета Безопасности, Советский Союз пересмотрит свое отношение к Израилю и примет решение, касающееся дальнейшего поддержания дипломатических отношений с Израилем, который своими действиями противопоставляет себя всем миролюбивым государствам»¹.

10 июня посол Израиля в Москве Катриэль Кац был вызван в МИД СССР, где первый заместитель министра иностранных дел В.В. Кузнецов, в присутствии заведующего Отделом Ближнего Востока МИД СССР А.Д. Щиборина, передал послу советскую ноту, в которой было сказано: «Правительство Советского Союза заявляет, что ввиду продолжения агрессии Израиля против арабских государств и грубого нарушения им решений Совета Безопасности правительство Союза ССР приняло решение о разрыве дипломатических отношений Советского Союза с Израилем»². Этим актом начался новый период в отношениях между Советским Союзом и Израилем: период отсутствия дипломатических отношений.

Отношения между Советским Союзом и Израилем никогда не были простыми, однако период отсутствия дипломатических отношений был наиболее напряженным. В 1970-е гг. конфронтация между странами стала нарастать и достигла наивысшей точки, когда Советский Союз поддержал принятую по инициативе арабских государств резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 10 ноября 1975 г. об осуждении всех форм расовой дискриминации, в которой был обвинён и сионизм.

Причина разрыва дипломатических отношений, как вытекало из ноты советского правительства, явилось «продолжение агрессии Израиля против арабских государств и грубого нарушения им решений Совета Безопасности». Другими словами, причина не касалась непосредственных отношений между СССР и Израилем. Дипломатические отношения существуют между государствами вне зависимости от того, нравятся им или не нравятся некоторые направления внешней политики того или иного режима. Разорвав дипотношения, советское руководство вряд ли предполагало, что этот разрыв продлится так долго. Более того, по свидетельству А.А. Бессмертных, возглавлявшего в начале 1990-х Министерство иностранных дел СССР, А.А. Громыко считал, что через 3–4 месяца отношения восстановятся³. В создавшейся ситуации после Шестидневной войны, в разгар холодной войны, «восстановление дипломатических отношений было напрямую увязано с прогрессом в деле политического урегулирования» на Ближнем Востоке⁴.

В российской дипломатии, отмечает Р.Д. Дауров, до сих пор ведутся споры относительно того, насколько был оправдан такой крайний шаг, как разрыв дипломатических отношений с Израилем. Некоторые считают, что достаточно было бы ограничиться отзывом из Израиля советского посла либо понижением уровня дипломатических отношений, чтобы облегчить в дальнейшем советское участие в миротворческом и переговорном процессе, который не мог быть полноценным ввиду явного перекоса советской ближневосточной политики в сторону арабского лагеря⁵.

Ссылаясь на израильского посла в Вашингтоне С. Диница, который встречался с советским послом в апреле 1975 г., известный израильский политический обозреватель М. Зак писал, что в ходе встречи А.Ф. Добрынин отметил, что в советском руководстве были две «школы»: одна полагала, что разрыв дипотношений с Израилем был оправ-

дан, другая считала, что это было ошибкой. «Борьба между этими школами продолжается, — сказал советский посол спустя восемь лет после разрыва дипотношений, — и еще не известно, кто победит»⁶.

Выступая 13 апреля 2001 г. в МГИМО на конференции, посвященной 20-летию восстановления дипотношений с Израилем, А.А. Бесмертных отметил, что «разрыв отношений был неверным, не очень хорошим решением». Тем не менее разрыв дипотношений состоялся, и каждая сторона проводила свою внешнюю политику, учитывая этот факт. Интересы Советского Союза в Израиле представляло посольство Финляндии в Израиле, а интересы Израиля в СССР представляло посольство Голландии.

После разрыва дипотношений не сразу проявлялись причины, которые стимулировали поиск каналов для установления контактов между двумя странами. После Шестидневной войны Израиль еще долго находился в состоянии эйфории от победы. Вместе с тем руководство страны долго не могло сформировать свою позицию в отношении занятых в ходе этой войны территорий, будущих границ Израиля, и ближневосточного урегулирования в целом — с тем чтобы отвечать на международные мирные инициативы или выступить со своими собственными.

Вопрос иммиграции евреев из Советского Союза, который всегда имел первостепенное значение для Израиля, временно потерял актуальность. 17 февраля 1967 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был установлен порядок выхода из гражданства СССР лиц, переселяющихся в Израиль. В связи с войной 1967 г. «по представлению Комитета госбезопасности с согласия ЦК КПСС в июне 1967 г. был приостановлен выезд советских граждан еврейской национальности на постоянное жительство в Израиль»⁷.

Однако в связи с увеличением числа желающих выехать в Израиль, активизацией движения за иммиграцию в Израиль и развернувшейся антисоветской кампании на Западе, 10 июня 1968 г. ЦК КПСС принял постановление «О возобновлении выезда советских граждан на постоянное жительство в Израиль» в 1968 г. в пределах до 1500 человек. О квоте выезда в Израиль в 1969 г. и в последующие годы в постановлении ЦК указывалось, что КГБ и МИД СССР внесут предложения «позже, с учетом обстановки»⁸. Выезд был возобновлен, но вместе с тем вводились ограничения, как количественные (до полутора тысяч человек в год), так и качественные (предпочтительным контингентом были пожилые евреи без высшего и специального образования и рели-

гиозные активисты, оказывавшие «вредное влияние» на остальное еврейство).

Несмотря на ужесточение, иммиграционный поток нарастал. Максимальная квота — 1500 человек — была превышена в 1969 г. вдвое, в 1971 г. — в девять, а в 1972 г. — более чем в двадцать раз. За один только 1971 г. в Израиль выехало более 13 тыс. евреев, что в 13 раз больше, чем в предыдущий, 1970 г.⁹ В 1972 г. из СССР по «еврейской линии» выехали 31 681 человек, в 1973 г. — 34 733 человек¹⁰.

Время проходило, события в регионе развивались, факт отсутствия дипломатических отношений все больше оказывал свое влияние. И Советский Союз, и Израиль все больше были заинтересованы непосредственно получать информацию о позиции друг друга. И несмотря на противостояние, наметился поиск установления контактов. Они установились по разным каналам. Эти контакты были на разных уровнях, они не были постоянными, порой проходили эпизодично и с существенными перерывами. Одни контакты развивались по тайным и негласным каналам, другие были открытыми, хотя мало афишируемыми.

Контакты между министрами иностранных дел

После разрыва дипотношений первая встреча между министрами иностранных дел состоялась 21 декабря 1973 г. в рамках Мирной конференции по Ближнему Востоку в Женеве. В работе конференции приняли участие министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, госсекретарь США Г. Киссинджер, министры иностранных дел Египта, Иордании и Израиля. В своем выступлении министр иностранных дел Советского Союза А.А. Громыко изложил советское видение решения ближневосточного конфликта и выдвинул свою программу урегулирования.

Вечером того же дня состоялась встреча советской делегации во главе с А.А. Громыко и израильской делегации во главе с министром иностранных дел Израиля А. Эбаном. Громыко и Эбан были знакомы и сотрудничали еще в период подготовки резолюции № 181 Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины; они не раз встречались и в последующие годы. Поэтому встреча в Женеве временами имела непринужденный характер.

22 декабря 1973 г. под грифом «строго секретно и срочно» в МИД Израиля была направлена запись этой беседы. Ниже приводим отрывки из этой записи (в нашем переводе с иврита):

«Абба Эбан отметил, что выступление А. Громыко на заседании мирной конференции вызовет большой интерес в Израиле. Однако нельзя недооценивать, так же как нельзя преувеличивать имеющиеся разногласия между нами... Многие склонны рассматривать отсутствие дипотношений между нами и Советским Союзом как изменение в позиции Советского Союза по отношению к самому признанию права Израйля на существование как суверенное государство. Выступление Громыко показывает, что это не так... Мы настаиваем на территориальных изменениях, необходимых для нашей безопасности. Мы не хотим просто «проглотить» территории из-за «аппетита», вызванного желанием иметь «большую карту», но нужды безопасности требуют решения об отдельных изменениях границы. А. Громыко подтвердил, «что СССР выступает за суверенный и независимый Израиль, который живет в мире и безопасности. Советский Союз заявил, что он готов применить весь свой вес для урегулирования конфликта на Ближнем Востоке и принятия решения, которое обеспечит безопасность границ государств региона, включая Израиль, и целостность их территорий. Этому курсу СССР придерживался всегда». И добавил: «Неверно утверждать, что наша политика является лишь следствием нашей поддержки арабов. Мы занимаем последовательную и независимую линию, принципы которой следующие:

1. Советский Союз признает, что Израиль, без сомнения, имеет право существовать как любое независимое государство в мире. Если кто-либо нарушит этот принцип, мы категорически выступим против этого, поскольку это будет противоречить основам нашей политики.

2. Советский Союз верит, что безопасности следует добиваться не путем приобретения территорий других государств».

На эти слова А. Эбан ответил, что в Израиле полагают, что мир должен включать этап территориальных переговоров, как и все переговоры о мире. Прежние линии прекращения огня не совпадают с мирными границами... Израиль не аннексировал территории, но однозначно хотел бы изменений, чтобы обеспечить мирное соседство.

Громыко подчеркнул, что «если Израиль хочет территории, которые не принадлежат ему, для экспансии, то Советский Союз будет поддерживать другую сторону. Если вы хотите безопасные гра-

ницы и жить как независимое, имеющее гарантии безопасности государство, то Советский Союз будет на стороне тех, кто желает этого»¹¹.

На встрече присутствовали послы и советники МИДов двух государств. После продолжительной беседы все присутствующие покинули зал и министры продолжили встречу наедине. В письме Голде Меир под грифом «секретно, лично» от 22 декабря 1973 г. Абба Эбан докладывал об этой встрече с глазу на глаз. В ходе этой встречи советский министр сказал: «Периодически приходят ко мне политики с разных стран и спрашивают, почему Советский Союз не восстанавливает дипломатические отношения с Израилем. Мне неясно, говорят ли они от имени Израиля». А. Эбан отмечает, что он прервал А. Громыко и сказал, что, насколько ему известно, ни Голда, ни он никогда ни у кого не просили ходатайствовать перед А. Громыко о возобновлении отношений. А. Эбан добавил, что он хотел бы, чтобы А. Громыко обратил внимание, что и на этой встрече он не просил ничего подобного, поскольку не думает, что Советский Союз сделает такой шаг в дни открытия мирной конференции. Если бы это зависело от него [от А. Эбана], он не рекомендовал бы такое обращение со стороны Израиля, пока у него не будет основания верить, что ответ будет положительным. А. Эбан также сказал советскому министру, что сам он думает, что Израиль не должен инициировать обращение по этому вопросу, поскольку Советский Союз почему-то разорвал отношения и именно он должен знать, как инициировать исправление этой ошибки, если сочтет это нужным. А. Громыко полностью игнорировал слова А. Эбана и продолжил: «Никто из этих политиков не утверждал, что он говорит от имени Израиля, но я подумал, что лучше будет, если я сам объясню нашу позицию. На данном этапе это трудно. Мы только что начали работать на мирной конференции. Общественное мнение у нас не поймет, почему мы вдруг предпринимаем такую инициативу. Но если будет важное продвижение, то будет возможно не только возобновить отношения, но что-то еще большее [something higher]. Пока желательно, чтобы мы встречались с вами как можно больше на многочисленных мероприятиях, на которые мы оба приглашены».

А. Эбан переспросил: что означает «что-то большее». А. Громыко ответил: «Например, встреча между Брежневым и Голдой Меир. Я в данном случае говорю с вами только как человек, и неофициаль-

но». А. Эбан предложил подытожить: «Вы передаете мне, что Советский Союз принципиально одобряет восстановление отношений с Израилем, но вы не считаете, что в настоящее время это возможно. Если произойдет продвижение на конференции, то откроется такая возможность, а также возможной встречи между Брежневым и Голдой Меир. Я со своей стороны не просил ничего в вопросе отношений, и я отмечаю, что то, что вы огласили при мне, было осуществлено по вашей инициативе. Верно ли я подытожил? — спросил я, и Громыко ответил утвердительно»¹².

Мы придали этой встрече особое внимание, во-первых, поскольку она была первой встречей на таком высоком уровне и, во-вторых, потому, что с советской стороны в ней участвовал А. Громыко, который был ключевым лицом среди тех, кто принимал решения в вопросах внешней политики Советского Союза.

А. Громыко неоднократно встречался с другими израильскими министрами. 24 сентября 1975 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН состоялась его встреча с Игалем Аллоном, незадолго до этого ставшим новым министром иностранных дел Израиля. Спустя шесть лет, 24 сентября 1981 г., А. Громыко встречался в Нью-Йорке с новым министром иностранных дел Израиля — Ицхаком Шамиром. Встреча между министрами состоялась еще дважды, 29 июля и 25 сентября 1984 г.

После прихода М.С. Горбачева к власти диалог между министрами иностранных дел двух стран продолжался. 22 сентября 1986 г. и 29 сентября 1987 г. состоялись встречи Э.А. Шеварднадзе с Шимоном Пересом. 9 июня 1988 г. Э.А. Шеварднадзе вновь встречался в Нью-Йорке с Ицхаком Шамиром, ставшим к тому времени премьер-министром Израиля. Э.А. Шеварднадзе изложил советский подход к ближневосточному урегулированию, основанный на последовательном соблюдении принципа баланса интересов всех сторон — и арабов, и Израиля. «Что касается вопроса о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Израилем, который затрагивал И. Шамир, то с советской стороны было указано, что с началом работы действенной и эффективной международной конференции Советский Союз будет готов заняться его решением»¹³.

Встречи между министрами иностранных дел двух государств представляли собой самый высокий уровень контактов между двумя государствами. Другие контакты осуществлялись на более низких

уровнях: встречи, переговоры и общение между дипломатами двух стран.

Встречи с израильскими дипломатами в Вашингтоне

После установления дипломатических отношений между СССР и Израилем послы обеих стран в США и в ООН постоянно проводили рабочие встречи и переговоры. После разрыва дипотношений в 1967 г. эти связи приостановились. Однако в конце 1968 г. посол СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрынин предпринял некоторые шаги для встречи с израильским послом А. Эбаном, которые должны были продемонстрировать готовность возобновить диалог с Израилем, но встреча эта так и не состоялась. Лишь в июле 1970 г., после того как выяснилось, что «великим державам» не удалось провести свой план урегулирования на Ближнем Востоке, состоялась встреча между А.Ф. Добрыниным и тогдашним послом Израиля в Вашингтоне И. Рабином. Переговоры с израильскими дипломатами были скорее эпизодичными. А. Добрынин до конца своего срока пребывания в Вашингтоне встречался также и с другими израильскими послами — Симхой Диницем, Моше Аренсом и другими. Ю. Дубинин, который заменил А. Добрынина в Вашингтоне, в свою очередь, также встречался с израильским послом Меиром Розеном. И именно с помощью этого канала переговоров был решен вопрос о прибытии советской консульской миссии в Израиль в 1988 г.¹⁴

В 1971 г., как дипломатично отметил Е.М. Примаков в своей книге «Ближний Восток на сцене и за кулисами», «стали поступать сигналы о желательности советско-израильских конфиденциальных контактов»¹⁵. После принятия Египтом, Иорданией и Израилем в 1971 г. так называемого второго плана госсекретаря США У. Роджерса и в связи с осложнением ситуации на Ближнем Востоке Е.М. Примаков поместил в тассовскую «нулевку» материал, в котором он утверждал о неблагоприятных для СССР переменах в Египте и на Ближнем Востоке в целом. Н.В. Подгорный настоял на отзыве этого материала. Однако референт Л.И. Брежнева Е.М. Самотейкин попросил Е.М. Примакова написать лично для Генерального секретаря о своем видении обстановки. Таким образом появилась записка Е.М. Примакова «Некоторые вопросы, связанные с ближневосточным кризисом», датированная 28 июля 1971 г.¹⁶

За месяц до этого была получена шифротелеграмма из Хельсинки, в которой говорилось: министр иностранных дел Финляндии Лескинен 28 мая в доверительном порядке проинформировал временного поверенного в делах СССР о беседе с Голдой Меир в перерыве между заседаниями сессии Совета Социтерна. Г. Меир обратилась к нему с просьбой организовать ее встречу с советскими представителями «в любое время, в любом месте и на любом уровне — для обмена мнениями о положении на Ближнем Востоке»¹⁷.

23 июля 1971 г. секретарь Политбюро ЦК КПСС К.У. Черненко передал Л.И. Брежневу запись беседы А.Н. Шелепина с председателем профцентра Австралии Р. Хоуком, который, будучи в Израиле, встречался с высшими руководителями Израиля. Зная, что он едет в Советский Союз, они просили его по возможности довести до сведения советского правительства позицию Израиля по ближневосточному урегулированию, а также, что «правительство Израиля очень хочет восстановить дипломатические отношения с Советским Союзом». Более того, 23 июля того же года в шифротелеграмме из Каира секретарь ЦК Б.Н. Пономарев писал, что А. Садат считает, что «это даже плохо, что с Израилем говорят только США, а не СССР».

Все эти сигналы вылились в решение Политбюро ЦК от 5 августа 1971 г. «направить в Израиль для проведения негласных контактов с официальными представителями Израиля тов. Примакова»¹⁸. Конфиденциальные контакты с израильским руководством осуществлялись с перерывами с августа 1971 по сентябрь 1977 г. В этих контактах был задействован сначала один Е.М. Примаков, а потом к нему присоединился Ю.В. Котов — ответственный сотрудник внешней разведки. На совещании членов правительства Израиля, состоявшемся 2 октября 1971 г. под руководством премьер-министра Г. Меир, большинство участников одобрили начавшиеся двусторонние контакты и их формат.

Один из вопросов, который интересовал министров, это от чьего имени непосредственно выступает Е.М. Примаков и кому докладывает о своих встречах. На этом же совещании было решено положительно ответить на предложение провести следующую встречу в Вене. Г. Меир подытожила, что встреча должна состояться до приезда А. Садата в Москву, подчеркнув: «Главная цель встречи — хорошо объяснить ему, что мы хотим и чего мы не хотим. Втолковать ему, что мы хотим мир, но не на любых условиях. Тот человек, который поедет (на встречу), должен быть способен говорить в соответствии с инструктажем и не выходить за рамки данных ему полномочий»¹⁹.

24 сентября 1971 г. было принято решение Политбюро о проведении либо в Вене, либо в Гааге встречи с представителями правительства Израйля «с целью закрепления контактов с израильскими руководителями и детального обсуждения позиций сторон по ближневосточному конфликту».

7 октября 1971 г. израильское правительство дало положительный ответ, и серия встреч в Вене началась. Нужно сказать, что в Москве им придавали немалое значение. Нацеленность намечаемых в Вене встреч на конкретное продвижение процессов урегулирования была очевидной. Советский Союз хотел сыграть конструктивную посредническую роль в урегулировании. Но израильская сторона явно не стремилась обсуждать конкретные вопросы, поэтому возможность продвинуться в урегулировании была упущена. Минус советской позиции заключался в том, что она основывалась на механизмах ООН, а это не устраивало Израиль. Поднимались вопросы об эмиграции евреев из СССР в Израиль. В то время уже не было прямых препятствий для такой эмиграции, хотя, чтобы не поощрять ее, предпринималась целая система мер для осложнения выезда, в том числе и выплата за полученное в СССР образование.

В то же время практически параллельно развивались контакты на партийном и общественном уровне. С разрывом дипотношений с Израилем отношения между КПСС и израильской Компартией не прерывались. Следует отметить, что межпартийные отношения оказались в непростой ситуации. Незадолго до Шестидневной войны, в августе 1965 г., в рядах Компартии Израйля произошел раскол: она разделилась на группу Микуниса — Снэ и группу Вильнера — Туби.

На первых порах КПСС поддерживала отношения как с одной, так и с другой группой. И не сразу после войны и после разрыва дипотношений КПСС признала преемницей КПИ арабо-еврейскую группу Вильнера — Туби, получившую название РАКАХ — Новый коммунистический список. И хотя КПСС приобрела в лице новой компартии верного сторонника, она потеряла поддержку видного политического деятеля Израйля, каким был Моше Снэ. На политической карте Израйля Новый коммунистический список оказался изгоем. Однако он был единственным открытым каналом между СССР и Израилем и сыграл определенную роль в установлении общественно-политических контактов между двумя странами.

Представители Коммунистической партии Израйля периодически приезжали в Москву, однако официальные встречи проходили нечасто.

«По приглашению ЦК КПСС с 13 по 22 декабря 1971 г. в Советском Союзе находилась делегация КПИ в составе генсека ЦК КПИ т. М. Вильнера и секретаря ЦК КПИ т. З. Каркаби. Делегация имела встречи и беседы в Международном отделе и в Отделе пропаганды ЦК КПСС, в Союзе советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, а также в ряде советских общественных организаций. 17 декабря состоялась встреча делегации с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС П.Н. Демичевым, в которой принимал участие член Центральной ревизионной комиссии КПСС, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладин», — сообщила «Правда»²⁰.

После Войны Судного дня в октябре 1973 г., 1 ноября, состоялась встреча кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС Р.А. Ульяновского с делегацией Коммунистической партии Израиля в составе члена Политбюро, секретаря ЦК Т. Туби, члена Политбюро Р. Любич и председателя Центральной контрольной комиссии В. Эрлиха²¹.

15 июня 1975 г. газета «Правда» опубликовала сообщение о состоявшейся новой встрече Б.Н. Пономарева, Р.А. Ульяновского и члена Центральной ревизионной комиссии КПСС В.В. Загладина с делегацией Коммунистической партии Израиля в составе ее генерального секретаря М. Вильнера и членов Политбюро ЦК КПИ Б. Гонена и С. Эль-Касема. В этом сообщении впервые было отмечено, что «обе делегации считают, что урегулирование ближневосточного вопроса на справедливой основе создаст благоприятные предпосылки для развития отношений Советского Союза со всеми без исключения государствами Ближнего Востока, в том числе Израилем»²².

На этих встречах подчеркивалось совпадение мнений по обсуждаемым вопросам. На встрече в июне 1975 г. впервые было сказано, что представители обеих партий «высказались за дальнейшее укрепление существующих братских связей между обеими партиями».

Первая встреча на уровне члена Политбюро состоялась 18 января 1984 г. Во встрече участвовали член Политбюро, секретарь ЦК КПСС К.У. Черненко, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев и заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС К.Н. Брутенц; со стороны КПИ — Меир Вильнер, член Политбюро ЦК Д. Бурштейн, секретарь ЦК Дж. Туби и кандидат в члены

ЦК Л. Захави. «Стороны подчеркнули важность в сложившихся ныне условиях активизации всех миролюбивых сил, их сплоченных действий с целью преградить путь растущей военной опасности, повернуть ход событий в сторону оздоровления международного климата»²³.

Еще в первые свои приезды после Шестидневной войны в Москву представители КПИ продвигали идею о развитии дружественных связей на общественном уровне. Как свидетельствует бывший председатель Израильского общества дружбы с СССР Йорам Гожански, именно КПИ передала в Международный отдел ЦК КПСС предложение о целесообразности визита израильских общественных деятелей в Москву²⁴. Это было логично. Лидеры КПИ знали о настроениях в израильском обществе, они понимали, что отсутствие отношений наносит урон и Советскому Союзу, и израильтянам, и евреям Советского Союза. Более того, они рассчитывали, что, став посредником между советской и израильской стороной, они смогут повысить свой авторитет как среди израильтян, так и в глазах руководства Советского Союза. Это было особенно важно, поскольку после раскола в партии прошло не так уж много времени и новая компартия находилась все еще в стадии становления.

Визит первой делегации общественных деятелей Израиля в Советский Союз состоялся практически одновременно с визитом Е.М. Примакова в Израиль. Делегация прибыла в Москву 24 августа 1971 г., а Е.М. Примаков прибыл в Тель-Авив 28 августа. Не исключено, что коммунисты не знали о тайной миссии Е.М. Примакова.

В состав израильской делегации вошло шесть человек. Это были общественно-политические деятели, имевшие разные политические взгляды: Я. Рифтин из руководства Независимого левого сионистского социалистического союза; журналист Джеймс Розенталь; профессор Дан Мирон; Натан Елин-Мор — журналист, бывший депутат Кнессета и член руководства движения «За мир и безопасность» (в 40-е гг. он был членом руководства ЛЕХИ); один из руководителей Движения дружбы Израиль — Советский Союз Миша Эдельберг и член Политбюро Компартии Израиля Р. Любич. В отсутствие дипотношений организовать визит такого рода было совсем непросто. Для его проведения был создан Инициативный комитет за улучшение отношений с Советским Союзом, и будущие участники встреч стали его членами. Приглашение от Комитета защиты мира было адресовано созданному комитету, но в нем находились персональные приглашения для каждого члена делегации. Делегация прибыла в Москву через Румынию.

Советская сторона придавала большое значение этой поездке, о чем свидетельствует список представителей советской общественности, участвовавших во встрече с израильской делегацией 6 сентября 1971 г.²⁵:

- ВЕРНОВ С.Н. — академик, член Президиума СКЗМ, председатель Московского КЗМ*
ПРОСКУРИНKOVA К.С. — зам. председателя КСЖ, член СКЗМ
НИКИТИНА Г.С. — кандидат наук, ответственный сотрудник Института Азии АН СССР
БОТВИНОВ А.И. — ответственный сотрудник ВЦСПС
БРАГИНСКИЙ И.С. — доктор наук, проф. Института Азии АН СССР
ВЕРГЕЛИС А.А. — писатель, гл. редактор журнала «Советские геймланд», член СКЗМ
ГРОМОВ А.А. — директор 1-го подшипникового завода, депутат Верховного Совета СССР, член СКЗМ
ГАТАУЛИН М.Ф. — кандидат наук, ответственный сотрудник Института Африки АН СССР
ГРИБАНОВ С.П. — секретарь СКЗМ
ДЗАСОХОВ А.С. — ответственный секретарь Советского комитета солидарности стран Азии, Африки и Латинской Америки
КУЗЬМИН Н.М. — рабочий, токарь-карусельщик завода «Красный пролетарий», член СКЗМ
МОИСЕЕВ И.А. — народный артист СССР, член СКЗМ
ПОЛТОРАК А.И. — доктор юридических наук, ответственный сотрудник Института государства и права АН СССР
СВЕРДЛОВ Г.М. — кандидат наук, ответственный сотрудник ИМОиМЭ АН СССР, член СКЗМ
СУЛТАНОВ А.Ф. — кандидат наук, ответственный сотрудник Института Африки АН СССР
СОЛОВЬЕВ О.Ф. — проф., ответственный сотрудник Института истории АН СССР
ХОМЕНКО А.Ф. — секретарь СКЗМ
ПЕТРЕНКО В.Я. — генерал-лейтенант, Герой Советского Союза. Советский комитет ветеранов войны

В отчете о пребывании израильской делегации принимавшие их ответственные сотрудники Советского комитета защиты мира писали: «В августе комитет принимал группу общественных деятелей Израиля,

выступающих против агрессивного курса правительства Тель-Авива, за политическое урегулирование ближневосточного конфликта. В комитете, а также на местах, где побывали гости — Ленинград, Одесса, Кишинев, — состоялись обстоятельные беседы с представителями советской общественности, на которых аргументированно излагалась позиция советской общественности по актуальным проблемам борьбы за мир и сотрудничество между народами и, в частности, по проблемам ликвидации последствий израильской агрессии в духе резолюции ООН. По возвращении в Израиль члены группы выступили перед общественными кругами Израиля о своей поездке в СССР. Эти выступления, как о том свидетельствуют поступившие сообщения, содействовали разоблачению антисоветской враждебной делу мира политики сионистов и правительства Израиля и его союзника — империализма США»²⁶.

13 сентября 1971 г. в Советский комитет защиты мира пришла совместная телеграмма от членов делегации:

«Дорогие друзья! Выражаем сердечную благодарность за теплый прием, оказанный нам в вашей стране. В настоящее время мы выступаем по всей стране с докладами о том, что мы узнали и увидели во время визита в СССР. Каждый из нас делится своими впечатлениями в печати и по другим каналам массовой информации. Несмотря на то что определенные экстремистские круги пытаются замалчивать это, широкая общественность проявляет огромный интерес к нашей миссии. Искренне ваши: Миша Эдельберг, Натан Елин-Мор, Рут Любич, Дан Мирон, Джеймс Розенталь, Яков Рифтин»²⁷.

В Москву по приглашению Комитета защиты мира израильские делегации приезжали в 1972, 1973, 1975, 1977, 1979 гг. и далее, в среднем — каждые два года. Каждый раз делегация была более представительной. В их составе были: журналист Амнон Капелюк, адвокат Давид Шахам, адвокат Амнон Зихрони, депутаты Кнессета Йоси Сарид, Ора Намир, Хайка Гроссман, Авраам Меламед, Шуламит Алони, раввин Менахем Хакоэн, активист протестного движения «Черные пантеры» Чарли Битон и др. В состав каждой делегации входил представитель КПИ. Формирование такой делегации было делом непростым. Во-первых, много деятелей, которые хотели бы поехать в СССР, не были готовы принять содействие и участие коммунистов. Во-вторых, даже если коммунисты и предлагали каких-либо кандидатов, которые действительно были сторонниками улучшения отношений с СССР и зани-

мали умеренные позиции по ближневосточному урегулированию, эти кандидатуры должны были получить одобрение со стороны Москвы.

Основная задача, которая стояла перед руководством Комитета защиты мира, заключалась в доведении до израильтян советской позиции по ближневосточному урегулированию. Встречи представителей обеих сторон организовывались в зависимости от уровня делегаций. Израильтяне со своей стороны пытались более подробно довести свои позиции до сведения советской стороны. Однако, как представляется, их слова не всегда были услышаны.

Первая делегация общественных деятелей в 1971 г. стремилась не столько к политическому диалогу, сколько ознакомиться с жизнью в Советском Союзе, в том числе с положением советских евреев. Приезжавшие депутаты Кнессета рассчитывали на встречи с советскими государственными деятелями, тем более что перед отъездом они докладывали о своей поездке партийному руководству, а порой и правительству. (Так, например, Ора Намир и Хайка Гроссман встречались с премьер-министром И. Шамиром до и после поездки). Члены делегаций не знали о конфиденциальных контактах между двумя странами и считали себя первопроходцами. Отчасти, возможно, так и было. Израильтяне встречались в Москве с Г.А. Арбатовым, Е.М. Примаковым, А.Е. Бовиным и другими экспертами, с мнением которых считались советские руководители. В 1987 г. Ора Намир по своей инициативе встречалась непосредственно с представителем международного отдела ЦК КПСС. В 1987 г. планировалось проведение круглого стола с участием советской и израильской стороны, однако некоторые руководители ЦК КПСС сочли это мероприятие преждевременным (см. об этом в документах ниже).

После приезда первой израильской делегации по линии Комитета защиты мира стали приезжать и делегации по линии Общества дружбы с зарубежными странами, ВЦСПС, Комитета молодежных организаций. В состав этих делегаций входили коммунисты и ветераны КПИ, приближенные к КПИ люди, умеренные профсоюзные деятели и представители коммунистической молодежи. Нередко участие в такой делегации было знаком благодарности за многолетнюю деятельность в рядах КПИ. Визиты этих делегаций обычно носили чисто символический характер и их уровень не был высок.

Кроме того, в советских принимающих общественных организациях не всегда были подразделения, которые занимались непосредственно Израилем, визиты израильских делегаций порой курировали сотрудни-

ки, занимавшиеся другими странами и мало знакомые с израильской проблематикой. Это оказывало существенное влияние на эффективность визита. Исключение составлял Комитет советских женщин, международный отдел которого традиционно имел тесные контакты с израильскими женскими организациями. Представительницы ближневосточного подразделения хорошо знали Израиль и даже побывали там с визитом.

Общественно-политические контакты между Советским Союзом и Израилем строились на двусторонней основе. Начиная с 1968 г. была возобновлена традиция, когда по приглашению Движения дружбы Израиль — СССР в Израиль приезжала советская делегация на празднование Дня Победы. В ходе этих визитов советские делегаты не встречались с официальными лицами, но давали интервью представителям СМИ. Каждая из советских делегаций состояла из трех-четырёх человек, причем состав делегации определялся международным отделом ЦК КПСС. В состав делегаций входили деятели культуры и искусства, представители советских общественных организаций и сопровождающие лица. Что касается национального состава, то в каждой делегации один делегат обязательно был еврейской национальности. В 1980-е гг. в состав делегации стали включать певцов и музыкантов, которые выступали на праздновании.

В заключение приведем четыре документа, которые отражают всю проблематику, связанную с принятием решений по приему израильских делегаций²⁸.

Документ 1

*СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ МИРА
COMITÉ SOVIÉTIQUE DE DÉFENSE DE LA PAIX
SOVIET PEACE COMMITTEE*

5 августа 1987 г.

Секретно

Экз. № 1

ЦК КПСС

О приеме в СССР израильских участников круглого стола по вопросам ближневосточного урегулирования

В Советский комитет защиты мира обратилось руководство Компартии Израиля (гг. М. Вильнер и Т. Туби) с просьбой о проведении в СССР под эгидой Советского комитета защиты мира круглого стола советской и израильской общественности по проблемам разблокирования конфликтной ситуации на Ближнем Востоке. По мнению

т. Туби, в условиях нарастания в политических кругах и общественном мнении Израиля разногласий по вопросам ближневосточного урегулирования разъяснение советского подхода к этим вопросам тем деятелям, которые в той или иной форме высказываются за созыв Международной конференции по Ближнему Востоку под эгидой ООН, могло бы способствовать укреплению более реалистических тенденций в израильской политике, было бы полезно для работы Компартии Израиля в различных общественно-политических кругах и ее борьбы против разгула в стране антисоветской пропаганды. Кроме того, такая встреча дала бы возможность разъяснить израильским общественно-политическим деятелям советскую позицию по вопросам мира и ядерного разоружения, предотвращения милитаризации космоса, что особенно важно ввиду подключения Израиля к американской программе СОИ.

С израильской стороны на заседании круглого стола предполагается участие, наряду с представителями Компартии, членов руководства Партии труда, партии МАПАМ, Движения за гражданские права, депутатов парламента (ожидаемый состав израильской делегации прилагается).

Считали бы целесообразным согласиться с предложением руководства Компартии Израиля и принять в СССР до девяти израильских представителей сроком до девяти дней начиная с 24 августа 1987 года, имея в виду проведение круглого стола 26–27 августа. Учитывая высокий уровень израильских участников, полагали бы также необходимым предусмотреть соответствующий уровень и с советской стороны. Руководство Компартии Израиля высказало пожелание, чтобы в беседах с израильской делегацией принял участие также и заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС т. Брутенц К.Н. (Возможный состав советской делегации прилагается.)

Планом связей советских общественных организаций с общественными организациями капиталистических и освободившихся стран на 1986–1987 гг. прием в СССР делегации израильской миролюбивой общественности в 1987 году предусмотрен.

Расходы по приему в СССР израильских представителей будут отнесены за счет сметы Советского комитета защиты мира на 1987 год.

Проект Постановления ЦК КПСС прилагается.

*Заместитель председателя
Советского комитета защиты мира
(В. Орел)*

Документ 2*Секретно**Экз. № 1**Проект***ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС****О проведении круглого стола советской и израильской общественности по вопросам ближневосточного урегулирования**

1. Поручить Советскому комитету защиты мира принять в СССР с 24 августа 1987 года сроком до девяти дней до девяти израильских общественно-политических деятелей для участия в заседаниях круглого стола советской и израильской общественности по вопросам ближневосточного урегулирования.

2. Поручить *т.т.* Арбатову Г.А., Брутенцу К.Н., Боровику Г.А., Карпову В.В., Кондакову М.И., Орлу В.Н., Журкину В.В., Кудрявцеву В.Н., Капице Л.С., Иванову Е.З., Беляеву И.П. принять участие в заседаниях круглого стола советской и израильской общественности 26–27 августа 1987 года.

СПИСОК

советских участников круглого стола советской и израильской общественности по вопросам ближневосточного урегулирования

- 1.** АРБАТОВ Г.А. — член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, академик, директор Института США и Канады АН СССР
- 2.** БРУТЕНЦ К.Н. — кандидат в члены ЦК КПСС, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС
- 3.** БОРОВИК Г.А. — председатель Советского комитета защиты мира
- 4.** КАРПОВ В.В. — первый секретарь Правления Союза писателей СССР, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза
- 5.** КОНДАКОВ М.И. — депутат Верховного Совета РСФСР, президент Академии педагогических наук СССР, председатель Советского общества дружбы и культурной связи с арабскими странами
- 6.** ОРЕЛ В.К. — первый заместитель председателя Советского комитета защиты мира

7. ЖУРКИН В.В. — заместитель председателя Советского комитета защиты мира, член-корреспондент АН СССР, заместитель директора Института США и Канады АН СССР
8. КУДРЯВЦЕВ В.Н. — академик, директор Института государства и права АН СССР
9. КАПИЦА М.С. — директор Института востоковедения АН СССР, председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки
10. ИВАНОВ Е.В. — первый заместитель председателя Президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами
11. БЕЛЯЕВ И.П. — политический обозреватель «Литературной газеты»

СПИСОК

участников круглого стола советской и израильской общественности по вопросам ближневосточного урегулирования (израильские участники)

1. Меир Вильнер — депутат Кнессета, генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля
2. Узи Барам — депутат Кнессета, генеральный секретарь Партии труда
3. Элиэзер Гранот — депутат Кнессета, генеральный секретарь ЦК партии МАПАМ
4. Ора Намир — депутат Кнессета от Партии труда
5. Хаим Рамон — депутат Кнессета от Партии труда
6. Шуламит Алони — депутат Кнессета, лидер Движения за гражданские права (РАЦ)
7. Бенъямин Гонен — член Политбюро ЦК Компартии Израиля, руководитель фракции Демократического фронта в профсоюзном объединении Гистадрут
8. Асса Каиер — профессор филологии Тель-Авивского университета, участвует в работе Международного центра за мир на Ближнем Востоке
9. Мерван Дувайери — секретарь организации выпускников университетов г. Назарет

Документ 3

Секретно
ЦК КПСС

О приеме в СССР группы израильских общественно-политических деятелей

Советский комитет защиты мира (СКЗМ) внес предложение о проведении в г. Москве 26–27 августа 1987 года круглого стола с участием представителей советской и израильской общественности по вопросам ближневосточного урегулирования. Идею организации такой встречи выдвинуло руководство Компартии Израиля (КПИ). С израильской стороны предполагается участие Генерального секретаря ЦК КПИ М. Вильнера, членов руководства Партии труда, входящей в правительственную коалицию, партии МАПАМ, депутатов Кнессета (парламента).

Это мероприятие имеет целью способствовать углублению понимания в Израиле позиции СССР по Ближнему Востоку, включая наш подход к вопросу созыва международной конференции, советских инициатив в области ядерного разоружения и предотвращения милитаризации космоса. Что является актуальным ввиду подключения Израиля к американской программе СОИ.

Принимая во внимание состав группы израильских общественно-политических деятелей, было бы целесообразно предусмотреть участие во встрече с ними с советской стороны директора Института США и Канады АН СССР т. Арбатова Г.А. и, учитывая соответствующую просьбу руководства КПИ, заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС т. Брутенца К.Н.

Планом связей советских общественных организаций с общественными организациями капиталистических и развивающихся стран на 1986–1987 годы прием в СССР израильской делегации предусмотрен.

Считали бы возможным поддержать предложение СКЗМ.

Просим согласия.

Зам. зав. Международным отделом
ЦК КПСС
(В. Загладин)
10 августа 1987 года

Документ 4

Товарищу М.С. Горбачеву

В соответствии с Вашим указанием о проведении в Москве в конце августа советско-израильского круглого стола по вопросам ближневосточного урегулирования представляем свои соображения.

Целесообразность проведения такого мероприятия в намеченные сроки вызывает большие сомнения.

В соответствии с принятыми решениями периодически осуществляются контакты по линии МИД СССР и Израиля. Последняя такая встреча состоялась на днях в Бонне. Содержание и итоги этих консультаций представляются полезными. Имеются в виду их продолжить. Перес просит о встрече в Нью-Йорке.

Наши контакты с Израилем в соответствии с указанными решениями носят тщательно выверенный, дозированный характер, что помогает нам продвигать с израильского угла процесс ближневосточного урегулирования, в то же время избегая отрицательной реакции со стороны арабов.

С генсеком ЦК Компартии Израиля М. Вильнером в период его пребывания в Москве на праздновании 70-летия Октябрьской революции можно было бы обстоятельнее обсудить этот вопрос, прояснить полезность подобного мероприятия.

С учетом этих соображений считаем целесообразным отложить проведение круглого стола и вернуться к этому вопросу в конце года.

Просим рассмотреть.

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ. В. ЧЕБРИКОВ.

Ю. СКЛЯРОВ. В. ЗАГЛАДИН.

04 сентября 1987 г.

Практически Э.А. Шеварднадзе и В.М. Чебриков решили судьбу этого круглого стола уже после того, как все было согласовано и в Израиле газеты пестрели сообщениями о предстоящем событии. Как представляется, недостаточная информация о внутривосточной ситуации в самом Израиле, о политическом настроении израильского общества, об общественном мнении в стране, особенно после первой ливанской войны 1982–1985 гг. и создания правительства национального единства, не позволили им оценить возможное влияние такого форума на настроение израильского электората. Такой «левый форум»

не мог бы заменить и даже помешать наметившимся сдвигам в советско-израильских отношениях, которые затронули и сферу межгосударственных политических контактов, и сферу развивающихся контактов между представителями МИД СССР и МИД Израиля на рабочем уровне, в том числе через консульские группы двух стран. Успех круглого стола помог бы израильскому обществу, а не правительству, лучше понять позицию Советского Союза по вопросам ближневосточного урегулирования.

Визиты израильских делегаций в СССР, да и советских делегаций в Израиль практически мало освещались в советской прессе, в то время как израильская пресса широко комментировала их и публиковала впечатления израильтян, посетивших СССР. Как представляется, трудно говорить однозначно о значении этих визитов, но тем не менее в период отсутствия дипломатических отношений они внесли свою лепту в развитие контактов между двумя странами.

Примечания

¹ АВП РФ. Ф. 089. Оп. 20. П. 32. Д. 1. Л. 23–24; Правда. 8 июня 1967.

² АВП РФ. Ф. 089. Оп. 20. П. 32 Д. 2. Л. 7; Известия. 10 июня 1967.

³ Из беседы с А.А. Бессмертных 13 апреля 2011 г. на конференции, посвященной 20-летию восстановления дипотношений с Израилем в МГИМО (У).

⁴ Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. Государство Израиль. М., 2005. С. 180.

⁵ Дауров Р.Д. Долгая Шестидневная война. М., 2009. С. 144–145.

⁶ Zak M. Arbaim shnot du-siach im Moskva [Сорок лет диалога с Москвой]. Тель-Авив, 1988, С. 151.

⁷ Морозов Б. Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель-Авив, 1998. С. 62.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Российско-израильские дипломатические отношения в архивных документах. М., 2006. С. 25.

¹⁰ Этштейн А.Д., Сулейманов Р.Р. История и историография российско-израильских отношений // Израиль, Россия и мир: история и современность / под ред. А.Д. Этштейна и В.А. Кузьмина. Екатеринбург: Уральский ГУ им. А.М. Горького, 2008). С. 85–94.

¹¹ Ginzah hamdina [Государственный архив Израиля], папка 7021/21.

¹² Там же.

¹³ Правда. 11 июня 1988 г. // СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988. Документы и материалы. М.: ИПЛ, 1989. С. 443–444. Док. 250.

¹⁴ Zak M. 40 shnot du-siach im Moskva. С. 159

- ¹⁵ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2006. С. 264.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 266.
- ¹⁸ Там же. С. 268.
- ¹⁹ Ginzah hamdina (Государственный архив Израиля).
- ²⁰ Правда. 22 декабря 1971 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 158. Док. 78.
- ²¹ Правда. 2 ноября 1973 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 181. Док. 95.
- ²² Правда. 15 июня 1975 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 211. Док. 114.
- ²³ Правда. 21 января 1984 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 365–366. Док. 206.
- ²⁴ Из беседы с Й. Гожанским. Тель-Авив. 16 апреля 2010 г.
- ²⁵ ГАРФ, фонд 9539, опись 1, дело 1439, л. 13–14.
- ²⁶ ГАРФ, фонд 9539, опись 1, ед. хранения 1447, л. 3.
- ²⁷ ГАРФ, фонд 9539, опись 1, ед. хранения 1465, л. 15.
- ²⁸ «Нами проводится линия на постепенное и дозированное развитие контактов с Израилем...» / Предисл. и публ. А.Е. Локшина (К 15-летию полного восстановления дипломатических отношений с Израилем) // *Лехаим*. № 10. 2006. С. 21–26.

Татьяна Носенко
(Москва)

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ
ОТНОШЕНИЙ С ИЗРАИЛЕМ
(1985–1991)**

В период перестройки и гласности в Советском Союзе, пришедшийся на вторую половину 1980-х — начало 1990-х гг., серьезному пересмотру подвергались и внешнеполитические установки. На смену советской идеологизированной внешнеполитической доктрине, основывавшейся на конфронтационном подходе к Западу, приходило новое политическое мышление, которое отдавало приоритет общечеловеческим ценностям, провозглашая их более универсальной основой для деятельности государства на международной арене, чем классовые интересы и соображения идеологического престижа.

Не лишённые определенной доли идеализма, эти представления тем не менее повлекли за собой постепенную трансформацию советской политики и в «третьем мире»¹: он больше не рассматривался как арена противоборства с США и странами Запада за установление своего влияния. Происходил медленный отказ от правил игры с нулевым вариантом, когда любые успехи соперника рассматривались как собственное поражение и, наоборот, любые его провалы зачислялись в свой актив.

Деидеологизация международных отношений способствовала и изменению подхода к региональным конфликтам. Если в предыдущий период они зачастую использовались в интересах глобального противостояния, то теперь советское руководство взяло курс на обеспечение благоприятных условий для их приглушения с учетом интересов всех вовлеченных сторон.

На Ближнем Востоке, который в период холодной войны был одним из важнейших регионов, где разворачивалось противоборство СССР и США, новые внешнеполитические установки нашли свое практическое воплощение в первую очередь. В статье анализируются характер этих изменений и их влияние на пересмотр отношений Советского Союза с Израилем. В ней рассматриваются и другие причины, подталкивавшие советское руководство к изменению курса в отношении Израиля, а также некоторые факторы, противодействовавшие этому процессу.

Причины пересмотра отношений с Израилем с приходом к власти М.С. Горбачева

Изменения в региональной политике

Начавшийся с середины 1980-х гг. пересмотр внешнеполитических ориентиров, в том числе и в отношениях с «третьим миром», был вызван осознанием того факта, что экспансионизм предыдущих десятилетий, основывавшийся на стремлении продвигать собственные идеологические клише по всему миру, приводил к весьма негативным последствиям для безопасности Советского Союза. Эта политика стимулировала формирование враждебных СССР коалиций, давала возможность западным лидерам использовать реальную и мнимую советскую угрозу как фактор для консолидации противостоящих ей сил по всему миру. Развязанная СССР и США в ходе борьбы за глобальное лидерство гонка вооружений пагубно отражалась на советской экономике, блокировала хозяйственные преобразования внутри страны, проведение которых было поставлено в повестку дня новым руководством во главе с М.С. Горбачевым.

Задачи внутренних политических и экономических преобразований требовали создания более благоприятного международного климата, снижения накала напряженности по всем внешнеполитическим направлениям. Если еще в 1981 г. в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии выражалось традиционное осуждение империалистов за их стратегические замыслы, подрывающие независимость освободившихся от колониальной зависимости стран², то совсем другие ноты звучали в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, проходившему в феврале 1986 г. Здесь уже говорилось о необходимости «найти пути более тесного и продуктивного сотрудничества с прави-

тельствами, партиями, общественными организациями и движениями, которые действительно озабочены судьбами мира на Земле, со всеми народами ради создания всеобъемлющей системы международной безопасности»³. В этих формулировках проявлялось стремление найти более прагматичный, деидеологизированный подход к выстраиванию внешнеполитического курса, который более соответствовал бы экономическим возможностям СССР и задачам реформ, менее подчинялся идеологической концепции классовой борьбы и военного соревнования с Западом.

На ближневосточном направлении также стали, хотя и медленно, проявляться корректировки курса, на первых порах трудноразличимые за прежней антиимпериалистической фразеологией. В предыдущие периоды в советской ближневосточной политике явно просматривалось стремление ориентироваться прежде всего на радикальные силы региона, будь то государства или группировки в антиколониальных движениях, и укреплять свое влияние среди них. В партийной платформе, представленной на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 г., содержалась новая установка на развитие отношений со странами так называемой капиталистической ориентации, в том числе с консервативными арабскими режимами. Менялся и подход к проблеме арабского единства, столь важного с советских позиций для урегулирования арабо-израильского конфликта. Теперь единство действий арабов предлагалось выстраивать не на «антиимпериалистической основе», а на «конструктивной и реалистической платформе»⁴.

Частью новой советской политики по расширению связей с ближневосточными государствами независимо от их идеологической ориентации стало установление дипломатических отношений в конце 1985 г. с Оманом и Объединенными Арабскими Эмиратами, в 1988 г. — с Катаром, в 1990 г. — с Бахрейном.

Более гибкий и конструктивный взгляд на региональную ситуацию привел советское руководство к выводу о необходимости улучшения советско-египетских отношений, удар по которым был нанесен разворотом президента А. Садата в сторону Запада в начале 1970-х гг., а затем его курсом на сепаратные переговоры с Израилем и заключение кэмп-дэвидских соглашений. В мае 1988 г. Москву впервые с 1974 г. посетил с официальным визитом министр иностранных дел Египта И.А. Магид, а в феврале 1989 г. глава советского внешнеполитического ведомства Э. Шеварднадзе прибыл с ответным визитом в Каир.

На этом фоне отсутствие дипломатических отношений с Израилем как одним из важнейших игроков на ближневосточной арене становилось анахронизмом. Горбачев уже в 1987 г. признавал: «У нас нет причин относиться к Израилю иначе, чем к любому другому государству, кроме одной — агрессивной политики Израиля в отношении арабов»⁵.

В отношениях с традиционными союзниками — Сирией и ООП — намечалась тенденция отказа от поощрения их радикализма как в отношении Израиля, так и в решении других региональных проблем. Советское руководство настойчиво предупреждало президента Сирии Х. Асада, посетившего Москву с официальным визитом в апреле 1987 г., против развязывания новых военных действий в регионе и призывало решать конфликты, как бы это ни было трудно, политическими средствами⁶. Именно в ходе этого визита было сделано одно из первых заявлений Горбачева о том, что отсутствие у СССР отношений с Израилем не может считаться нормальной ситуацией⁷.

В русле нейтрализации радикальных тенденций среди палестинцев развивались и отношения между СССР и ООП. Москва играла активную роль посредника в примирении различных фракций внутри ПДС в 1987–1988 гг., после того как провалилась совместная инициатива Арафата — Хусейна по решению палестинской проблемы⁸. Отсутствие единства в рядах ООП, а также ее непримиримая позиция в отношении Израиля расценивались советским руководством как препятствие на пути продвижения к урегулированию конфликтной ситуации на Ближнем Востоке. Во время визита Я. Арафата в Москву в апреле 1988 г. Горбачев впервые на встрече с арабским лидером публично заявил, что наряду с самоопределением палестинского народа признание Государства Израиль, учет интересов его безопасности являются необходимым элементом установления мира и добрососедства в регионе на принципах международного права⁹.

В публикациях в советской прессе этого периода крайне робко, но все же проскальзывал тезис о желательности признания ООП международно-правовой базы для решения конфликта. Один из известных политических обозревателей того периода К. Гейвандов писал в «Известиях»: «Признание ООП резолюции 181 заложит основу для соблюдения норм международного права в арабо-израильском конфликте»¹⁰. Занятая Советским Союзом активная позиция поощрения умеренных кругов ООП внесла свою лепту в признание Национальным советом Палестины на XIX сессии в Алжире в ноябре 1988 г. резолюций 181/II

ГА ООН от 1947 г. и 242 (1967) и 338 (1973) СБ ООН, что могло трактоваться как косвенное признание права на существование Государства Израиль.

Изменение политики в отношении ближневосточного конфликта

С первых этапов ближневосточного конфликта Советский Союз стремился использовать его для продвижения собственных позиций в регионе и блокирования американского влияния. Как указывает израильская исследовательница, конфликт «являлся для Советского Союза средством для проникновения в регион в 1950-х гг. и для масшированного военного выдвижения на его арену в 1960-х гг., обеспечивая как военные, так и политические интересы Москвы на региональном и даже на глобальном уровне»¹¹.

Новое политическое мышление генерировало иной подход к региональным конфликтам, который основывался на принципе баланса интересов всех сторон. В своей программной книге «Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира» М.С. Горбачев писал, касаясь Ближнего Востока: «Мы понимаем, что при существующем положении вещей трудно добиться гармонии интересов конфликтующих сторон. Но надо искать, надо пытаться привести к какому-то общему знаменателю интересы арабов, Израиля, его соседей, других государств»¹². Хотя израильская политика по-прежнему подвергалась жесткой критике во многих официальных документах советского правительства и выступлениях его представителей, но по-новому расставлялись акценты в советской позиции по урегулированию конфликта. Теперь право палестинского народа на самоопределение непосредственно увязывается с признанием права на безопасность Израиля. «Мы исходим из того, что израильский народ и Государство Израиль имеют право на свою безопасность, потому что не может быть безопасности одного за счет другого», — говорил Горбачев в одном из своих выступлений перед журналистами в Москве в июне 1988 г.¹³

Советская дипломатия всегда исходила из того, что наиболее эффективным способом обеспечения советских интересов в решении арабо-израильского конфликта является проведение международной конференции, участие СССР в которой было бы гарантировано, а не сепаратные переговоры, которые проходили бы исключительно под американской эгидой. Только такая конференция могла обеспечить

СССР шанс сохранить свое влияние в регионе. Однако с 1973 г., когда после октябрьской войны СССР удалось добиться проведения в Женеве международной конференции по ближневосточному урегулированию, Советский Союз на последующих этапах был фактически отстранен, а частично и самоустранился от прямого участия в решении арабо-израильских проблем. Переигрывать американцев на дипломатическом поприще в ближневосточных делах далеко не всегда оказывалось под силу. Негативную роль в этом играло и отсутствие дипломатических отношений с Израилем, которые были разорваны после июньской войны 1967 г. Этот фактор имел важное значение среди мотивировок, подталкивавших советское руководство в его продвижении к установлению контактов с израильскими представителями. В июне 1988 г. на пресс-конференции в Москве М.С. Горбачев, возможно, впервые публично заявил о том, что советская сторона непосредственно связывает вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Израилем с договоренностями о проведении полноценной, действенной конференции по ближневосточному урегулированию¹⁴. Именно согласие Израиля на участие в международной конференции стало в дальнейшем одним из основных советских условий для нормализации отношений с ним.

*Переоценка региональных угроз
способствовала формированию общих интересов
у СССР и Израиля*

В середине 1980-х гг. советское руководство уже не рассматривало арабо-израильский конфликт как главный и единственный источник напряженности и военной опасности в регионе. Выход на региональную арену мусульманского фундаментализма как следствие хомейнистской революции в Иране, серьезно менял всю конфигурацию политических сил. Как это ни странно, лишь немногие аналитики, и в их числе известный израильский историк и политолог, профессор Иерусалимского университета Ш.Авинери, обратили внимание на то, что в Советском Союзе главным дестабилизирующим фактором на Ближнем и Среднем Востоке теперь называли угрозу, исходящую от исламского фундаментализма¹⁵. В нем видели вызов самому существованию светских арабских режимов, а также опасность перетекания мусульманского фанатизма из Ирана через Афганистан на территории советских среднеазиатских республик. Для Израиля перспектива распространения идей исламской революции в ареале сопредельных стран и терри-

торий также выглядела мрачно. Если до сих пор СССР и Израиль находились в противоположных лагерях, то теперь появился угрожающий региональной стабильности элемент, враждебный им обоим.

*Налаживание связей с Израилем
как составляющая советско-американских отношений*

Возможность осуществления всесторонних преобразований внутри страны и на внешнеполитическом направлении, поставленных в повестку дня М.С. Горбачевым и его единомышленниками, во многом зависела от встречных шагов, на которые готов был пойти традиционный соперник — Соединенные Штаты. Это касалось и вопросов разоружения, позволявшего высвободить ресурсы для развития гражданских отраслей экономики, и налаживания двустороннего экономического взаимодействия, в том числе для привлечения американских инвестиций и кредитов.

Одним из препятствий для развития отношений в экономической сфере служила известная поправка Джексона — Вэника, принятая Конгрессом США в 1974 г. Она была непосредственно связана с введением в Советском Союзе ограничений на эмиграцию, которые затрагивали и евреев, желавших переселиться в Израиль. Американские конгрессмены рассматривали эти меры как нарушение прав человека и установили запрет на предоставление статуса наиболее благоприятствуемой нации странам, в которых вводились подобные ограничения.

Советское руководство понимало, что для развития нормальных экономических связей с США, для создания благоприятного климата доверия необходимо ломать стереотипные представления об СССР в вопросах соблюдения прав человека и свободы эмиграции. Именно эти вопросы напрямую затрагивали интересы советского еврейского населения, лоббированием которых активно занимались произраильские сионистские организации в Соединенных Штатах. Курс на расширение контактов с Израилем, смягчение эмиграционной политики способствовал бы улучшению имиджа Советского Союза в глазах американской общественности и политиков, устранил бы из советско-американского диалога одну из самых чувствительных для Москвы проблем.

Советско-израильские контакты между официальными представителями сторон начали развиваться с лета 1985 г. Однако лишь в 1988–1990 гг. обмены по всем гуманитарным направлениям, в том числе

в области культуры, науки, спорта, особенно интенсифицировались. Весной 1989 г. впервые с 1967 г. израильтянам было разрешено посетить СССР по туристическим визам, а делегация израильских журналистов по официальному приглашению приехала в Москву¹⁶. Впервые специалисты по Ближнему Востоку и Израилю из советских академических институтов получили возможность своими глазами увидеть изучаемую страну, а израильские ученые посетили советскую Академию наук. Значительным событием в культурной сфере стали гастроли в Израиле в сентябре 1989 г. всемирно известного Большого театра. Знаменитый еврейский театр «Габима», зародившийся когда-то в России, гастролировал в помещении театра на Таганке, а Таганка направилась в Израиль. Этот перечень можно было бы продолжать еще долго с учетом того, что в него включаются и активные гуманитарные и даже торговые обмены, которые начали осуществляться по линии двусторонних связей между Израилем и советскими республиками.

Не менее ощутимые сдвиги происходили и в эмиграционной сфере. В 1987 г. советским евреям было выдано 8011 эмиграционных виз в Израиль, в 1988 г. эта цифра почти удвоилась¹⁷. С января 1990 г. по октябрь 1991 г. из СССР выехало около 320 тыс. евреев¹⁸. Если принять во внимание, что с 1945 по 1980 г. еврейская эмиграция из СССР составила 253 тыс. человек¹⁹, то изменения действительно происходили фундаментальные. К этому следует добавить, что еще в начале перестройки из тюрем освободили А. Щаранского и нескольких других видных еврейских диссидентов и разрешили им покинуть СССР.

*В налаживании связей с Израилем
важную роль сыграло общественное мнение*

Впервые за многие десятилетия перестройка и политика гласности открыли возможности для дискуссии в советском обществе по вопросам внешней политики, пробудили к жизни плюрализм мнений, соперничество различных групп интересов и общественных институтов в том, что касается внешнеполитического курса страны. Процесс принятия внешнеполитических решений переставал быть закрытым таинством, производимым на заседаниях Политбюро ЦК КПСС и в кулуарах внешнеполитического ведомства. Власти, открыв дорогу для демократических перемен, теперь вынуждены были прислушиваться и к общественному мнению по тем или иным вопросам мировой политики и роли СССР на международной арене.

Гласность, ставшая в период перестройки принципом более открытого, свободного, лишенного идеологических шор функционирования средств массовой информации, позволяла беспрепятственно обсуждать и внешнеполитические проблемы, в том числе и вопросы восстановления дипломатических отношений с Израилем. В августе 1989 г. в газете «Известия» была опубликована статья ее обозревателя А. Бовина, в которой он одним из первых выступил с настойчивым призывом возобновить отношения с Израилем. Через несколько месяцев он вернулся к этой теме с обзором большой почты, полученной редакцией после публикации его статьи. Из присланных писем следовало, что девять из десяти читателей выступали за возобновление отношений с Израилем²⁰.

Этот поворот общественного мнения в пользу Израиля происходил и под впечатлением его оперативного подключения к спасательным работам в армянском городе Спитаке, пережившем в 1988 г. разрушительное землетрясение. В Советском Союзе оценили и безоговорочную выдачу Израилем преступников, угнавших в декабре того же года самолет из Минвод в Израиль. Демонизировавшийся на протяжении десятилетий советской прессой «сионистский агрессор» вдруг оказался вполне нормальным партнером, живо откликавшимся на нужды людей, ставших жертвами стихийного бедствия. Израильские службы безопасности эффективно проявили себя в пресечении преступной деятельности международного масштаба. «Гуманизация» образа еврейского государства в глазах советских людей создавала положительное общественное настроение в отношении нормализации отношений с Израилем.

Основные этапы нормализации советско-израильских отношений

Первый этап (1985–1986). После прихода М.С. Горбачева к власти первым контактом стала неофициальная встреча советского и израильского послов во Франции Юлия Воронцова и Овадии Софера в июле 1985 г. Воронцов признавал возможность нормализации отношений, но при обязательном условии кардинальных сдвигов в израильском подходе к урегулированию, согласии Израиля на созыв международной конференции.

В дальнейшем посредником выступил президент Всемирного Еврейского Конгресса (ВЕК) Эдгар Бронфман, посетивший в сентябре

1985 г. Москву в качестве главы американской фирмы «Сиграм». Он привез М.С. Горбачеву личное послание вице-премьера израильского правительства Шимона Переса относительно налаживания конструктивного диалога в целях последующей нормализации отношений. Ответ был передан через Бронфмана советским послом в Вашингтоне и повторял призыв к коренному изменению Израилем подхода к урегулированию. Жесткость выдвинутого условия не остановила Переса, и он предложил открыть конфиденциальный канал связи. Москва сочла целесообразным ограничиться пока закрытыми контактами через ВЕК, чтобы не раздражать арабов.

С лета 1985 г. в ЦК КПСС рассматривался вариант направления в Израиль группы консульских сотрудников для решения вопросов, связанных со статусом проживавших там советских граждан и защитой имущественных интересов СССР в этой стране. Инструкции МИД СССР для этой группы исключали обсуждение любых политических проблем, рекомендовали осуществлять контакты в Тель-Авиве, а не в Иерусалиме, и преимущественно через посольство Финляндии, представлявшее советские интересы в Израиле. В августе 1986 г. возможность поездки группы обсуждалась в Хельсинки на встрече дипломатов СССР и Израиля. Советские представители категорически отвергли вариант направления аналогичной израильской группы в Москву, сославшись на отсутствие у Израиля в Советском Союзе как имущественных интересов, так и своих граждан. Камнем преткновения на этой встрече стал и вопрос о положении советских евреев, по поводу которого израильская сторона представила меморандум советской делегации. Советские представители, опираясь на официальную советскую позицию, категорически отвергли «право Израиля выступать от имени советских граждан еврейской национальности»²¹. Хельсинкская встреча продолжалась 90 минут и закончилась безрезультатно.

Второй этап (1987 — осень 1990) нормализации советско-израильских отношений начался в 1987 г. по мере того как перестройка в СССР набирала обороты. В начале 1987 г. израильтяне все же согласились принять советских представителей, не выдвигая собственных условий, хотя и намекнули на желательность взаимности. В июле 1987 г. группа советских дипломатов прибыла в Израиль, причем теперь ей поручалось «не уклоняться и от политических контактов». Израильская сторона вновь поставила вопрос о направлении своих дипломатов в Москву. На этот раз положительный ответ позволил израильтянам

начать работу с июля 1988 г. На первых порах и советские, и израильские консульские работники сталкивались с большими трудностями — их функции были ограничены, контакты в обеих странах велись на невысоком рабочем уровне.

В апреле 1987 г. в ходе заседания Социнтерна в Риме состоялась встреча Переса и ответственных сотрудников международного отдела ЦК КПСС Карена Брутенца и Александра Зотова. Советские представители по-прежнему увязывали восстановление отношений с израильским согласием на созыв мирной конференции, но Перес назвал эту встречу «первым серьезным прямым диалогом». В мае 1988 г. Перес еще раз встретился с Зотовым в Мадриде и снова дал позитивную оценку прошедшей беседе, хотя и заметил, что рассчитывает на «более щедрый подход к Израилю».

С 1989 г. МИД СССР стал постепенно заменять ЦК КПСС в диалоге с Израилем. В феврале 1989 г. министр иностранных дел Э. Шеварднадзе на встрече в Каире с находившимся там израильским коллегой Моше Аренсом договорились о контактах между МИДах двух стран. Последовала серия визитов израильских министров в Москву.

О положительных сдвигах в отношении Израиля говорил и такой факт: осенью 1989 г. Советский Союз впервые за много лет воздержался от голосования в ООН по резолюции о приостановке участия Израиля в сессии Генеральной Ассамблеи, которая ежегодно инициировалась блоком развивающихся стран. В сентябре следующего года во время встречи министров иностранных дел СССР и Израиля в Нью-Йорке было решено заменить консульские группы на генеральные консульства и тем самым поднять уровень двусторонних отношений.

Завершающий этап (осень 1990 — октябрь 1991) нормализации отношений между СССР и Израилем проходил на фоне кувейтского кризиса (август 1990) и операции «Буря в пустыне», проведенной коалицией стран во главе с США против Ирака (январь 1991). После этой войны США вплотную приступили к подготовке мирной конференции, и советские усилия в этом направлении послужили для них хорошим подспорьем, тем более что Вашингтон уже не рассматривал ослабевший СССР как своего соперника в регионе. В ситуации, когда перспектива конференции становилась все реальнее, советский министр иностранных дел Александр Бессмертных нанес в мае 1991 г. визит в Израиль для переговоров по урегулированию.

В середине октября 1991 г. госсекретарь США Джеймс Бейкер и советский министр иностранных дел Борис Панкин посетили Иерусалим, где объявили о предстоящем 30 октября в Мадриде открытии мирной конференции. Здесь же 18 октября Панкин заявил о полном восстановлении дипломатических отношений с Израилем. В своей книге «Сто оборванных дней» он указал, что М.С. Горбачев намеревался объявить о дипломатических отношениях за два-три дня до конференции. Однако уже в Израиле министр узнал, что Горбачев на встрече с находившимся тогда в Москве Ш. Пересом обещал восстановить отношения сразу же, как будет официально определена дата открытия конференции²². Этим Панкин и воспользовался.

Факторы, тормозившие процесс восстановления дипломатических отношений между СССР и Израилем

Хронология нормализации отношений между СССР и Израилем свидетельствует о том, что этот процесс был довольно затяжным. Даже сами участники первых встреч далеко не всегда были уверены в возможности достижения результатов, поскольку обе стороны были связаны целым рядом обязательств перед третьими сторонами, которые ограничивали их свободу действий. Американо-израильский меморандум о взаимопонимании от 1981 г. имел определенно антисоветскую направленность и не мог не ограничивать самостоятельные шаги Израиля в сторону Москвы без контроля их со стороны Вашингтона. С другой стороны, в советско-арабских договорах о дружбе, и прежде всего это касалось договора с Сирией, предусматривались регулярные консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес, в первую очередь по вопросам Ближнего Востока²³. В отсутствие существенных территориальных уступок со стороны Израиля арабы могли считать возобновление дипломатических отношений с ним нарушением Москвой своих союзнических обязательств.

С ростом эмиграции советских евреев в Израиль критические выступления арабов сосредоточивались на демографическом аспекте проблемы: советская эмиграция, с их точки зрения, создавала резерв для заселения оккупированных территорий, что, в свою очередь, приводило к росту числа еврейского населения на них и обеспечивало Израилю новые аргументы для их удержания под своим контролем.

Масла в огонь подливали заявления израильского премьер-министра И. Шамира о том, что «для большой иммиграции нужен большой Израиль» и что «нам необходимо пространство для расселения всех этих людей»²⁴.

Не желая подрывать свои позиции в арабском мире, советское руководство вынуждено было искать способы, чтобы успокоить своих арабских партнеров. Так, долгое время советские инстанции откладывали решение об организации прямых авиарейсов из СССР в Тель-Авив. Хотя с точки зрения ограничения эмиграции эта мера ничего не давала, но ее демонстрационный эффект был рассчитан непосредственно на арабский мир.

Более постыдным для советской политики тех лет являлся эпизод с маневрированием вокруг отмены резолюции ООН от 1975 г., в которой сионизм приравнивался к расизму. Эта оскорбительная для Израиля и несправедливая резолюция, сильно подорвавшая авторитет ООН в глазах израильтян, была принята в период холодной войны по инициативе арабских стран, и Советский Союз приложил усилия для ее одобрения. Однако к концу 1980-х гг. и в советском МИДе, и в средствах массовой информации уже складывалась точка зрения на этот документ как на анахронизм конфронтационного периода. Советские дипломаты уже позволяли себе высказываться в том духе, что, признавая государство, собирающее евреев со всех концов света, нельзя не признавать идеологического движения, на котором оно основывается²⁵. Но в декабре 1989 г. советские представители выступили в ООН против отмены этой резолюции, явно руководствуясь соображениями умиротворения арабского мира. В комментариях советского заместителя министра иностранных дел В. Петровского по этому вопросу трудно разглядеть логику: «Мы больше не рассматриваем сионизм как расизм, но отмена резолюции сейчас приведет к конфронтации в ООН, в то время когда мы стремимся ко всеобщему сотрудничеству»²⁶, — говорил он на одной из пресс-конференций этого периода.

Установка на приоритетность отношений с арабами еще долгое время была базой для тайного или явного сопротивления новому политическому курсу в отношении Израиля, оказывавшегося на всех уровнях советской внешнеполитической элиты — сотрудниками международного отдела ЦК КПСС, Министерства иностранных дел, Комитета государственной безопасности, а также академических институтов. Сказывалось десятилетиями воспитывавшееся у советских специалистов по Ближнему

Востоку, и особенно у арабистов, негативное восприятие Израиля как «агрессивного пособника империализма» и видение арабов как традиционных и даже «естественных» друзей Советского Союза. Свою роль играло и давление антисемитских воззрений, которые не являлись редкостью среди советской номенклатуры.

Демократизация и гласность реанимировали различные формы русского национализма, который в одном из своих проявлений активно эксплуатировал антисемитские, антисионистские мотивы. Приверженцы этого направления утверждали, что за распространением в СССР русофобии стоят силы, идеализирующие сионистскую идеологию и заинтересованные в том, чтобы уравнивать русский национализм с фашизмом. Наиболее ярые оппоненты нового курса создали в конце 1980-х гг. Комитет против восстановления дипломатических отношений с Израилем, представители которого обрушились с особенно резкими нападками на бывшего тогда членом политбюро А. Яковлева за то, что он якобы продвигает во власть евреев и оказывает давление на Горбачева в целях восстановления отношений с Израилем²⁷. Рупорами антиизраильских, антисемитских настроений стали такие издания, как «Советская Россия», «Ленинградская правда», «Московская правда», «Красная звезда». Создававшийся этими выступлениями общественный фон не способствовал делу продвижения нормализации отношений с Израилем.

Несмотря на то что Израиль проявлял большую заинтересованность в восстановлении отношений с Советским Союзом, новая советская открытость вызывала и ряд вопросов у части его руководства. Хотя перестройка распахнула ворота для выезда советских евреев, некоторые израильские руководители, особенно в правом лагере, настороженно относились к ее возможным последствиям для страны и арабо-израильского конфликта. Перспектива ослабления политической вовлеченности Советского Союза в ближневосточные дела могла создать впечатление снижения военной мощи арабских соседей Израиля и сокращения исходящей от них угрозы, что, в свою очередь, повлекло бы пересмотр американской поддержки еврейского государства. Кроме того, возникали опасения, что более тесное американо-советское сотрудничество в деле продвижения ближневосточного урегулирования приведет к усилению давления на Израиль и вынудит его пойти на шаги в ущерб своим интересам. Исходя из этого, некоторые авторы считают, что для правительства И. Шамира восстановление дипломатических отношений с СССР вообще не являлось приоритетной задачей²⁸.

С середины 1980-х гг. вопросы отношений с Москвой вплелись в политическую борьбу между лейбористами и ликудовцами на израильской политической арене. Советская нацеленность на проведение международной конференции по ближневосточному урегулированию совпала с интересами руководства МААРАХ, и прежде всего самого Ш. Переса. Став министром иностранных дел в октябре 1986 г. в коалиционном правительстве, возглавляемом И. Шамиром, он предпринял немало усилий в этом направлении в расчете на то, что проведение такого международного форума ускорит новые выборы в Израиле и вернет власть лейбористам. Однако после выборов 1988 г. «Ликуд» укрепил свои позиции, и его требование к Советскому Союзу о восстановлении дипломатических отношений стало предварительным условием для согласия Израиля на участие Москвы в ближневосточном мирном процессе. Израильские правые всегда скептически оценивали возможности Советского Союза как участника урегулирования конфликта. В декабре 1989 г. М. Аренс, бывший тогда министром иностранных дел, заявлял: «Советы хотят участвовать в мирном процессе, но Ближний Восток не является для них самым важным регионом. После событий в Европе представление о Советском Союзе как сверхдержаве, равной Соединенным Штатам, требует пересмотра»²⁹. Хотя в дальнейшем эта позиция корректировалась в сторону более положительной оценки роли СССР, но недоверие израильских руководителей, мотивированное предыдущими десятилетиями советской политики в отношении Израиля, являлось серьезным фактором, тормозившим нормализацию отношений.

В период перестройки развитие политических контактов с представителями Израиля, расширение культурных и научных обменов, а также изменения в эмиграционной политике являлись очевидными доказательствами серьезного пересмотра советского ближневосточного курса и намерения восстановить нормальные дипломатические отношения с еврейским государством. Хотя цели советской политики на Ближнем Востоке зачастую оставались прежними, но для их осуществления советская сторона готова была идти на уступки и проявлять гораздо большую гибкость, чем в предыдущие периоды. Израиль больше не рассматривался как объект, полностью подчиненный американскому влиянию и не заслуживавший самостоятельного места в системе отношений Советского Союза с другими странами. Советским руководством был взят курс на налаживание прямых связей с Израилем, с тем

чтобы убедить его в серьезности своих намерений играть конструктивную роль в урегулировании ближневосточного конфликта.

Важным новым элементом формирования советской внешней политики становилось публичное обсуждение ее целей и задач в советской печати и других средствах массовой информации. Многочисленные выступления в пользу восстановления нормальных отношений с Израилем, хотя и уравновешенные голосами его противников, не могли не отразиться на процессе принятия внешнеполитических решений. Тем не менее стереотипы мышления, предубеждения и взаимное недоверие привели к тому, что период восстановления дипломатических отношений растянулся на несколько лет, что не соответствовало интересам обоих государств.

Примечания

¹ Политический термин «третий мир» включал в себя страны Азии, Африки и Латинской Америки.

² СССР и ближневосточное урегулирование 1967–1988. Документы и материалы. М., 1989. С. 301.

³ Там же. С. 386.

⁴ Там же. С. 442.

⁵ Там же С. 402.

⁶ *Freedman R.O.* Soviet Policy Towards Israel under Gorbachev (The Washington Papers). Washington, 1991. P. 38.

⁷ *Golan G.* Soviet Policy in the Middle East. Cambridge, 1990. P. 280.

⁸ В феврале 1985 г. король Хусейн заключил соглашение с Я. Арафатом, призванное продвигать план самоопределения палестинцев в рамках конфедеративного арабского государства.

⁹ СССР и ближневосточное урегулирование. С. 431.

¹⁰ Известия. 18.09.1988

¹¹ *Golan G.* Soviet Policy in the Middle East. P. 95.

¹² *Горбачев М.С.* Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 155.

¹³ СССР и ближневосточное урегулирование. С. 440.

¹⁴ Там же. С. 440.

¹⁵ New Outlook. Jan. 1990. P. 8.

¹⁶ *Freedman R.O.* Soviet Policy Towards Israel under Gorbachev. P. 6.

¹⁷ *Golan G.* Soviet Policy in the Middle East. P. 268.

¹⁸ *Носенко В.* Нормализация отношений с Израилем. Время новостей. 18.10.2006

¹⁹ *Морозов Б.* Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель-Авив. 1998. С. 17

-
- ²⁰ Известия. 25.01.1990
- ²¹ Problems of Communism. Jan.-Feb. 1987. P. 37.
- ²² Панкин Б. Сто оборванных дней. М., 1993. С. 202, 212.
- ²³ Survival (London). Jan. 1981. P. 43.
- ²⁴ Jerusalem Post. 15.01.1990.
- ²⁵ Freedman R.O. Soviet Policy Towards Israel under Gorbachev. P. 83.
- ²⁶ Ibid. P. 125, fn. 79.
- ²⁷ Golan G. The Soviet-Israeli Rapprochement // Working Papers. The Hebrew University of Jerusalem. 1990. P. 15.
- ²⁸ Ibid. P. 36.
- ²⁹ Jerusalem Post. 12.12.1989.

Игорь Рыжов
(Нижний Новгород)

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ИЗРАИЛЬСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
(2000–2010)**

Постепенный распад социалистической системы, Организации Варшавского Договора, а затем и самого Советского Союза оказал преобразующее воздействие как на мировой порядок в целом, так и на положение России в частности. После 23 лет разрыва дипломатических отношений, с так называемой политики «нового мышления» М.С. Горбачева начался новый этап развития отношений с Государством Израиль. Однако в дальнейшем внешняя политика страны стала ориентироваться на сближение с Западом. Ближневосточный регион оказался на периферии внешнеполитических устремлений Российской Федерации, но и в этом регионе произошла достаточно серьезная корректировка в поиске новых партнеров, одним из которых стало Государство Израиль.

Если в 1990-е гг. двусторонние отношения исследуемых государств отличались всплеском культурных и дипломатических контактов, возобновлением широкомасштабной еврейской эмиграции, то первое десятилетие XXI века стало периодом более трезвых оценок перспектив сотрудничества. Межгосударственные контакты в указанный период охватывали две сферы: политику и экономику. Первая из них прежде всего была связана с процессом ближневосточного урегулирования и определила характер взаимодействия с третьими странами. Вторая казалась более перспективной с точки зрения достижения скорейших результатов, однако потребовала от сторон значительных усилий. С одной стороны, длительная исключенность каждой из стран из системы внешнеэкономических связей другой имела негативное влияние, а возмож-

ность устранения этого дисбаланса в кратчайшие сроки открывала пути для реализации сделок, осуществления инвестиционных и научно-технических программ. С другой — экономики двух стран претерпели серьезные изменения в предшествующие десятилетия. В России они были связаны с отходом от прежней системы хозяйствования и вступлением в МВФ.

В Израиле параллельно шли два процесса: приватизация, в результате которой экономическое влияние перешло к ряду конкурирующих между собой инвестиционно-промышленных групп-семей, и развитие инфраструктуры, приведшее к росту государственных доходов.

В израильско-российских отношениях в указанный период можно выделить несколько этапов, хронологические рамки которых связаны как со сроками полномочий лидеров государств, так и с логикой и динамикой развития двусторонних связей.

Первый охватывает период с 2000 по 2004 г. и характеризуется большим количеством контактов на высшем уровне, ориентированных на стабилизацию отношений между Россией и Государством Израиль.

Второй этап, длившийся с 2004 по 2008 г., отмечен расцветом экономического взаимодействия и сотрудничеством по вопросам терроризма. Однако в этот же период некоторую нервозность в двусторонние отношения внесли такие события, как продажа российских ракет САР в 2005 г., визит делегации ХАМАС во главе с Халедом Мешаалем в Москву в 2006 г., активизация США в процессе урегулирования ближневосточного конфликта в 2007 г.

Третий этап включает период с 2008 по 2010 г., на протяжении которого Государство Израиль оказалось в числе немногих стран мира, продемонстрировавших лояльность по отношению к России после вооруженного конфликта в Южной Осетии. Также в числе факторов, способствовавших интенсификации контактов, необходимо упомянуть передачу России Сергиевского подворья в Иерусалиме и отмену визового режима в 2008 г.

Необходимо также отметить, что на каждом этапе развития межгосударственного сотрудничества можно выделить несколько определяющих моментов. Кроме того, существуют факторы, являющиеся уникальным связующим звеном израильско-российских отношений.

К таковым можно отнести так называемую «русскую» алию, которая сыграла особую роль не только во внутренней политике и экономике Израиля, но и стала своего рода мостом между двумя государст-

вами. Складывавшиеся особые отношения были обусловлены, во-первых, тем, что с учетом двойного гражданства в Израиле появилось большое число российских граждан, за которых РФ несет ответственность. Во-вторых, военные действия в Чечне и рост активности террористов в России показали, что нередко российские и палестинские террористы финансировались из одних и тех же источников — исламистскими экстремистскими организациями. В 2004 г. после взрывов в российских самолетах, захвата школы в Беслане и гибели более 300 заложников израильский опыт борьбы с терроризмом приобрел для России особую актуальность¹.

Особое значение для укрепления взаимопонимания имела встреча президента Российской Федерации В.В. Путина и премьер-министра Израиля Э. Барака на саммите тысячелетия в Нью-Йорке в сентябре 2000 г.

Затем 23–25 января 2001 г. Россию с официальным визитом посетил президент Израиля Моше Кацав. Он был принят президентом В.В. Путиным, провел беседы с председателем правительства М.М. Касьяновым, спикерами обеих палат Федерального Собрания — Е.С. Строевым и Г.Н. Селезневым, И.С. Ивановым, Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Полезными в плане развития российско-израильских отношений были визиты министра иностранных дел Ш. Переса (май 2001) и Б. Нетаньяху (декабрь 2002), С. Шалома (июнь 2003), а также заместителя премьер-министра, министра промышленности, торговли, труда и связи Э. Ольмерта (апрель 2004)².

О значимости для Израиля позитивных отношений с Россией свидетельствует тот факт, что премьер-министр А. Шарон трижды встречался в Москве с президентом В.В. Путиным (3–6 сентября 2001, 29 сентября — 1 октября 2002 и 2–4 ноября 2003). В рамках российских визитов израильский премьер выступил с лекцией перед студентами МГИМО (Университета) МИД России. Примечательно, что по окончании рабочего визита в Россию в 2001 г. А. Шарон посетил сохранившийся родительский дом в Тбилиси. Президент Израиля М. Кацав в сопровождении большой группы наших соотечественников-ветеранов принял участие в торжественных мероприятиях, организованных в Москве по случаю 60-летия Победы в Великой Отечественной войне³.

В рамках двухдневного визита в марте 2003 г. председатель Совета Федерации России С.М. Миронов провел переговоры на высшем уровне в Израиле по актуальным аспектам межпарламентских связей и рос-

сийско-израильских отношений. Председатель Комитета по международным делам Совета Федерации России М.В. Маргелов в рамках его деятельности в качестве представителя Совета Европы регулярно посещал Израиль для проведения деловых консультаций. Русскоязычные депутаты парламента и активисты общественных организаций «русских» израильтян часто встречаются со своими российскими коллегами. Знаменательным событием стало участие представительной израильской делегации, в состав которой вошли два заместителя председателя Кнессета (М. Нудельман и С. Ландвер) и три вице-мэра крупных израильских городов, в работе Конгресса соотечественников (Москва, октябрь 2001). Один из участников делегации — М. Райф — был избран сопредседателем и членом правления Международного совета российских соотечественников при президенте России⁴.

Важным историческим событием стал официальный визит президента Российской Федерации В.В. Путина в Израиль 28–29 апреля 2005 г. В совместном заявлении президентов России и Израиля подчеркивалось значение визитов на высшем уровне для дальнейшего развития двусторонних отношений на долгосрочной, стабильной и взаимовыгодной основе. В заявлении, в частности, говорилось: «В рамках усилий по углублению диалога и всестороннего сотрудничества стороны будут поощрять развитие связей и обменов в различных областях, включая контакты по линии своих парламентам, советов безопасности, представителей соответствующих деловых кругов, а также в сферах культуры, науки, образования, туризма, спорта, гражданского общества и между людьми»⁵.

Также на встрече были подчеркнуты общие и совпадающие интересы, в частности российский президент отметил необходимость совместной борьбы с терроризмом и антисемитизмом. Очевидно, что визит В.В. Путина обозначил новый этап в российско-израильских отношениях и подчеркнул значимость Израиля в системе внешнеполитических приоритетов России на современном этапе⁶.

Одной из тенденций двусторонних отношений в первом десятилетии XXI века стало развитие межрегиональных контактов, что значительно укрепило партнерские связи израильских городов с Россией и властями российских регионов. Этому способствовало подписание в Иерусалиме в 2003 г. Соглашения о сотрудничестве между Конгрессом муниципальных образований Российской Федерации и Центром местной власти Израиля.

Примером плодотворного делового сотрудничества на региональном уровне может служить опыт взаимодействия между Саратовской областью и рядом муниципалитетов Израиля. Это стало прямым следствием визита в Израиль еще в ноябре 1999 г. тогдашнего саратовского губернатора Д.Ф. Аяцкова, в результате чего был подписан пакет соглашений о сотрудничестве между предприятиями Саратовской области и израильскими компаниями. Во время празднования 300-летия Санкт-Петербурга было достигнуто соглашение о том, что израильский город Ришон ле-Цион и Северная столица России являются городами-побратимами⁷.

В мае 2001 г. состоялся визит мэра Тель-Авива Р. Хульдаи в Москву, во время которого был подписан Протокол о партнерстве между Москвой и Тель-Авивом. В соответствии с Протоколом в 2002 г. в Израиле была создана Ассоциация дружбы «Москва — Тель-Авив» (председатель — И. Михаэли). Под эгидой ассоциации было торжественно отмечено 855-летие Москвы (с 2002 г. День Москвы проводится в Тель-Авиве регулярно и одновременно с Днем города в Москве), организовано несколько совместных выставок и концертов, самым грандиозным из которых стал фестиваль современной музыки в выставочном комплексе Тель-Авива⁸.

В области экономического сотрудничества важным шагом стало подписание 22 июня 2000 г. конвенции об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы. Стороны неоднократно подчеркивали, что рассматривают в качестве приоритетных направлений создание совместных предприятий в сфере новых технологий, а также аграрный сектор.

С подписанием в 2003 г. Межправительственного соглашения между РФ и Государством Израиль об упрощении визового режима более быстрыми темпами стало развиваться сотрудничество в области туризма.

2004 г. стал для Израиля показательным с точки зрения экономического роста. Столь стремительные показатели были достигнуты в первую очередь не за счет увеличения объемов внутреннего потребления, а в силу развития производства в высокотехнологичных отраслях и повышения объемов экспорта, в том числе и в Россию.

Однако уже в 2005 г. наметились новые трудности в межгосударственных отношениях, связанные с намерением Российской Федерации продать САР боевые ракеты. Страны, в первую очередь Россия, пыта-

лись смягчить наметившийся кризис. Однако руководство Израиля не успокоило даже официальное письмо президента РФ В.В. Путина, в котором утверждалось, что ракетное оружие не попадет в руки сирийских или ливанских боевиков.

Новый виток ухудшения израильско-российских отношений связан с упомянутым выше пребыванием в российской столице лидеров ХАМАС. Данные действия были расценены четверкой посредников как вызов, а министр юстиции Государства Израиль, Меир Шитрит, назвал их «ударом в спину».

В целом дипломатическая инициатива российского президента застала международных посредников по ближневосточному урегулированию врасплох. Но имел место и взвешенный подход. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил, что, прежде чем ставить крест на возможности ХАМАС быть партнером в достижении мирного урегулирования, необходимо дать этому движению время, чтобы у него была возможность изменить свою политику. Представитель МИД Франции Денис Симонно заявил, что инициатива Москвы «могла бы содействовать продвижению вперед»⁹.

В июле 2007 г. дипломатическая активность на Ближнем Востоке вновь резко возросла. В этих условиях администрация 43-го президента США Джорджа Буша-младшего выступила с инициативой проведения международной конференции, тем самым перехватив инициативу у России, которая в течение двух предыдущих лет заявляла о тех же намерениях. В регион срочно был направлен Тони Блэр, незадолго до этого ставший новым эмиссаром «квартета». В рамках своего ознакомительного визита бывший британский премьер-министр провел встречи с обеими сторонами конфликта.

26–27 ноября 2007 г. в Аннаполисе состоялась международная конференция по ближневосточному урегулированию. Ее итоги с полным правом можно назвать «общепримиряющими». Вопреки мнению скептиков в окружении как израильского премьера Эхуда Ольмерта, так и главы Палестины Махмуда Аббаса участникам конфликта все же удалось найти точки соприкосновения. Разумеется, речь не идет об окончательном плане действий. Принятые в Аннаполисе документы скорее представляют протокол о намерениях. Глава российского МИДа Сергей Лавров подтвердил: «Аббас и Ольмерт заключили соглашение, к которому их побуждали члены «квартета», куда входят Россия, США, ООН и Евросоюз»¹⁰.

Гораздо большее значение конференция имела лично для американского президента, которому через восемь месяцев предстояло покинуть пост. Желая вписать свое имя в историю ближневосточного урегулирования, Дж. Буш-младший встретился с Эхудом Ольмертом и Махмудом Аббасом и призвал их к завершению противостояния, не предложив при этом собственного пути урегулирования. Он лишь вновь обратил внимание лидеров сторон на три пункта, неизменно составляющих камень преткновения для ПНА и Государства Израиль: статус Иерусалима, определение границ Израиля и будущего Палестинского государства, а также возвращение палестинских беженцев.

Глава российского МИДа С.В. Лавров отметил, что «переговоры о соблюдении плана «Дорожная карта» и резолюций Совета Безопасности ООН — главное достижение встречи в Аннаполисе». С.В. Лавров также предложил провести следующую встречу в Москве в первой половине 2008 г., на что заинтересованные стороны дали свое предварительное согласие¹¹.

Таким образом, конференция в Аннаполисе не изменила ситуацию в регионе, более того, можно говорить о том, что она не могла этого сделать как в силу целей, изначально ставших основанием для ее организации, так и по причине слишком размытого характера принятых решений. Конференция в Москве так и не была созвана, однако до сих пор подобные предложения высказываются российской стороной в ходе различных мероприятий.

В дальнейшем сотрудничество Израиля и ПНА было сильно затруднено вследствие позиции нового министра иностранных дел Израиля. 2 апреля 2009 г. Авигдор Либерман, по сути, назвал результаты переговоров в Аннаполисе в 2007 г. юридически ничтожными. По его словам, Тель-Авив не обязан соблюдать эти соглашения, поскольку они не были утверждены израильским правительством и парламентом. Единственный документ, который, по мнению А. Либермана, регулирует отношения еврейского государства с палестинцами, это «Дорожная карта», принятая в 2002 г. Выступление нового главы МИД Израиля стало ответом на заклинания оппозиции в адрес нового правительства с требованием выполнить ранее достигнутые договоренности с автономией¹².

Особое значение для отношений имело назначение Биньямина Нетаньяху на пост премьер-министра Государства Израиль. Важно отметить, что в сформированном весной 2009 г. правительстве Б. Нетаньяху — четыре русскоязычных министра (Авигдор Либерман, Стас Ми-

сежников, Софа Ландвер и Юлий Эдельштейн), больше, чем когда бы то ни было прежде за всю историю страны, а председателем правящей коалиции израильского парламента также является выходец из СССР Зеэв Элькин. Еще один видный русскоязычный общественный деятель, Натан Щаранский, в прошлом — один из вице-премьеров, возглавил Еврейское агентство — важнейший орган, объединяющий Израиль и диаспоры. Способность государственных деятелей высокого ранга вести переговоры напрямую, без переводчиков и сопутствующих проблем межкультурного недопонимания, вносит важный вклад в создание условий для улучшения двусторонних отношений Израиля и России¹³.

В 2010 г. межгосударственное сотрудничество было осложнено забастовкой сотрудников израильского Министерства иностранных дел. В частности, был сорван намеченный на 17 января 2011 г. визит Д.А. Медведева в Израиль. Президент Ш. Перес был вынужден принести официальные извинения за действия дипломатов.

Несмотря на ряд трудностей в сфере политики, Россия и Израиль продолжили экономическое сотрудничество. Были сделаны новые шаги по укреплению региональных контактов. 26 марта 2007 г. в новосибирской резиденции полномочного представителя президента РФ в Сибирском федеральном округе состоялась встреча заместителя полпреда президента РФ в СФО Любови Бурда с Чрезвычайным и Полномочным Послом Государства Израиль в Российской Федерации Анной Азари¹⁴. Переговоры были посвящены развитию торгово-экономических связей.

21–22 мая 2008 г. губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко провела в Тель-Авиве переговоры о расширении торгово-экономических отношений между Петербургом и Израилем. В ходе визита губернатор посетила Израильскую алмазную биржу.

Отдельного внимания заслуживает сотрудничество двух стран в топливно-энергетическом секторе. В 2001 г. тогдашний министр инфраструктуры Авигдор Либерман заявил, что Израиль не нуждается в российском газе. По состоянию на 2006 г. Израиль заинтересован в поставках «Газпрома» в объеме 6–8 млрд куб. м в год, однако реальный объем поставок составит примерно 2,5 млрд куб. м. Израиль уже сейчас готов подписать соглашения на поставку газа в этом объеме на ближайшие 5–7 лет¹⁵.

Более успешным является взаимодействие в области поставок нефти. Около 60% потребляемой в Государстве Израиль нефти ввезено из

России. Кроме того, достаточно выгодным для обеих стран является использование нефтепровода Ашкелон — Эйлат.

Таким образом, основные направления и тенденции российско-израильского сотрудничества, несмотря на отдельные проблемы в отношениях между двумя странами, несомненно, позитивны. При этом следует отметить, что современное российское общество настроено значительно более лояльно по отношению к Израилю, чем западное (особенно западноевропейское). Уровень возможного политического и военно-технического сотрудничества России и Израиля, даже несмотря на проблемы и нереализованные ожидания, сопоставим с американо-израильским партнерством, а перспективы, которые открывает взаимовыгодная интеграция двух экономик, колоссальны.

Импульс для перехода к новому этапу израильско-российских отношений зависит от разных факторов, которые лежат в развитии двусторонних контактов. Для Российской Федерации, как для члена так называемого «квартета», процесс мирного урегулирования на Ближнем Востоке, несомненно, составляет важный аспект взаимоотношений с Израилем. Для достижения желаемых результатов в первую очередь необходим принцип преемственности, благодаря которому смена правительства не влекла бы пересмотр принятых предшественниками решений.

Значительным потенциалом обладают торгово-экономические связи. Несмотря на то что их договорно-правовая база не всегда адекватна фактическому состоянию внешнеэкономической деятельности двух стран, если противоречия в данной области будут устранены, то возникнет реальная основа для динамичного и стабильного развития экономических связей между Россией и Государством Израиль.

Примечания

¹ Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. Государство Израиль. М., 2005. С. 278–279.

² Крылов А. Соотечественники в Израиле // Аналитические доклады. 2005. № 4. С. 12.

³ М. Кацав в Москве на 60-летию Победы — http://www.interfintrade.ru/main/news/prime?n_id=18038&PHPS

⁴ Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. Государство Израиль. С. 17.

⁵ Крылов А. Соотечественники в Израиле. С. 15.

⁶ Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. Государство Израиль. С. 279.

⁷ Там же. С. 18–21.

⁸ Ассоциация Москва — Тель-Авив. — <http://www.zarodinu.org/stroimost.htm>

⁹ Дауров Р. Дипломатические отношения с Израилем: дорога длиной в 15 лет // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 11. С. 81.

¹⁰ Шестаков Е. Забег на месте. — <http://www.rg.ru/2007/11/29/annapolis.html>

¹¹ Декабрьские палестино-израильские мирные переговоры могут пройти в Москве. — <http://www.rg.ru/2007/11/28/peregovory-anons.html>

¹² Шестаков Е. Израиль вернул палестинцев на семь лет назад. — <http://www.rg.ru/2009/04/03/ishod.html>

¹³ Эттейн А.Д., Кожеуров С.А. Россия и Израиль: трудный путь навстречу. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2011. С. 83–84.

¹⁴ Торгово-экономические отношения между Россией и Израилем будут обсуждать сегодня в Новосибирске. — www.amic.ru/news/newsid=66956

¹⁵ Кобызев Д.И. Российско-израильское сотрудничество в топливно-энергетическом секторе. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/15-11-06.htm>

Татьяна Карасова
(Москва)

**РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
И РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
(2004–2011)**

Распад СССР привел к потере традиционных сфер влияния в зоне Ближнего Востока. Только начиная с конца 90-х гг. Москва постепенно начала переходить к так называемой прагматичной внешней политике, под которой имелась в виду реальная экономическая выгода как искомый результат любых шагов в мировом политическом пространстве. Россия постепенно начала возвращаться на свои традиционные рынки, в первую очередь на Ближний Восток. С точки зрения национальных интересов России Ближний и Средний Восток являются важнейшим регионом. Влияние государств этого региона на страны СНГ, а также исламские и тюркоязычные регионы самой России определяют важность выработки такой внешней политики, которая соответствовала бы необходимости сохранения территориальной целостности государства, защиты его экономической и политической стабильности¹.

Значение Израиля как важнейшего элемента ближневосточной ситуации в глазах россиян имеет три измерения: внешнеполитическое, общественное и эмоциональное.

Начнем с внешнеполитического измерения, которое имеет три уровня: глобальный, региональный и уровень двусторонних российско-израильских связей.

Глобальный уровень отношений в основном строится современной Россией на основе идеи о рассыпании однополярной модели мира, кризисе таких мировых структур, как ООН, демонтаж ДНЯО и, очевидно, нового витка гонки вооружений в мире. Геополитическая стратегия России базируется на приближении к модели двухполюсной системы, но в более сложном варианте, с мультиосевой структурой

(США, ЕС — РФ, Китай, Индия). Отсюда новое звучание и особое значение «азиатского пути» российской глобальной стратегии.

На этом фоне развивалась «восточная повестка» Путина «Возвращение России на Восток», которая предусматривала:

- Расширение G-8 до G-11 с привлечением Китая, Индии и Бразилии (то, что было «антиимпериалистическим фронтом»).
- Активизация исламского направления: участие в работе конференций исламских организаций; принятие России в ОИК в качестве наблюдателя; приглашение ХАМАС в Москву и т.д.
- На внутреннем поле: растущая поддержка российскими мусульманами политики Путина (20 млн).
- Стабилизация ситуации в Чечне, «собрание» Сибири и Дальнего Востока.

Все вышеперечисленное говорит о возрастании роли восточноазиатского направления политики.

Региональный уровень, частности, ближневосточная политика России также активно развивалась. В 2000 г. был разработан проект под условным названием «Постепенное возвращение России на Восток 2000–2008»², который продолжил провозглашенную еще при Ельцине политику «экономической дипломатии», то есть продвижение и защиту российских экономических интересов за рубежом. Тогда же были заложены такие сюжеты, как иранский ядерный расклад, отношение к ХАМАС, отношения с Сирией и другими государствами БВ и СА. Затем этот проект был расширен.

С 2004 г. (при Путине, на много лет раньше чем у Обамы) началась активизация арабского направления во внешней политике РФ. Эта активизация объясняется усилением роли России на международной арене, а также растущим влиянием в стране ВПК и нефтяного комплекса. ВПК увидел на Ближнем Востоке привлекательную клиентуру для поставок российского вооружения и стал активно осваивать этот рынок. Начались расширение и диверсификация контрактов на поставки местным режимам российских вооружений. Эти программы должны были обеспечить «живую валюту» для российского ВПК и программ модернизации экономики. Нефтяной комплекс России начал проявлять повышенный интерес по внедрению в сферу добычи и переработки нефти и газа, равно как и в систему транспортировки углеводородов арабо-мусульманских стран.

Усиление России в Ближневосточном регионе воспринимается многими экспертами как попытка вернуть себе статус великой мировой державы. Активность России воспринимается или как антиамериканские, или как неоимперские рецидивы советской политики. Некоторые американские эксперты считают, что российские лидеры пытаются воспользоваться ослаблением американского влияния на Ближнем Востоке и усилить свое влияние за счет Америки³. Однако на деле идет процесс некоторого совпадения российско-американских интересов по вопросам урегулирования. Россия неоднократно подчеркивала, что в этом вопросе ее позиции совпадают с американскими и европейскими. Это совпадение стало основой ближневосточного квартета (ООН, США, Россия, ЕС). Летом 2005 г., когда новая администрация Буша заявила, что не хочет продолжать такую же активную роль по БВУ, как это было при Клинтоне, Москва ответила, что она не стремится заменить Вашингтон в этой роли, подчеркнув, что подходы РФ по урегулированию не отличаются от американского⁴.

Новая восточная политика России в принципе не противоречит американскому, израильскому и европейскому курсам и не предполагает искусственного противопоставления Востока и Запада. Россия стремится развивать дружеские отношения со всеми странами БВ, включая Израиль. В основе российской позиции лежат предложения, разработанные в МИД РФ в 2004–2008 гг.⁵ Основным в них является принцип многостороннего решения комплекса проблем Ближнего Востока на основе принципов равноудаленности и равнововлеченности в ближневосточные дела⁶.

Эти принципы заложены в тактике России по такой значимой для Ближневосточного региона проблеме, как урегулирование палестино-израильского конфликта. Они предусматривают достижения полномочий по продвижению своего сценария ближневосточного урегулирования при поддержке всех остальных участников переговорного процесса, прежде всего ближневосточного квартета. Российская сторона показала, что продолжает последовательное движение к переформатированию переговорного пространства по комплексу региональных противоречий. Основная цель этого процесса — укрепление за Россией статуса ключевого посредника, способного одновременно учитывать интересы Израиля и его арабского окружения⁷.

Вместе с тем едва ли можно говорить о прямых интересах России в арабо-израильском конфликте в целом. С экономической точки зре-

ния Россия не хочет терять, а, наоборот, стремится развивать рынки арабских стран, прежде всего рынки вооружений. Российская экономика также сильно зависит от конъюнктуры на мировом рынке нефти, цена на которую зависит от уровня арабо-израильского противостояния. Россия заинтересована в мирном процессе на палестино-израильском направлении, но, очевидно, будет соблюдать определенную дистанцию, чтобы не быть ответственной за их очередной срыв. В интересах РФ сохранение ситуации «необострения» на палестино-израильском треке. На сегодняшний день за Россией все больше закрепляется репутация «честного брокера». Многие эксперты указывают, что у нее самая сбалансированная позиция по отношению к конфликту⁸.

Переходя непосредственно к характеристике российско-израильских отношений, необходимо подчеркнуть неоднозначность и сложность данного вопроса. Содержательная часть двусторонних отношений по-прежнему не может быть оценена однозначно. Стороны признают, что за 20 лет в целом научились вести открытый диалог по всем вопросам международной политики и двусторонних отношений. Однако зачастую на этом достижения исчерпываются. При объективном наличии единых ценностных установок, в условиях разного прочтения региональных событий результатом открытого диалога зачастую становится констатация фундаментального различия позиций.

При всей убедительности поступательно развивающихся двусторонних отношений между Россией и Израилем существует целый ряд «болевых точек», которые оказывают существенное влияние на эти отношения. Не секрет, что существует зависимость двусторонних российско-израильских отношений от уровня российско-сирийских, российско-иранских, российско-палестинских отношений. Поэтому межгосударственные отношения наших стран можно понять только в контексте общей региональной стратегии.

Особенно значительными в Израиле на официальном уровне считаются разногласия по проблемам безопасности, а именно — отношения России с противниками Израиля. В подтверждение этой версии в Израиле обычно приводят четыре обстоятельства, а именно:

- Россия активно содействует развитию ядерной программы Ирана, который постоянно заявляет о необходимости «стереть Израиль с политической карты».
- Россия поставляет враждебным Израилю режимам новейшие виды обычных вооружений (2005 г. — продажа Сирии комплексов

«Искандер», затем S-300), меняющих стратегический баланс на Ближнем Востоке. Часть этого оружия, вопреки всем договоренностям и заверениям со стороны России, оказывается в руках «Хезболлах» и других террористических организаций.

- В противовес позиции Израиля Россия провозглашает «стержневой характер палестино-израильского конфликта для всей ситуации на Ближнем Востоке» и его «ключевой роли» в основных региональных кризисах, угрожающих безопасности и стабильности региона и искоренению экстремизма и терроризма.

Кроме того, в Израиле болезненно и подозрительно реагируют на любые проявления дружественной политики России в отношении арабского и мусульманского мира. Как уже отмечалось, активное военно-техническое сотрудничество с Сирией, работа российских специалистов по строительству атомной станции в Иране, приглашение хамасовцев в Москву для ведения переговоров вызывали и вызывают у израильских официальных лиц резкую реакцию: это громко объявляется «плевок в лицо», «ножом в спину» Иерусалиму. Израильский кабинет министров неоднократно устраивал специальные закрытые заседания, посвященные отношениям с Россией. Однако нарастание кризисных элементов всякий раз заканчивается признанием со стороны израильтян дружеского характера отношений с Москвой и отказом от нагнетания ситуации. Даже в ситуации с Ираном израильские военные специалисты свидетельствуют, что в преддверии обретения Ираном ядерного оружия, возможных шагов по предотвращению этой опасности и связанных с ними рисками Израиль нуждается в доверительных отношениях с Россией как никогда. Таким образом, несмотря на наличие достаточно серьезных разногласий, в целом двусторонние отношения на правительственном уровне развиваются весьма успешно.

На экспертном уровне Израиля также существует понимание того, что Россия является дружественным государством и что современный этап двусторонних отношений отражает совпадение усилий по многим важнейшим параметрам развития двух стран — политического, экономического и даже демографического⁹.

Общественное измерение играет большую роль в развитии российско-израильских отношений. На уровне израильского общественного мнения в отношении России все еще наблюдаются некоторая неоднозначность, недоверие, подозрительность. Традиционная израильская элита воспринимает Россию как страну чуждых ценностей и чужой политике-

ской культуры. Примером этому явились нападки на министра иностранных дел А. Либермана и его соратников в январе 2011 г., инициировавших в Кнессете создание комиссии по расследованию деятельности израильских правозащитных организаций. Попытки поставить правозащитников под жесткий контроль рассматриваются многими в Израиле как результат «нашествия» во власть выходцев из бывшего СССР, не обладающих навыками жизни в нормальном демократическом обществе и по-советски привыкших к подавлению любого инакомыслия. В израильском обществе по-прежнему многие с подозрением относятся к «русским» и считают, что им нельзя доверять, поскольку они с недостаточным вниманием относятся к тревогам и озабоченностям Израиля¹⁰.

По данным израильских опросов общественного мнения, отношение израильтян к России довольно сложное. Результаты опросов Агентства Рейтер в конце 2008 г. показали следующее. На вопрос, добьется ли Израиль поддержки России путем договора о военном сотрудничестве, «да» ответили 28,47% опрошенных; «нет» — 71,43% опрошенных; «затрудняюсь ответить» — 0%¹¹. Опросы Института Смита, проведенные в 2009 г., подтверждают данную картину: 62% опрошенных израильтян (евреев) считают, что Москва настроена пропалестински, и только 5% опрошенных ответили, что Россия симпатизирует Израилю¹².

Особенно интересно проследить динамику отношения россиян к Израилю. Ни к одной стране в мире у россиян нет такого сложного отношения, как к Израилю. Здесь наблюдается определенное раздвоение во мнениях даже у тех, кто заявляет, что чувствует к Израилю симпатию. С советских времен российское общественное мнение, воспитывавшееся в духе идеологической борьбы против сионизма, унаследовало солидарность с угнетенными палестинцами против Израиля. Многие и до сих пор выступают против Израиля. Но, однако, больше всего тех, кто до сих пор борется против «империализма и происков США», обвиняя Америку во всех трудностях и неудачах российской внешней, в том числе ближневосточной, и внутренней политики. По данным опросов Левада-Центра, например, видно, что россияне чаще считают виноватыми в «продолжении кровопролития и нестабильности на Ближнем Востоке» не палестинскую (14% числа опрошенных) и не израильскую сторону (12%), а американцев и НАТО (30%)¹³. Интересно, что 6% населения поддерживают Израиль в «стремлении обуздать террористов», но «поддержат палестинцев в их борьбе против Израиля» готовы еще меньше — 4% опрошенных. Примерно равное число

респондентов выступило за две взаимоисключающие позиции: «приложить все силы для мирного разрешения конфликта» — 38% и «оставаться в стороне, не вмешиваясь в конфликт» — 34%¹⁴. Это означает, что большинство россиян в принципе поддерживают главные позиции современной восточной политики России — ее прагматичность, равноудаленность и равнововлеченность в региональные проблемы.

В идейно-политической плоскости на развитие межгосударственных отношений, на наш взгляд, повлияли такие факторы, как некоторая схожесть России и Израиля с точки зрения исторического и внешнеполитического самосознания и самовосприятия. Схожесть эта проистекает из устойчивости идеологем, почерпнутых из истории, и с упорством, достойным лучшего применения, используемых в современной внутренней и внешней политике. Не в последнюю очередь это относится и к двусторонним отношениям.

К этим идеологемам, например, относятся: завышенное представление о месте и роли самих себя в международных делах; чрезмерное оперирование превосходными степенями таких понятий, как мораль, духовность, страдание, мученичество и геройство, применительно к самим себе. Есть и более глубокие исторические мифы-концепции, одинаковые для обеих стран, которые отчасти опираются на реальность и которые ее, несомненно, формируют. Среди них можно назвать концепцию «сарматизма» (исторического национализма), объясняющую необходимость освоения исторически «утраченных» земель; концепцию моста между Востоком и Западом. Для наших стран характерна склонность к огосударствлению своей истории, попыткам отыскать объяснения тем или иным современным действиям через непосредственное обращение к удобному историческому факту или удобной исторической интерпретации. Подчеркнем, что наличие схожих идеологем не означает взаимного притяжения и доверия между странами. Россия и Израиль боятся признаваться в схожести этих идей. Эта схожесть не сближала, а сталкивала Россию и Израиль...

Вместе с тем существуют объективные совпадения российских и израильских геополитических и иных интересов, способствующих прогрессу двусторонних отношений.

1. Россия и Израиль, несмотря на столь разные масштабы, действительно занимают промежуточное положение между Востоком и Западом. Это ощущается на культурно-цивилизационном и геополитическом уровнях.

2. Исламский радикализм представляет для них как внутривнутриполитическую, так и внешнюю проблему.

3. Проблема укрепления демократии. Израиль — «этническая» демократия, Россия — «суверенная» — все эти и прочие определения отражают оборонительный характер демократического строя этих стран.

4. Безопасность является насущной проблемой двух стран.

В настоящее время идет поступательное развитие отношений по всем направлениям. Сегодня, когда Израиль не ориентируется на жесткую конфронтацию с Россией, для нее открываются возможности активных шагов, направленных на то, чтобы «перевернуть страницу» в отношениях с Израилем, внести в них реальные (в отличие от декларативных) и долгосрочные элементы взаимовыгодного сотрудничества. В России весьма позитивно отнеслись к тому, что Израилем была оказана идеологическая поддержка в самых важных для нее историко-политических вопросах, как то: ситуация в Чечне, грузино-абхазский конфликт; признание роли Советской армии в победе над нацизмом; по вопросу Голодомора — признание невозможности охарактеризовать голод на Украине в начале 1930-х гг. как этнический геноцид или тем более Холокост украинского народа. Имели место такие важные шаги, как передача РФ прав собственности на Сергиевское подворье в Иерусалиме (переговоры об этом велись почти 20 лет), отмена визового режима.

Развиваются и военные связи. В сентябре 2010 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между министерствами обороны России и Израиля. Компания Israel Aerospace Industries заключила с Россией сделку на 400 млн долларов о поставке беспилотных летательных аппаратов, а российский президент отменил запланированную продажу Ирану ракет С-300, которые в случае их развертывания затруднили бы нанесение удара по иранским ядерным объектам¹⁵. По оценке министра иностранных дел Израиля А. Либермана, отношения между странами «хороши как никогда» и «пришло время перейти на новый уровень и развивать эти отношения дальше»¹⁶.

Считается, что прогресс в отношениях последних лет — в основном заслуга мининдел Либермана. В политическом словаре Израиля даже появился термин «либерманизация» российско-израильских отношений. Действительно, развитие российско-израильских отношений стало важнейшей целью Либермана с момента его назначения минист-

ром иностранных дел в марте 2009 г. Это отмечается даже в соглашениях правительственной коалиции. Так, под его руководством, например, в Израиле создана рабочая группа по стратегическому диалогу с Россией, который ранее у Иерусалима был только с США. Политологи считают эти шаги планомерным отходом от полного единомыслия с Вашингтоном в пользу сотрудничества с РФ, что стало следствием политики Обамы на Ближнем Востоке и победы на выборах русскоязычных правых. Либерману принадлежит авторство инициативы «придать новое качество» отношениям с РФ¹⁷. Предусматривается обсуждение в рамках группы согласования подходов к ближневосточному урегулированию, сотрудничество в борьбе с терроризмом, преступностью, распространением средств массового поражения, взаимный учет интересов при экспорте оружия в чувствительные для обеих стран регионы.

В целом развитие отношений с Израилем, безусловно, соответствует интересам России. Израильская высокотехнологичная экономика, его опыт развития различных отраслей хозяйства в сложных природных условиях, открывающиеся возможности совместной разработки новых газовых месторождений, борьба с терроризмом — это лишь некоторые области, сотрудничество в которых могло бы принести пользу нашей стране.

Примечания

¹ См. об этом подробнее: *Карякин В.В.* Современная геополитическая динамика Ближнего и Среднего Востока. М., 2010. С. 102–114.

² *Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008). М., 2007. С. 32.

³ *Khrestin I. and Elliott J.* Russia and the Middle East // *Middle East Quarterly*. Winter, 2007. P. 21–27 (<http://www.meforum.org/1632/russia-and-the-middle-east/>).

⁴ *Katz M.N.* Putin's Pro-Israel Policy // *Middle East Quarterly*. Winter, 2005. P. 51–59.

⁵ Подробнее см.: *Кислов А.* Арабо-израильский детонатор // *Международная жизнь*. 2004. № 9; *Озеров О.* Жаркое лето на Ближнем Востоке // *Международная жизнь*. 2006. № 10; *он же.* Post-Arafat Ближнего Востока // *Международная жизнь*. 2004. № 11–12. См. также публикации Департамента информации и печати МИД РФ на сайте www.mid.ru: Заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации в связи с ситуацией между Израилем и Ливаном. 14.07.2006; О заседании Совета Безопасности ООН в связи с ситуацией между Израилем и Ливаном 15.07.2006; Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ министра

иностраннных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с министром иностраннных дел Израиля Ц. Ливни. Тель-Авив, 20.03.2008.

⁶ *Минаев М.* Аббас и другие // <http://actualcomment.ru/article/604/>

⁷ Там же.

⁸ *Katz M.N.* Putin's Pro-Israel Policy. P. 51–59.

⁹ *Magen Z.* Israel and Russian Foreign Policy // INSS Insight № 132. September 22, 2009.

¹⁰ <http://inosmi.ru/asia/20101115/164259418.html>

¹¹ <http://www.peopleforum.cn/vewthread.php?tid=37658&extra=page%3D1>

¹² <http://www.ynetnews.com/Ext/Comp/ArticleLayout/CdaArticlePrintPreview/1,2506,L-3717553,00.html>

¹³ Левада-Центр, январь, 2009 // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/print/2009/02/27/178691>

¹⁴ Там же.

¹⁵ <http://www.ynetnews.com/Ext/Comp/ArticleLayout/CdaArticlePrintPreview/1,2506,L-3717553,00.html>

¹⁶ Haaretz. 15.11.2010.

¹⁷ <http://www.vz.ru/politics/2009/6/3/293560.html>

Дмитрий Марьясис
(Москва)

**20 ЛЕТ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИЗРАИЛЕМ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Россия и Израиль, наряду с США, Великобританией, Германией и Францией, являются крупнейшими игроками на мировом рынке вооружений. Специфика рынка такова, что государственные структуры внимательно отслеживают деятельность своих компаний, работающих в этой области. Это связано как с проблемами безопасности, так и с политической конъюнктурой. Сотрудничество в военно-технической сфере — по-прежнему относительно редкое явление, так как страны предпочитают ни с кем не делиться своими технологиями и конкурируют друг с другом за перспективные рынки сбыта военной техники и сопутствующих технологий. Однако в последние десятилетия в связи со значительным усложнением военных технологий военно-техническое сотрудничество (ВТС) становится все более актуальным. Израиль, в частности, давно уже активно взаимодействует в этой сфере с США, существуют перспективные планы ВТС с Индией. Каковы же взаимоотношения между Россией и Израилем в этой области, есть ли у них перспективы? Эти вопросы достаточно часто задаются в российском военно-политическом истеблишменте, особенно в свете подписанного осенью 2010 г. двустороннего договора о долгосрочном военном сотрудничестве. Данная статья предлагает ответы на поставленные вопросы в контексте российско-израильских отношений в целом.

Предпосылки и интересы

Вскоре после возобновления дипломатических отношений между СССР и Израилем, осенью 1991 г. произошел распад Советского Союза, правопреемницей которого стала Россия. ВПК страны, как и многие

другие отрасли хозяйства, оказался в тяжелейшем положении. Экспорт отечественных вооружений многим специалистам казался тогда той соломинкой, которая спасет весь комплекс. В создавшихся условиях рядом экспертов высказывалось мнение, что налаживание ВТС с Израилем может быть полезным в силу нескольких причин: во-первых, к тому времени Израиль уже какое-то время занимался усовершенствованием еще советской боевой техники путем оснащения ее своими новейшими технологиями, делая это по заказу ряда стран, являвшихся традиционными покупателями советских вооружений; во-вторых, вследствие значительной эмиграционной волны из стран бывшего СССР в Израиль там оказалось большое количество русскоговорящих специалистов в военной области со знанием особенностей российского ВПК¹, что должно было способствовать взаимопониманию сторон.

Суммируя все сказанное, а также добавив некоторые другие аспекты, мы видим, что заинтересованность России в налаживании ВТС с Израилем изначально строилась на следующих положениях:

- обеспечение совместного российско-израильского выхода на рынки оружия, в первую очередь в страны НАТО;
- получение доступа к новейшим израильским военно-техническим технологиям;
- расширение спектра предложений вооружений и военной техники, в том числе и по ее модернизации².

Израильяне со своей стороны были заинтересованы в развитии ВТС с Россией ввиду следующих причин:

- возможность ослабления при производстве вооружений, военной техники многолетней зависимости Израиля от США;
- возможность «переключить» российский ВПК с традиционного сотрудничества с арабскими государствами и Ираном, по крайней мере добиться снижения масштабов поставок им российских вооружений;
- обеспечение выхода израильского оружия на рынки стран СНГ;
- использование некоторых российских ноу-хау для собственных целей, в том числе для модернизации военной техники советских образцов³.

Опыт сотрудничества

Попытки отладить двустороннее ВТС предпринимались уже в первой половине 1990-х гг. Одним из таких примеров может служить попытка сотрудничества авиапредприятий Израиля с российским конструкторским бюро (КБ) им. Яковлева в разработке делового самолета Як-48 («Астра-4» по израильскому обозначению) в рамках коммерческого проекта «Галакси», не нашедшего производственного воплощения в связи с ухудшением экономического положения российского партнера⁴.

Обе стороны активно пытались наладить ВТС по системе совместных разработок для третьих стран. Так, израильская компания Israel Aerospace Industries (IAI) и российское КБ «Камов» разработали и предложили Турции ударный вертолет Ка-52 «Хокум-В», оснащенный израильскими противотанковыми ракетами NT-D с телевизионной головкой самонаведения, разработанной израильской фирмой Rafael⁵. Тендер выигран не был. Видимо, тут сказался другой неудачный опыт ВТС России и Израиля, который, по мнению ряда экспертов в этой области, несколько подорвал позиции Израиля на мировом рынке вооружений.

Дело в том, что государственная компания «Росвооружение» 17.06.1997 г. подписала с израильской фирмой Elta контракт на создание воздушных систем раннего предупреждения (самолета ДРЛО А-50). С этой целью модернизированные транспортные самолеты Ил-76 предполагалось оборудовать бортовой РЛС Phalcon израильского производства⁶. На основе этих разработок и было в 1999 г. заключено соглашение с ВВС Китая о поставке результатов совместной деятельности на сумму 250 млн долларов. Однако в 2000 г. Израилю под давлением США пришлось разорвать этот контракт, что принесло IAI — ведущей компании проекта — убытки в размере 10 млн только в качестве штрафа за нарушение договора⁷, не говоря уже о потере планируемой прибыли от выполнения контракта и значительных имиджевых потерь.

Есть и успешный опыт реализации двусторонних проектов по заказу третьей страны. Россия совместно с Израилем выполняет индийский контракт по поставке трех систем ДРЛОиУ Phalcon. Контракт стоимостью 1,1 млрд долларов, предусматривающий закупку трех БРЛС EL/M-2075 Phalcon израильской компании Elta и установку их на борту российских самолетов Ил-76ТД, был подписан Минобороны Индии в марте 2004 г. Этот контракт стал первым совместным проектом Израиля и России на индийском рынке вооружений. До этого мо-

мента Израиль действовал на этом рынке самостоятельно. Первый самолет ВВС Индии получили 25.05.2009 г. Второй Ил-76 с системой ДРЛОиУ Phalcon прибыл в Индию 25.03.2010 г. Третий самолет был поставлен в декабре того же года⁸. ВВС Индии, судя по всему, остались довольны результатом российско-израильского сотрудничества. В конце 2010 г. они инициировали процесс приобретения двух дополнительных самолетов ДРЛОиУ Phalcon на платформе Ил-76.

К успехам двустороннего ВТС специалисты также относят достижение в конце 1990-х гг. между Израилем и Россией соглашения о предотвращении выпуска и продажи фотоизображений территории Израиля (подобное соглашение к тому времени уже было достигнуто с США). Наземные и космические снимки российского производства считаются наиболее детализированными и к тому же доступными. Для израильской стороны это было принципиально важно в связи со сложной обстановкой в сфере безопасности в регионе и традиционно хорошими отношениями России с мусульманскими странами.

Весной 2009 г. произошло очень существенное событие, ставшее важной вехой в развитии ВТС двух стран. Речь идет о приобретении Министерством обороны России небольшой партии израильских беспилотных летательных аппаратов (БЛА) на сумму в 50 млн долларов. По словам министра обороны РФ А. Сердюкова, эти аппараты не были предназначены для оснащения регулярных войск, а использовались для изучения опыта зарубежных производителей такой техники⁹. Знаменателен как сам факт приобретения российским оборонным ведомством продукции иностранного образца, так и то, что закупка была сделана именно у Израиля.

В апреле 2010 г. было объявлено о готовящемся создании IAI и «Ростехнологиями» СП в области беспилотных технологий общей стоимостью 300 млн долларов. Россия тогда выражала заинтересованность в развертывании производства некоторых наиболее продвинутых платформ IAI, особенно средневысотных БЛА с большой продолжительностью полета Heron MALE и высотных БЛА с большой продолжительностью полета Heron TP. В июне того же года переговоры зашли в тупик. Причиной, по имеющимся данным, стали опасения израильской стороны по поводу передачи Москве чувствительных технологий в процессе совместного производства БЛА на российской территории¹⁰. Однако история с израильскими БЛА в России на этом не закончилась.

В начале сентября 2010 г. министр обороны Израиля Э. Барак посетил Москву и провел переговоры со своим российским коллегой. В результате, по сообщениям официальных российских источников, было подписано соглашение о долгосрочном военном сотрудничестве. Речь, судя по всему, идет о рамочном документе, определяющем общие направления военного сотрудничества между Россией и Израилем. Из разных источников поступала информация о том, что Россия по-прежнему интересуется приобретением у Израиля еще одной партии БЛА, а Израилю представляется интересным продать России тактические ракеты. Уже в октябре того же года IAI подписала с российской компанией «Оборонпром» контракт на поставку ей БЛА на сумму в 400 млн долларов. Поставки будут идти в течение трех лет. По условиям сделки «Оборонпром» внесет аванс в размере 280 млн долларов и будет доплачивать по мере поступления БЛА. Поставщик же предоставит банковские гарантии по части платежа, размер которых будет уменьшаться по мере исполнения контракта. По состоянию на начало 2011 г. сделка не получила официального одобрения российских властей.

Интересно, что у российских экспертов в области вооружений нет однозначной оценки сделок по приобретению Россией израильских беспилотников. С одной стороны, отставание нашей страны в развитии этого вида вооружений однозначно продемонстрировала грузинская кампания августа 2008 г. С другой — некоторые отечественные специалисты сомневаются как в качестве израильских БЛА, так и в необходимости закупок иностранных аппаратов с учетом уже имеющихся российских разработок в этой области, которые надо просто интенсифицировать и довести до конца¹¹. В любом случае с точки зрения развития ВТС между нашими странами заключенные сделки являются несомненно важными.

В рамках состоявшегося в сентябре 2010 г. года визита Э. Барака в Москву, о котором упоминалось выше, состоялось обсуждение возможности оснащения израильских летательных аппаратов российскими приборами, космической и лазерной техникой. Также стало известно о том, что специалисты двух стран прорабатывают возможность размещения на израильской территории российской дальномерной лазерной станции (для наблюдения за искусственными спутниками), которая могла бы работать в рамках системы ГЛОНАСС¹².

Исходя из вышесказанного, можно выделить две основные схемы ВТС России и Израиля, осуществляемые к настоящему времени: со-

вместные проекты по заказу третьих стран по модели «российская платформа — израильская электроника»; закупка Россией израильских вооружений.

Завершая раздел статьи, посвященный опыту двустороннего сотрудничества в сфере оборонной промышленности, хотелось бы упомянуть еще об одной возможности ВТС двух стран, которая не осуществилась, а именно — конверсии. Дело в том, что незадолго до того как перед российским ВПК встала необходимость срочного перевода части своих мощностей в гражданскую сферу, подобная проблема встала и перед израильским ВПК. Известно, что израильтяне справились с этим успешно — конверсия стала одним из основополагающих факторов технологического прорыва страны в 1990-х гг. Российская же модель конверсии, заключающаяся в переводе на гражданские рельсы по большей части «железа», а не технологий, привела к потере ряда *ноу-хау*, которые, возможно, позволили бы России как минимум сократить технологическое отставание от наиболее развитых государств мира. Вполне вероятно, если бы Россия воспользовалась израильским опытом конверсии, то многих проблем отечественной промышленности начала — середины 1990-х гг. удалось бы избежать. К сожалению, у автора нет сведений, рассматривалась ли вообще такая возможность российскими специалистами.

Проблемы и перспективы

На начальном этапе двустороннего сотрудничества во всех сферах представители России зачастую не могли отрешиться от негативного образа Израиля, созданного советской пропагандой еще в середине прошлого века. Особенно это было заметно в сфере ВПК, так как израильтяне давно и тесно сотрудничали с США, а Россия активно продавала свои образцы вооружений мусульманским странам Ближнего Востока. Однако, как кажется, в начале 2000-х гг. эта проблема стала гораздо менее острой.

Более серьезную озабоченность у российской стороны сегодня вызывает израильский подход к ведению бизнеса. Представители этой страны известны своей напористостью, стремлением к получению максимальной прибыли — зачастую в ущерб партнерам. Эта поведенческая модель показала себя довольно успешной в сфере высоких технологий, однако на рынке вооружений она неуместна. Российская ма-

нера вести дела, в свою очередь, не пользуется доверием израильтян. Стремление не показывать значительную долю прибыли, любовь российских бизнесменов к максимально непрозрачным схемам, подразумевающим коррупционную составляющую, — это настораживает абсолютное большинство наших зарубежных партнеров, и израильтяне здесь не исключение.

Сегодня Россию также не устраивает модель ВТС по принципу «российская платформа — израильская электроника». Она не стимулирует развитие отечественного ВПК, к тому же не соответствует той роли, которую Россия хочет играть на международной арене.

Израильтяне по-прежнему видят проблему в стремлении России продавать свое оружие Сирии и Ирану в основном из-за того, что оно зачастую оказывается в руках террористических организаций, ведущих вооруженную борьбу с Израилем.

Представляется, что для решения этих проблем и создания долгосрочной устойчивой модели двустороннего ВТС необходимо создать схему взаимодействия, основанную на совместных НИОКР в оборонной сфере. С одной стороны, реализация такой модели развития позволит значительно повысить эффективность ВТС. С другой — Россия сможет сохранить и в будущем даже увеличить свой интеллектуальный потенциал, а также загрузить простаивающие оборонные заводы выполнением заказов, основанных на совместных разработках, так как у Израиля нет материально-технической и ресурсной базы такого качества, которая по-прежнему есть у нас.

Примечания

¹ В частности, известно, что в разработках ряда израильских ЗРК (в том числе системы ПРО «Эрроу-2») принял участие бывший заместитель генерального конструктора НПО «Алмаз» В.Е. Черномордик. Цит. по: Военно-техническое сотрудничество Израиля и России перешло в соперничество? // www.forum-msk.org, 07.08.2006.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Симановский С.И.* Оборонно-промышленный комплекс Израиля // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сборник статей. М., 2002. С. 301.

⁵ *Козюлин В.Б.* ВТС: российско-израильское противостояние. Ядерный контроль № 1. М., 2003.

⁶ Там же.

⁷ *Марьясис Д.А.* Военно-промышленный комплекс Израиля на рубеже веков // Востокведный сборник. М., 2002. № 3. С. 233.

⁸ Военно-техническое сотрудничество России и Израиля имеет значительный потенциал // Новости ВПК. 06.09.2010.

⁹ РИА Новости. 06.05.2009.

¹⁰ *Темерина П.* Военно-техническое сотрудничество между Россией и Израилем // www.topwar.ru (Военное обозрение). 16.09.2010.

¹¹ Там же. См. также: *Птичкин С.* Кому выгодно сотрудничество России и Израиля? // www.stoletie.ru 08.09.2010.

¹² Путин готов поставлять ВПК Израиля российские лазеры // MIGnews.com 06.09.2010.

II

Дмитрий Шевелёв
(Минск)

О ДВУХ ПИСЬМАХ РОНАЛЬДА СТОРРСА ЛЕЙБУ ЯФФЕ

В июле — августе 2010 г. во время работы с фондами Центрального сионистского архива Израиля (ЦСАИ) автору данного сообщения посчастливилось отыскать два письма, принадлежащих коменданту Иерусалима Р. Сторрсу¹, адресованных тогдашнему редактору газеты «Ха-арец» Л. Яффе².

Найденные документы примечательны по нескольким причинам. Во-первых, закрепилось мнение о «враждебных» отношениях между Р. Сторрсом и Л. Яффе³. Приводимые ниже документы это мнение опровергают. Во-вторых, Р. Сторрс в мемуарах, вышедших в 1939 г., не упоминает Л. Яффе среди знакомых иерусалимского и тель-авивского круга. В-третьих, одно из имеющихся писем написано от руки и дает представление о почерке Р. Сторрса.

В ЦСАИ⁴ имеется личный фонд Лейба Яффе — А13. В деле А13/78 находятся два письма Р. Сторрса Л. Яффе.

Письмо 1

Датировано 13 июня 1921 г. Машинопись, на бланке службы коменданта Иерусалима. В письме Сторрс санкционирует выпуск газеты «Ха-арец» на ближайшие несколько дней.

The Editor, "Haaretz"
Jerusalem

In view of matter having been published in your newspaper without submission to the censor according to the order in force, I hereby suspend publication of your newspaper till Thursday the 16th instant.

Ronald Storrs [signature]
Governor of Jerusalem

(Редактору газеты «Ха-арец»)

Имея в виду содержание материалов, публикуемых в вашей газете без предоставления цензору, согласно действующему закону настоящим я поддерживаю выход вашей газеты до вторника, 16-го дня текущего месяца.

Рональд Сторрс [подпись]
Комендант Иерусалима)

Письмо 2

Датировано 20 апреля 1922 г. Автограф Р. Сторрса, красные чернила, на бланке службы коменданта Иерусалима, на двух сторонах листа (фот. 1–2).

В записке Сторрс отказывается от приглашения на шаббат, которое ему передал Л. Яффе, по причине поездки в Европу.

Dear Mr. Jaffe I thank Mrs. Jaffe and yourself heartily for your kind invitation to tea next Saturday, and much regret that a previous engagement prevent me from accepting it. As I talk you, I hope to leave early on Monday morning and look forward on my return from Europe to the pleasure of seeing you again.

I remain
Yours sincerely
Ronald Storrs

20 11 22

GOVERNORATE.
JERUSALEM.

Dear Mr Jaffe I thank Mrs
Jaffe & yourself heartily for yr
kind invitation to tea next
Saturday, & much regret that a
previous engagement prevents
me from accepting it. As I
told you, I hope to leave early
on Monday morning, & look
forward on my return from

12-128-1112

ЦСАИ, ф. 13/78. Записка Р. Сторрса,
адресованная Л. Яффе, от 20.04.1922 г.

GOVERNORATE.
JERUSALEM.

Europe to the pleasure of
seeing you again

I remain
Yrs sincerely
Ronald Storrs

Оборот записки Р. Сторрса
от 20.04.1922 г.

(Уважаемый Г-н Яффе!

Искренне благодарю г-жу Яффе и Вас за ваше любезное приглашение на чай в следующую субботу, и весьма сожалею, что данные ранее обещания не позволяют мне принять его. Как я уже говорил Вам, я предполагаю уехать рано утром в понедельник, и надеюсь на удовольствие вновь видеть Вас после моего возвращения из Европы.

Остаюсь искренне Ваш,
Рональд Сторрс).

Примечания

¹ Сторрс Рональд Генри Амхерст (1881–1955) — британский государственный и колониальный деятель; начал службу в Египте в 1904 г., накануне Первой мировой войны занимал пост секретаря по восточным делам Британского агентства в Каире, считался доверенным лицом Г.Г. Китченера; один из организаторов переговоров англичан с арабскими лидерами, начавшихся в 1914 г.; в 1916 г. присоеди-

нился к Арабскому бюро, которое возглавил ученый и дипломат Д.Дж. Хогарт. Р. Сторрс считался одним из близких друзей Т.Э. Лоуренса. О роли Сторрса в переговорах англичан с шарифом Хусейном и о его службе до 1918 г. см.: Переписка Мак-Магона — Хусейна 1915–1916 гг.: Документы и материалы / Предисл., вступит. ст., пер. документов и коммент. Д.Л. Шевелёва. М., 2008. В 1918 г. Сторрс был назначен военным комендантом Иерусалима, в 1921 г. — комендантом Иерусалима и Иудеи. Его перу принадлежат труды: *Storrs R. Orientations*. London, 1939; *idem. Middle East politics and diplomacy, 1904–1956: The private letters and diaries of Sir Ronald Storrs (1881–1955)*. Cambridge etc., 1999.

² Яффе Лейб (Лев Борисович, 1876–1948) — поэт, переводчик, активный деятель сионистского движения в России; в 1920 г. переехал в Палестину; с 1920 г. — редактор, а в 1921–1922 гг. — главный редактор газеты «Ха-арец». См. о нем: Краткая еврейская энциклопедия. Т. 10, кол. 992–994; *Копельман З.* Комментарий к одному письму М.О. Гершензона, или Снова о судьбах еврейского народа // <http://www.rjews.net/zoaya-kopelman/articles/gershensohn.html> *Тименчик Р., Копельман З.* Вячеслав Иванов и поэзия Х.Н. Бялика (Приложение. Письма Вяч. Иванова к Лейбу Яффе) // <http://magazines.russ.ru/nlo/1996/14/tima.html>; *Хазан В.* Два фрагмента на тему «Сионизм и русская культура» // <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/ha6.html>.

³ *Karpel D.* Discerning conqueror [12.11.2010] // <http://www.haaretz.com/weekend/magazine/discerning-conqueror-1.324306>

⁴ О Центральном сионистском архиве Израиля см.: *Шевелёв Дм.* Центральный сионистский архив Израиля // Восток / Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. 2007. № 3. С. 169–171. О фондах ЦСАИ см.: Central Zionist Archives. Guide to the archival record groups and collections / *Madrikh le-khativot 'arkhioniyot ve-'osefim*. Jerusalem, July, 2003.

Михаил Шаповалов

(Омск)

**ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
ГЛАЗАМИ БРИТАНСКИХ ЧИНОВНИКОВ
(Р. Сторрс, М. Сайкс, Т. Лоуренс)**

Британской политике в Палестине и еврейскому вопросу в XX в. за последние 100 лет было посвящено значительное количество работ. История заключения соглашения Сайкса — Пико, Декларации Бальфура изучены вдоль и поперек. Однако при детальной проработке истории вопроса за бортом исследований остался сам процесс выработки и принятия решений по формированию британской политики в отношении еврейского вопроса в начале XX в., то есть почему так, а не иначе принимались те или иные решения, ставшие впоследствии судьбоносными в истории еврейского народа и Палестины.

Особый интерес в этой связи представляют взгляды и мнения непосредственных проводников, творцов британской политики на Ближнем Востоке, то есть чиновников, работавших в регионе. Это прежде всего Рональд Сторрс, Джордж Ллойд, Марк Сайкс, Томас Лоуренс (Аравийский).

Из перечисленных я остановлюсь на трех самых ярких — ученом, разведчике, полковнике Томасе Лоуренсе Аравийском (1888–1935), оставившем после себя мемуары «Семь столпов мудрости» (1919–1922); советнике военного министерства Марке Сайксе (1879–1919), личный архив которого за период 1879–1919 гг. хранится в университете Халла (Великобритания), и первом английском военном, а затем гражданском правителе Иерусалима Рональде Сторрсе (1881–1955), описавшем свою жизнь и деятельность в книге «Востоковедение» (1923–1926).

Формирование взглядов Сайкса, Лоуренса в отличие от Сторрса на будущее Ближнего Востока началось задолго до вступления чиновников в официальные должности.

Лоуренс, увлекшись военной архитектурой, а затем военными походами прошлого, уже в школьные годы мечтал о крестовом походе в его новой форме — для освобождения наций от рабства. Выпускник Оксфордского университета, Лоуренс в период заключительного этапа обучения совершил четырехмесячное путешествие по Сирии, а затем в течение пяти лет принимал участие в разного рода археологических экспедициях: Британского музея в долину Верхнего Евфрата, знаменитого археолога Флиндерс Пэтри в Египте, а буквально накануне мировой войны — в археологической экспедиции на Синае. С декабря 1914 г. Лоуренс являлся сотрудником британского Арабского бюро в Каире — специального отдела британской разведки по работе в арабских странах. (Поэтому-то как в отечественной, так и зарубежной историографии за Лоуренсом закрепилась репутация британского разведчика, хотя разведывательная функция никогда не была для него основной).

Нацией, нуждавшейся в освобождении на Ближнем Востоке и вызвавшей к помощи, Лоуренсу казались арабы. Работая накануне Великой войны в археологической экспедиции на Синае, Лоуренс слышал от арабов, среди которых вращался, «об их мечтаниях освободиться от турецкого ига». И это еще более укрепило его в мысли, что арабы должны получить независимость.

Идею образования независимых государств на Ближнем Востоке поддерживал и советник британского правительства в восточных делах консерватор сэр Марк Сайкс. Еще ребенком он путешествовал со своим отцом по Ближнему Востоку, во время англо-бурской войны работал в дипломатической миссии в Южной Африке, затем был назначен на пост главного секретаря в Ирландии. Затем снова в течение нескольких лет путешествовал по Ближнему Востоку, собирая различную информацию о быте, образе жизни местных жителей. Свои впечатления он описал в двух сочинениях: «Через пять турецких провинций» (1900) и «Последнее наследие Халифа» (1915). А после начала Первой мировой войны в возрасте 34 лет он был прикомандирован в качестве эксперта-арабиста к военному министерству.

В ходе азиатских путешествий у Сайкса выработалось представление об идеальном устройстве Ближневосточного региона. Он вернулся из путешествия уверенным в необходимости сохранения целостности Османской империи. Однако работа в военном министерстве изменила взгляды Сайкса. Эксперт-арабист пришел к выводу, что только создание независимых государств на Ближнем Востоке может принести в реги-

он стабильность, поэтому он был ярким сторонником арабской, армянской и курдской государственности, по выражению Лоуренса, — «полным защитником малоубедительных всемирных движений»¹.

Формирование представлений сэра Рональда Сторрса, очевидно, началось во время его работы в Министерстве финансов египетского правительства в 1904 г., пять лет спустя он занял должность восточного секретаря британского агентства. (В течение Первой мировой войны Сторрс, как и Лоуренс, будет членом Арабского бюро, участником переговоров между Шерифом Хусейном, британским правительством и одним из организаторов Арабского восстания 1916 г.). Поэтому не случайно, что будущее Ближнего Востока после распада Османской империи ему виделось в создании египетской империи (включавшей Сирию и Палестину) под английским протекторатом.

Лоуренс писал о Сторрсе: «Первым из нас был сэр Рональд Сторрс, секретарь резиденции по ориентальным проблемам, самый блестящий англичанин на Ближнем Востоке, исключительно деятельный, хотя значительную часть своей энергии он расходовал на любовь к музыке, литературе, скульптуре, живописи, на все прекрасное в мире. Сторрс всегда был первым, и был самой выдающейся личностью из всех нас»².

Появление Сторрса, Сайкса и Лоуренса на сцене ближневосточной политики совпало с новой актуализацией еврейского вопроса в Европе и постепенного, сначала осторожного, а затем более уверенного и настойчивого давления на его решение.

Напомню, что если на протяжении XIX в. еврейский вопрос в Европе соотносился с проблемой притеснения и равноправия евреев, то в конце XIX — начале XX в. он перерос в спектр вопросов — от ассимиляции до создания еврейской автономии (государства).

В процессе поиска еврейскими сионистскими лидерами спонсоров реализации своих чаяний по вопросу образования государства, в 1902 г. центр сионистской деятельности переместился в Лондон. Еврейские лидеры всячески стремились заинтересовать Великобританию идеей создания некоего находящегося под ее властью «моста», который соединил бы английские владения в Африке и в Южной Азии. Как известно, осенью 1902 г. Герцль имел беседу с министром по делам колоний Великобритании Джозефом Чемберленом, со стороны которого встретил понимание своих устремлений, хотя Чемберлен и намеревался сместить географически еврейский плацдарм с территории Палестины к территории на подступах к Суэцкому каналу — на Синай³. В том же 1902 г. на

Синайском перешейке побывала комиссия английских экспертов, однако проект еврейской колонизации под эгидой Англии либо Синая, либо Палестины провалился из-за враждебной позиции Турции.

Вторая из наиболее значимых попыток добиться содействия в решении еврейского вопроса британским правительством была реализована в конце октября 1914 г. на заседании английского кабинета, где обсуждалась антибританская позиция Турции, министр финансов Ллойд Джордж призвал коллег обсудить и вопрос о конечной судьбе Палестины. В ответ на это единственный еврей в составе правительства Герберт Самюэль обратился к министру иностранных дел Грею по вопросу «создания еврейского государства в Палестине, которое, будучи близко к Суэцкому каналу, смогло бы проявить добрую волю в деле, имеющем большое значение для Британской империи»⁴. Однако ни Грей, ни другие члены кабинета не поддержали предложения Самюэля.

Очевидно, что такая актуализация еврейского вопроса не могла не найти отклики и оценку в английском обществе, в особенности среди британских чиновников, работавших в это время на Ближнем Востоке. Однако в источниках личного происхождения, оставленных Сторрсом, Лоуренсом и Сайксом, этих откликов нет. И на это, очевидно, есть несколько причин.

Во-первых, до 1914 г., когда шел процесс формирования взглядов Лоуренса, Сайкса и Сторрса на устройство Ближнего Востока, еврейский вопрос (в том смысле, в котором мы договорились его понимать) не был актуален для региона. Конечно, арабисты не могли не видеть или хотя бы слышать о новых еврейских поселенцах, хлынувших из России после 1881 г. в Палестину, однако ни число переселенцев, ни их место, занимаемое в обществе, вряд ли могло вызвать в начале XX в. мысли о возможных масштабах и проблемах, связанных с их колонизацией Святой земли.

Во-вторых, еврейский вопрос не был таким острым для английского общества, как для российского и австрийского. Так, будущий министр по делам Индии лорд Эдвин Монтэгю, выступая против поддержки еврейского очага в Палестине, приводил аргумент, что он вслед за незначительным меньшинством английских евреев (в большинстве случаев богатых) считает еврейство религиозной общиной, а себя — англичанином еврейского происхождения и полагает, что создание «очага для еврейского народа» может серьезно подорвать положение любого еврея в других странах⁵.

Сторрс в воспоминаниях подчеркивал, что во время обучения в Кембридже у него было много друзей евреев, однако то, что они евреи, он узнал по прошествии значительного времени. А его жена утверждала, что никогда не встречала евреев, пока она не приехала в Иерусалим после брака со Сторрсом в 1923 г.⁶

И, наконец, в-третьих, главная ставка британского правительства в начале XX в. была сделана на арабское национальное движение — в случае окончательной переориентации Турции на сторону Германии. Еврейский вопрос серьезно не обсуждался ни в парламенте, ни в правительстве, более того, любые слухи о неофициальных контактах правительства с сионистами ввиду библейско-легендарной специфичности народа, о переселении которого шла речь, всерьез также не воспринимались. И соответственно вряд ли поступали задания или хотя бы рекомендации чиновникам на Ближнем Востоке внимательнее присмотреться к еврейским переселенцам или, более того, наладить с их лидерами контакты (по аналогии с арабами).

Серьезно же еврейский вопрос перед специалистами-арабистами встал лишь в 1916–1917 гг. Когда именно точно, определить сложно, еще 4 марта 1916 г. российское правительство, обсуждая с английскими дипломатами вопрос о статусе турецких проливов, заявил, что «согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся в Святой земле, свободное отправление своего культа, равно как и сохранение их прежних прав и привилегий» и «не вставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране»⁷. Это означает, что вопрос о еврейских поселенцах должен был хотя бы затрагиваться в переговорах, завершившихся соглашением Сайкса — Пико в мае 1916 г.

Президент ВСО Вейцман в своем письме одному из сторонников в 1916 г. писал: «Английский кабинет не только с симпатией относится к устремлениям евреев в Палестине, но и хотел бы, чтобы эти устремления были претворены в жизнь... Англия... имела бы в лице евреев самых надежных друзей, которые были бы лучшими проводниками ее идей в странах Востока и служили бы связующим звеном между двумя цивилизациями»⁸.

С другой стороны, исследователи, в том числе и Сакер, склонны считать, что этот вопрос возник в октябре 1916 г. (в беседах с д-ром Мозесом Гастером, главным сефардским раввином Лондона, сионистским Ахароном Ааронсоном и Джемсом Малкольмом, выросшим в Англии армянским выходцем из Ирана)⁹.

Если относительно точного времени новой актуализации вопроса перед британским правительством есть разночтения, то причины, побудившие обратить внимание на сионистские призывы, хорошо известны. Как отмечал Ллойд Джордж, чтобы одержать победу над Германской империей, усилия британской дипломатии были брошены на то, чтобы вовлечь в войну США и одновременно удержать Россию в составе Антанты. В решении этих двух задач, по его словам, «большую роль играло общественное мнение России и Америки, а потому мы считали... что в обеих этих странах многое зависит от дружественного или враждебного отношения еврейства»¹⁰.

Таким образом, еврейский вопрос предстал перед экспертами-арабистами лишь в 1916 г., а особенно остро в 1917 г. Исходя из этого, отношение Лоуренса, Сайкса и Сторрса к еврейскому вопросу имело некоторые особенности.

Во-первых, Лоуренс, Сайкс и Сторрс, посвятившие свою жизнь изучению разных аспектов жизни жителей Ближнего Востока, никогда специально не занимались изучением еврейского вопроса в отличие от арабского. Поэтому свои знания о евреях они черпали в том числе из своих бытовых обыденных представлений.

Сторрс в воспоминаниях подробно восстанавливает в памяти свое первое знакомство с евреями, которое состоялось в возрасте от 7 до 10 лет (Сторрс точно не помнит). Евреи ассоциировались для него с «умственно недостижимыми людьми», которые не ходят в школу в субботу (чему он завидовал в детстве) и, по словам его матери, были «превосходными арендаторами»¹¹.

Схожие ассоциации встречаются при упоминании евреев в книге Лоуренса «Семь столпов мудрости». Он пишет: «Еврей в брайтонском «Метрополе», скряга, поклонник Адониса, развратник из злачных мест Дамаска — все это свидетельства семитской способности наслаждаться и одновременного проявления нервозности»¹². Упомянув германских евреев-переселенцев, Лоуренс называет их «более своевольными, чем даже евреи римской эпохи, не способными поддерживать контакты даже с представителями своего же этноса. Некоторые из них были фермерами, большинство — лавочниками — наиболее обособленной прижимистой частью населения Сирии»¹³.

Специфика архива Сайкса не позволяет реконструировать его мнение о евреях, однако, по мнению профессора Сакера, Сайкс не испытал большой любви к евреям¹⁴.

Очевидно, образ еврея у Сторрса, Сайкса и Лоуренса кардинально не отличался от обыденных стереотипов, бытовавших в английском обществе. Так, к примеру, в 1922 г. депутат парламента Мэквистен, высказывая сомнения относительно поддержки арабским населением британской политики в Палестине, в заключение подчеркнул: «История еврейского народа — блестящая. Кроме мировой популярности Бог дал каждому из них дар. Они — больше интеллектуалы, нежели люди, работающие руками. Они более склонны быть торговцами, администраторами, адвокатами и художниками. И я не могу понять: почему британцы должны быть впутаны в решение вопроса обеспечения национального дома для них»¹⁵.

Вторая особенность отношения экспертов-арабистов к еврейскому вопросу состоит в том, что к моменту постановки еврейского вопроса перед британскими чиновниками взгляды на устройство Ближнего Востока уже сформировались, более того, уже были сделаны практические шаги по их реализации. В частности, 16 мая 1916 г. было подписано соглашение Сайкса — Пико, разделившее турецкие владения на сферы влияния. Территория Палестины входила в так называемую «коричневую» зону, где устанавливалось международное управление по согласованию с Россией и другими странами. Теперь в 1917 г. решение еврейского вопроса должно было входить в те конструкции, которые уже построены в отношении будущего арабов и других народов региона.

Как уже упоминалось, к моменту начала Первой мировой войны Сайкс был сторонником создания на руинах Османской империи цепи национальных государств. Когда сотрудник военного министерства Сайкс в 1916 г. был назначен главным британским представителем на переговорах с Францией и Россией и получил распоряжение разработать проект соглашения о послевоенном разделе Ближнего Востока, именно он постарался как можно четче прописать в соглашении основу создания независимого арабского государства, предлагал варианты выделения Армянской Турции в отдельное армянское национальное государство и лоббировал проекты независимого Курдистана для курдов.

В этой связи решение вдруг возникшего еврейского вопроса не было для него чем-то особенным — евреи, по его мнению, должны были получить также независимое государство (единственные трудности были связаны с согласованием этой новой позиции по Палестине с французами. Он сомневался, стоит ли отказываться от соглашения Сайкса — Пико). 7 февраля 1917 г. на официальной британо-сионистской

конференции Сайкс дал понять сионистскому руководству, что британское правительство, возможно, благожелательно отнесется к возникновению еврейской государственности на Святой земле¹⁶.

Эта позиция по еврейскому вопросу дала возможность впоследствии президенту ВСО Вейцману охарактеризовать Сайкса как «одну величайших находок». Вейцман пишет: «Трудно перечислить все услуги, оказанные нам Сайксом. Именно он придавал нашей работе более официальный характер. Он является членом секретариата военного кабинета, в который помимо других входили Леопольд Эмери, Ормсби-Гор и Рональд Сторрс. Если бы не советы таких людей, как Сайкс, мы, не имея опыта проведения сложных дипломатических переговоров, несомненно, совершили бы много опасных ошибок. Необходимость таких советов станет очевидной при решении сложных проблем, которые уже тогда возникли в связи со статусом Ближнего Востока»¹⁷.

К сторонникам возвращения евреев в Палестину относился и Сторрс. Он писал: «Мы верили (и, я все еще полагаю, верим), что не было в мире стремления более благородного и идеалистического, чем возвращение евреев на землю, увековеченную духом Израиля»¹⁸. На практике, после того как в 1918 г. Сторрс был назначен военным губернатором Иерусалима, а в 1921-м стал гражданским правителем Иерусалима и Иудеи, он пытался всячески поддерживать сионистские устремления евреев, при этом не забывая о защите прав арабских жителей Палестины.

Особый взгляд на еврейский вопрос был и у Лоуренса: фактически не контактируя во время мировой войны с еврейскими лидерами и не принимая какого-либо прямого участия в создании еврейского очага в Палестине, в итоге он оказал значительное влияние на судьбу решения еврейского вопроса.

В книге «Семь столпов мудрости», которая была написана между 1919 и 1923 гг., слово «еврей» упоминается 12 раз. Создается впечатление, что Лоуренса евреи интересуют лишь как часть ландшафта Великой Сирии. Но это не так. Важно понимать, что для Лоуренса практически все население Великой Сирии относилось к семитской языковой семье. Он писал: «Арабский, ассирийский, вавилонский, финикийский, древнееврейский, арамейский и сирийский языки были тесно взаимосвязаны, и сведения об их взаимном влиянии, даже об общем происхождении, подтверждаются нашим знанием. Если облик и обычаи разных арабоязычных народов Азии имеют оттенки, подобное мелким различиям между головками мака, которым засеяно обширное

поле, то в основных чертах они очень сходны. Их можно было бы с полным правом назвать братьями, — братьями, осознавшими, порой на горьком опыте, свое родство»¹⁹.

Далее Лоуренс еще несколько раз подчеркивает братские отношения между арабами и евреями: «Для Алеппо было типично то, что в этом городе между христианами и магометанами, армянами, турками, курдами и евреями существовали более братские отношения, чем, возможно, в любом другом крупном центре Османской империи»²⁰.

Иерусалим Лоуренс называет священным городом «для каждой семитской религии» и не без иронии отмечает, что «некоторые евреи считали этот город политическим будущим своего народа»²¹.

Лоуренс верил в мирное взаимовыгодное существование арабского и еврейского народов. Он отмечал: «Евреи были разного толка. Некоторые из них, например иудейские ортодоксы, выработали стиль жизни, подходящий для этих мест, тогда как прибывшие позднее, многие из которых предпочитали идиш, ввели на палестинской земле непривычные новшества: необычные сельскохозяйственные культуры, построенные на европейский лад дома, казавшиеся слишком маленькими и бедными, чтобы оправдать вложенные в них средства (кстати, из благотворительных фондов), и усилия, но страна отнеслась к ним терпимо. Галилея не проявила ярко выраженной антипатии к европейским колонистам, в отличие от соседней Иудеи»²². Лоуренс видел в евреях реальных помощников арабов в Палестине на пути «их продвижения к современности и процветанию»²³.

Поэтому не удивительно, что в мае 1918 г. при активном посредничестве Лоуренса президент ВСО Вейцман отправился в Акабу на встречу с арабским принцем Фейсалом, который в ходе встречи заверил его в своем сочувствии сионистским планам. Он, как и Вейцман, возложил вину за прошлые недоразумения между арабами и евреями на Турцию, утверждая, что это интриги турок возбуждали взаимную неприязнь между еврейскими колонистами и арабскими крестьянами²⁴. А 18 февраля 1919 г. советники эмира Фейсала обратились к сионистским лидерам с предложением о заключении арабо-еврейского соглашения — «семитского договора» и предлагали совместно выступить против претензий Франции на внутренние области Сирии.

Подводя итог, хотелось бы остановиться на некоторых выводах.

Во-первых, британские чиновники оказали заметное влияние на решение еврейского вопроса в начале XX в., в свою очередь, это влияние

строилось на их личных представлениях о еврейском народе и устройстве Ближнего Востока.

При этом влияние чиновников на результаты внешней политики Великобритании и решение еврейского вопроса не стоит переоценивать. На заседании восточной комиссии военного кабинета 29 октября 1918 г. уже полковник Лоуренс, приглашенный в качестве главного эксперта по ближневосточным делам, испытает, по его словам, искреннее чувство стыда, когда англичане и французы приступят к дележу обещанных им арабам территорий. А в 1919 г. в возрасте 40 лет умрет М. Сайкс. По мнению исследователей, большую роль в скорой кончине британского чиновника сыграло решение британского правительства не выполнять обещания, данные Сайксом арабским и еврейским лидерам.

Во-вторых, необходимо учитывать, что многие составляющие современной палестинской проблемы были заложены в исследуемый период. Еще в 1976 г. один из ведущих английских исследователей, профессор Э. Кедури, предположил, что конфликт между арабской и английской сторонами по поводу территориальной принадлежности Палестины возник из-за путаницы, допущенной во время англо-арабских переговоров второстепенными лицами²⁵.

Однако перекладывать всю ответственность за современный палестино-израильский конфликт на британских чиновников было опрометчивым и несправедливым шагом.

Необходимо учитывать, что ни Сайкс, ни Лоуренс, ни Сторрс не могли предположить, какими трагическими событиями обернутся обязательства, данные ВСО на создание еврейского очага в Палестине. Британские политики недооценили силу национальных чувств: они не могли даже предположить, что проживавшие в условиях европейской цивилизации евреи массами отправятся в пустыню. Не смогли они предвидеть и того, что революция и Гражданская война в России, экономический кризис 1920-х гг. в Восточной Европе, наконец приход в 1933 г. нацистов к власти в Германии подтолкнут массы европейских евреев к эмиграции, и около 400 тыс. этих переселенцев к 1939 г. выберут своим новым домом Палестину.

Наконец, в-третьих, полноценный анализ роли и влияния личных позиций британских чиновников на политику Британии на Ближнем Востоке требует подключения более широкого спектра источников. Среди них важное место занимают документы ВСО, материалы кото-

рых помогут компенсировать пробелы и недостатки источников личного происхождения. Повторюсь, что подключение к исследованию истории Ближнего Востока материалов о чиновниках может изменить восприятие политики Британии на Ближнем Востоке в начале XX в., придавая этой политике целостность и осмысленность.

Примечания

- ¹ Лоуренс Т.Э. Семь столпов мудрости / Пер. с англ. Г. Карпинского. М., 2001. С. 31.
- ² Там же. С. 30.
- ³ Никитина Г.С. Государство Израиль. М., 1968. С. 20.
- ⁴ Черчилль Р., Черчилль У. Шестидневная война. Иерусалим, 1990. С. 14.
- ⁵ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. В 2 т. / Пер. с англ. М., 1957. Т. 2. С. 297.
- ⁶ Storrs R. Orientations. London, 1939. P. 350.
- ⁷ Памятная записка министерства иностранных дел французскому и великобританскому послам в Петрограде Палеологу и Бьюкенену. Петроград, 4/17 марта 1916 г. // Мировые войны XX века. Кн. 2. С. 263.
- ⁸ Weizmann Ch. Trial and Error. New York, 1949. P. 181.
- ⁹ Сакер Г.М. История Израиля: В 3 т. / Пер. с англ. В. Орел. Т. 1. Иерусалим, 1992. С. 196.
- ¹⁰ Там же. С. 201.
- ¹¹ Storrs R. Orientations. P. 351.
- ¹² Лоуренс Т.Э. Семь столпов мудрости. С. 19.
- ¹³ Там же. С. 241.
- ¹⁴ Сакер Г.М. История Израиля. С. 196.
- ¹⁵ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 151. № 23 (Thursday 9 march 1922). Col. 1606.
- ¹⁶ Сакер Г.М. История Израиля. С. 197.
- ¹⁷ Weizmann Ch. Trial and Error. P. 149.
- ¹⁸ Storrs R. Orientations. P. 355.
- ¹⁹ Лоуренс Т.Э. Семь столпов мудрости. С. 12.
- ²⁰ Там же. С. 243.
- ²¹ Там же. С. 242.
- ²² Там же. С. 241.
- ²³ Гилберт М. Черчилль и евреи. М.; Иерусалим, 2010. С. 71.
- ²⁴ Лакер В. История сионизма / Пер. с англ. А. Блез, О. Блез. М., 2000. С. 328.
- ²⁵ См.: Kedourie E. In the Anglo-Arab Labyrinth. The McMahon — Husayn Correspondence and its interpretations 1914–1971. London, 1976.

Алек Д. Эпштейн
(Иерусалим)

**ИЗ РИГИ — В ИЕРУСАЛИМ.
БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КОРНИ
ПРОФЕССОРА БИНЬЯМИНА АКЦИНА***

Родившийся в Риге Биньямин Акцин (1904–1985) прожил яркую жизнь, события которой происходили в разных странах: он учился в Венском, Парижском и Гарвардском университетах, работал в различных учреждениях, в том числе в библиотеке Конгресса в США, а сразу после войны, в начале второй половины 1940-х гг., возглавлял Американский чрезвычайный сионистский совет. Если бы ревизионистское движение, созданное и долгие годы возглавлявшееся Зеэвом Жаботинским (1880–1940), заняло бы в Государстве Израиль ведущие позиции, то именно Биньямин Акцин, а не Моше Шарет (1894–1965), стал бы первым министром иностранных дел — в Новой сионистской организации, созданной ревизионистами в 1935 г., Политический департамент возглавлял именно Б. Акцин, а ведь именно с должности главы Политического департамента основанной еще Т. Герцлем Сионистской организации М. Шарет занял пост первого главы израильской дипломатии. В 1949 г., переехав на постоянное жительство в только что созданное Государство Израиль, Б. Акцин полностью посвятил себя научной и преподавательской деятельности в области политологии и конституционного права.

В 1950-е гг. был одним из основателей и деканом юридического факультета и отделения политических наук в Иерусалимском университете, а в 1969–1972 гг. — первым ректором Хайфского университе-

---

* Я благодарен рижским коллегам — Виктории Шалдовой, Анне Норман и раввину Менахему Баркану (общество «Шамир»), вдохновившим меня на разработку данной темы, оказавшейся столь увлекательной.

та. Был автором многих книг, среди которых — «Принципы государственного управления» (1952), «Государство и нация» (1964), «Проект конституции Израиля» (1965), «Актуальные проблемы права и политики» (1967) и другие, изданные на разных языках. Выпущенный в 1975 г. сборник его публицистики за 1929–1967 гг., озаглавленный «Пристальным взором», включает 161 статью, 144 из них — на иврите, а 17 написанных и опубликованных в 1945–1949 гг. — на идише (они даны в книге на языке оригинала, без перевода на иврит); работы более позднего времени, а также статьи на других языках, к сожалению, до сих пор не собраны воедино. В 1967 г. Б. Акции был удостоен высшей награды Израиля — Государственной премии. Не будет преувеличением сказать, что он был самым известным израильским ученым и общественным деятелем, родившимся в Латвии.

Еврейское образование Б. Акции получил еще на родине, и весь свой жизненный путь он описывал как дорогу «Из Риги в Иерусалим» — именно так он озаглавил свою книгу воспоминаний. К сожалению, эти воспоминания были опубликованы лишь однажды, и только на иврите, уже после смерти автора, в 1989 г., и с тех пор никогда не переиздавались, вследствие чего они практически неизвестны. Книга вышла без какого-либо научного справочного аппарата, авторский текст сопровождается лишь алфавитным указателем имен, поэтому информацию о каждом из упомянутых в ней персонажей нужно по крупицам искать в других источниках. Эта книга не переводилась ни на английский, ни на русский, ни на латышский, ни на какой-либо иной язык. Шестая и седьмая главы этих интереснейших воспоминаний полностью посвящены отроческим и юношеским впечатлениям автора о происходившем в Риге и в Латвии в целом в период Первой мировой войны и последующем обретении Латвией государственной независимости, причем Б. Акции скрупулезно описывает как события общественно-политической истории в целом, так и перипетии еврейской национальной жизни в то время.

Детство, отрочество и ранняя юность Биньямина (тогда его чаще звали Нёма или Нёмка) прошли в Риге, за исключением сравнительно короткого периода в дни Первой мировой войны, когда семья Аксиных провела год в Саратове. В 1922 г. он уехал учиться в Западную Европу, однако до 1937 г. регулярно приезжал в Латвию, где играл достаточно важную роль в еврейской общинной жизни. В 1919 г. он был одним из основателей — совместно с Борисом Гуревичем — объ-

единения просионистски настроенной молодежи Риги, в 1922 г. — одним из четырех — совместно с Львом Кантором, Яковом Евельсоном и Иосифом Ароновичем — руководителей Союза еврейских студентов-сионистов «Ха'тхия» («Возрождение»), а также — на протяжении года — секретарем так называемого Эрец-Исраэльского бюро Рижского отделения Сионистской организации, распределявшего заветные «сертификаты», дававшие евреям право на эмиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль.

В 1937 г., когда Б. Акцин уже возглавлял Политический департамент Новой сионистской организации, он последний раз побывал в Латвии, гражданином которой все это время оставался, чтобы встретиться с министром иностранных дел своей родины — этот пост с 1936 по 1940 г. занимал Вильгельм Мунтерс (1898–1967) — и попросить его о поддержке выдвинутого британской Королевской комиссией (известной по имени ее председателя как Комиссия Пиля) плана раздела Палестины и создания на части ее территории независимого еврейского государства.

Уже в советское время, спустя десятилетия после Второй мировой войны, Б. Акцин еще раз побывал в Латвии, в том числе в городе Лиепая, где в 1930-е гг. жила его сестра Ольга с мужем, д-ром Моше Талем, бывшим в начале 1920-х гг. главным врачом крупнейшего в Латвии армейского госпиталя, и двумя их дочерьми и где все они погибли в период нацистской оккупации¹.

Латышские годы заложили многосторонний фундамент всей последующей интеллектуальной и общественной биографии Б. Акцина. Вдумчивый анализ специфики той уникальной ситуации, в которой жили евреи Латвии в те годы, позволяет понять многое, что сопровождало Б. Акцина всю его последующую жизнь. Многие из этого не потеряло своего значения и сегодня.

Во-первых, следует отметить *многоязычие и мультикультурализм, которые были естественной средой обитания для семей образованных латышских евреев в первые десятилетия XX века*. В семьях знали идиш, который часто был основным языком повседневного общения, но дети, как правило, ходили в школы, где основным языком преподавания был или русский, или немецкий, — а учитывая частую смену политических режимов в 1916–1919 гг., нередко язык преподавания менялся и в одной и той же школе. Так было и в гимназии, где учился Б. Акцин: преподавание в ней шло на немецком, однако с началом

российско-германской войны власти потребовали, чтобы все занятия шли на русском языке². Однако после того как 3 сентября 1917 г. германские войска заняли Ригу, обучение в гимназии вновь перешло на немецкий³. Как отмечал Мендель Бобе в своей монографии «Евреи в Латвии», описывая период немецкой оккупации 1917–1918 гг., «евреи, которые большей частью владели немецким языком, были желанным элементом и не подвергались никаким ограничениям в своей деятельности»⁴. При этом речь идет не только о языке преподавания: по словам Б. Акцина, «урок немецкого постепенно превращался в курс немецкой литературы и сравнительного литературоведения, в ходе которого обсуждались вопросы общественной жизни, истории, эстетики и метафизики»⁵. При этом в школе ученики изучали также французский язык и латынь, что формировало их европейское мировоззрение и широкий культурный кругозор.

Во-вторых, нельзя не подчеркнуть *конфессиональную толерантность системы образования тогдашней Латвии*. В немецкоязычной гимназии, где учился Б. Акцин, уроки религиоведения вел лютеранский священник, и они не были обязательными для ребят из еврейских семей, которые в это время могли заниматься чем угодно. «Однако эти уроки в гимназии были такими интересными, что и я, и другие ученики-евреи участвовали в них, — вспоминал Б. Акцин десятилетия спустя. — Учитель понимал свой предмет в максимально расширительном контексте и затрагивал вопросы антропологии, культуры, философии и истории идей... Иногда я приходил слушать выступления пастора, которые больше походили на лекции по философии истории, чем на религиозные службы... В то время я научился ценить протестантские песнопения»⁶. И в последующие годы, в период, когда Латвия обрела государственную независимость и евреи получили широкую культурную автономию, в том числе и в сфере образования, многие еврейские дети ходили в немецкие и русские школы, где знакомились с другой — относительно принятой у них дома — культурной и религиозной традицией, причем все это происходило без какого-либо принуждения и подавления.

В-третьих, и это не менее важно, наряду с космополитическим по духу мировоззрением, основанным на изучении наследия нескольких выдающихся европейских культур, *росшие в еврейских семьях Риги дети дома, как правило, изучали и иврит, и еврейскую традицию, причем порой на весьма высоком уровне*.

Когда в 1949 г. Б. Акцин выдвинул свою кандидатуру на место профессора в Еврейском университете Иерусалима, то сомнений в его профессионализме не возникло — однако ректор, профессор-математик Михаэль Фекете (1886–1957) выразил сомнение в способности соискателя, никогда не жившего в Палестине/Эрец-Исраэль, преподавать на иврите. В ходе их встречи в Нью-Йорке в 1948 г. ректору хватило одной-двух минут разговора на иврите с Б. Акциным, чтобы оценить, насколько качественным было полученное им в Риге еврейское образование⁷. Ивритом, еврейской традицией и историей юный Биньямин занимался с приглашавшимися домой частными учителями на протяжении десяти лет, и эта база стала фундаментом и подспорьем его последующего самообразования в этих областях. При этом весной 1917 г., когда родители, родственники и друзья семьи отмечали бармицу 13-летнего Биньямина, то утром и днем торжества шли на иврите, а вот общение за вечерней трапезой дома шло в основном на русском языке. Свое выступление на иврите юноша подготовил преимущественно на основе книги минского раввина Арье-Лейба Гинцбурга (1695–1785) «Шаагат Арье»⁸, что, несомненно, требовало очень хорошего знания иврита.

Представляется, что *такой подход, сочетающий в себе еврейское национальное воспитание с широким космополитическим кругозором, — это именно то, к чему всем нам имеет смысл стремиться и в настоящее время*. И сегодня, спустя шесть с лишним десятилетий после провозглашения независимости Государства Израиль, большая часть евреев мира живет вне его пределов, среди представителей других народов и конфессий, и очень важно, чтобы евреи не отделялись от них видимыми или невидимыми стенами. Изучение иврита, иудейской традиции и еврейской истории не должно приводить к автаркии, замыканию в своем и только своем интеллектуальном кругу. И, напротив, вдумчивое и скрупулезное изучение других культур и религиозных традиций не должно приводить к ассимиляции, национальному самоотрицанию, отказу от собственного культурного наследия.

В этой связи нельзя не отметить как весьма прискорбный тот факт, что *хотя для поколения, к которому принадлежали родители Б. Акцина, основным языком повседневного общения был идиш, у детей, родившихся в начале XX века, этот язык — основной язык центрально- и восточноевропейского еврейства на протяжении нескольких столетий — практически полностью «вымылся», при достаточно рав-*

нодушном отношении к этому старшего поколения. Б. Акцин вспоминал, как на бар-мицву получил в подарок множество книг — на русском, немецком и иврите, но при этом ни одной книги на идише. «Любопытен подход, отличавший взрослых, практически все из которых говорили на идише: (среди многих полученных в подарок книг), я не получил ни одной книги на идише. Даже произведения выдающихся идишских писателей, как Шолом-Алейхем и Ицхак Лейбуш Перец, были подарены мне в переводах на иврит»⁹. В ситуации, когда дети в обязательном порядке учили немецкий, русский и иврит, а некоторые, как указывалось выше, и другие языки (в период обретения Латвией государственной независимости статус обязательного для изучения приобрел латышский), еще на один язык не оставалось сил, и «лишним» оказывался именно идиш — язык, обеспечивавший на протяжении нескольких столетий преемственность еврейской общинной жизни в Европе. Споры сторонников идиша и иврита были острыми и продолжительными. 9 января 1919 г. в Латвии появились школы с преподаванием на идише¹⁰, а в 1921 г. открылась и первая ивритская гимназия¹¹, в целом же язык преподавания в существовавших и вновь открывавшихся школах зависел от решения родителей. Как признавал Мендель Бобе, «часто возникали конфликты между сторонниками обоих лагерей, и вопрос переносился в вышестоящие инстанции — в Управление еврейского образования и даже в само Министерство просвещения»¹².

Совмещать иврит — древний язык еврейского наследия, ставший и языком возрождавшейся после двух тысячелетий еврейской государственности, и идиш — язык общинной и культурной жизни центрально- и восточноевропейского еврейства нового и новейшего времени — не удавалось. К сожалению, и сегодня совмещать эти два еврейских языка не удастся практически никому и нигде, за исключением ультраортодоксальных приверженцев иудаизма ашкеназского происхождения, использующих «святой» иврит как язык молитв, а «приземленный» идиш — как язык повседневного общения. Задача, которую не смогли решить представители поколения родителей Биньямина Акцина и его сверстников, остается нерешенной и поныне, с той лишь разницей, что количество людей, знающих иврит и говорящих на нем, выросло примерно в той же мере, в какой сократилось количество людей, говорящих и тем более читающих на идише.

Это произошло под влиянием трех грандиозных по масштабу социальных процессов — ассимиляция, Холокост и массовая еврейская

эмиграция в Палестину/Эрец-Исраэль и еще в большей мере в США фактически разрушили многосоставный уклад общественно-культурной жизни восточно- и центральноевропейского еврейства. Рассмотрение непосредственного круга, в котором рос Б. Акцин в Риге, демонстрирует это не менее отчетливо, чем данные о миллионах жертв Холокоста, с одной стороны, и о миллионах переселенцев — с другой. Судьбы людей, среди которых прошли отроческие и юношеские годы Б. Акцина, сложились очень по-разному, но никто из их потомков уже не принадлежал к миру идишской культуры.

В одном классе гимназии с Б. Акциным учились четверо еврейских ребят и еще двое — в параллельном классе. Одним из них был Эдгар Махтус, позднее ставший известным журналистом в рижской русскоязычной газете «Сегодня», самой крупной и содержательной из русскоязычных газет в Прибалтике. Она не относилась к эмигрантской русскоязычной печати, так как была основана уроженцами Латвии и официально именовалась латвийской газетой на русском языке. В 1940 г. после присоединения Латвии к СССР газета была закрыта (ее последний номер вышел во второй половине июня 1940 г.), а почти все ее сотрудники, большинство из которых составляли евреи, среди них — Борис Харитон (1876–1942), Эдгар Махтус, Леонид Мейерсон (1893–1941) и Григорий Ландау (1877–1941, погиб в лагере Усольлаг на территории нынешней Пермской области), были арестованы и сосланы в лагеря. Израиль Тейтельбаум (1901–1941) и Александр Гринс (1895–1941) были расстреляны в Астрахани, Габриэль Левин (1900–1942) погиб в Воркуте. Петр Пильский (1876, по другим данным 1881–1941) лежал парализованный после инсульта и потому не был арестован НКВД; он умер уже после прихода немцев¹³. Оба издателя, Яков Брамс и Борис Поляк, лучше других оценив ход событий, успели эмигрировать в США.

Будучи после советской оккупации Латвии сослан за Урал в качестве «буржуазного элемента», Э. Махтус, однако, выжил. Б. Акцин вспоминал, как потрясен он был в 1971 г., получив письмо от Э. Махтуса, жившего тогда в Перми. Между двумя бывшими одноклассниками спустя полвека завязалась переписка, однако больше они не встретились. По словам Б. Акцина, Э. Махтус умер в 1980 г.¹⁴; по данным, которые приводил ныне уже покойный рижский исследователь Ю. Абызов, — в 1983 г.¹⁵

Одноклассником Э. Махтуса был оставший у Б. Акцина яркие воспоминания Ицхак (Изя) Магидсон. Окончив обучение в гимназии

в Риге, он поехал учиться в Германию, там стал убежденным коммунистом, там и погиб, после того как нацисты пришли к власти¹⁶ — еврею-коммунисту остаться в живых в Германии во второй половине 1930-х было невозможно...

Еще одним идейным коммунистом стал одноклассник самого Б. Акцина — его он называет лишь по фамилии: «Кочман вырос в бедной семье, говорившей на идиш, но благодаря своей потрясающей силе воли стал лучшим учеником в классе по всем предметам, включая немецкий и физкультуру, которые, прямо скажем, не особенно соответствовали тому образованию и воспитанию, которые он получил до этого. Когда разразилась революция, он глубоко заинтересовался классиками социалистической мысли, включая Маркса, и с течением времени стал преданным коммунистом. В 1922 году покинул Ригу и эмигрировал в Советский Союз. Я слышал, что занимал в СССР ряд ответственных должностей и погиб в одной из сталинских «чисток» в тридцатые годы»¹⁷. К сожалению, это единственное упоминание о лучшем ученике класса в воспоминаниях Б. Акцина, и нигде не указано даже его имя. Несмотря на кропотливые поиски в компьютерной базе фонда «Мемориал», найти биографию этого человека среди жертв сталинского террора не удалось (были проверены все дела на фамилии «Кочман», «Качман», «Каучман», «Кофман» и «Кохман»; среди них не оказалось никого 1903–1905 гг. рождения, кто мог бы учиться с Б. Акциным в одном классе гимназии). Показательно, однако, как трагически похоже сложились судьбы Магидсона и Кочмана: оба молодых человека стали убежденными коммунистами, оба эмигрировали, один на Запад, другой — на Восток, в страны, влияние языков и культур которых на Латвию было весьма значительным, и оба погибли...

Судьба Миши Готтлиба — другого друга отрочества Б. Акцина, с которым они разделяли страсть к коллекционированию марок, не питавшего пристрастий к леворадикальным идеологиям, сложилась не менее трагично. «В других условиях Миша несомненно стал бы серьезным ученым, — отмечал Б. Акцин. — К большому сожалению, его отец умер, когда сын еще учился в гимназии, и, чтобы обеспечить мать и сестер, Миша был вынужден сразу после школы пойти работать, отказавшись от учебы в университете... Он остался в Риге, тяжело работал и очень скромно жил, но продолжал глубоко интересоваться политической историей. Когда, будучи студентом, я приезжал в Ригу на каникулы, то всегда потрясался объемам и глубине знаний, кото-

рые он приобрел путем самообразования... Когда выдающийся еврейский ученый Семен Дубнов поселился в Риге в 1933 году, то они познакомились с Мишей, который стал постоянным помощником уже бывшего пожилым исследователя. Оба они погибли после нацистской оккупации Латвии в 1941 году»¹⁸.

К сожалению, хотя масштабный фолиант С.М. Дубнова (1860–1941) «Книга жизни» был закончен им 20 февраля 1940 г., о семи годах в независимой Латвии в них не сказано ни слова. «Фатальный в европейской и особенно еврейской истории 1933 год остается в «Книге жизни» конечной вехой, дальше которой мои воспоминания не идут... Рано еще рассказывать о том, что пережито в следующие, 30-е годы XX века, годы злокачественной антисемитской эпидемии, проникшей из Германии в другие еврейские центры Европы», — отметил автор¹⁹, проницательность и мудрость которого не спасли его от гибели. Поскольку о рижском круге общения С.М. Дубнова в его мемуарах не говорится, то не упоминается и имя М. Готтлиба, и об их отношениях и совместной работе нам практически ничего неизвестно.

Сестра Михаила Готтлиба, Тереза (1900–1987), сочинявшая песни и игры для детей, эмигрировала из Латвии в Палестину/Эрец-Исраэль, где в 1929 г. вышла замуж за Шломо Дова (Фрица) Гойтейна (1900–1985), прибывшего в Палестину/Эрец-Исраэль из Германии в 1923 г. и получившего впоследствии всемирную известность в качестве ведущего специалиста по истории евреев в исламских странах в Средние века. В 1948 г. он начал дело своей жизни — работу над документами Каирской генизы, на основании которых написал фундаментальный пятитомник «Средневековое общество: Еврейские общины в арабском мире». В 1955 г. вышла книга Ш.-Д. Гойтейна «Евреи и арабы — их связь на протяжении веков», десять лет назад вышедшая и в переводе на русский язык²⁰. В 1957 г., получив ставку профессора Пенсильванского университета в США, Ш.-Д. Гойтейн перебрался в США; с ним уехала и Тереза.

Из ближайшего круга отрочества и юности Б. Акцина до Палестины/Эрец-Исраэль добрался и Борис Гуревич (1903–1983), возглавивший созданное в Риге в 1924 г. сионистское студенческое общество «Ха'хавер»²¹ — одну из 13 известных на сегодняшний день и описанных исследователем Борисом Волковичем еврейских студенческих организаций Латвийской Республики²². В Палестине/Эрец-Исраэль Б. Гуревич выбрал себе имя Барух Гуриэль, постепенно заняв значимое по-

ложение и среди борцов за национальную независимость, и среди его первых руководителей. До 1948 г. он возглавлял так называемый политический отдел службы разведки сил еврейской самообороны *Хагана* (отдел этот собирал информацию о британской мандатной администрации и о расквартированных в стране британских войсках), а в 1948–1951 гг. — так называемый Политический департамент Министерства иностранных дел (фактически он стоял во главе службы внешней разведки — «*Моссада*» тогда еще не существовало, и его функции выполнял преимущественно именно этот департамент МИДа). После смерти в ноябре 1952 г. первого президента Израиля Хаима Вейцмана именно Барух Гуриэль был назначен директором его архива. Вероятно, из-за того, что из МИДа он в 1951 г. ушел со скандалом, протестуя против создания обособленной Службы внешней разведки, которой передавались основные полномочия и на которую возлагались задачи, прежде возлагавшиеся на руководимый им департамент, сегодня имя его практически забыто; вопреки исторической логике оно даже не фигурирует в фундаментальном двухтомнике, изданном на иврите МИД Израиля к 50-летию государственной независимости...

Итак, что же остается? Сестра Б. Акцина Роза с мужем Александром Минчевым эмигрировала в Англию, где они пережили и Вторую мировую войну, там же остались и двое их выживших детей (третий умер в двухлетнем возрасте от дизентерии)²³. Сестра Ольга с мужем и дочерьми, близкие друзья Изя Магидсон и Миша Готтлиб погибли от рук нацистов; два других близких друга, Э. Махтус и Кочман, были арестованы советскими властями, один выжил, другой погиб; погибли и почти все коллеги Э. Махтуса по газете «Сегодня». Сестра близкого друга, Тереза Готтлиб, как и другой близкий друг на протяжении многих лет, Борис Гуревич, эмигрировали в Палестину/Эрец-Исраэль.

Туда же, прожив много лет в странах Западной Европы и в США, 5 сентября 1949 г. прибыл с женой, сыном и дочерью и сам Б. Акцин, когда Еврейский университет Иерусалима, после трех лет обсуждений и трагической гибели в авиакатастрофе д-ра Александра Хаима Пекелеса (1902–1946), которого университетское руководство изначально хотело видеть на посту преподавателя права и политических наук, принял его на должность профессора²⁴ — и прибыл уже на всю оставшуюся жизнь.

В Латвии, да и вообще в Восточной и Центральной Европе, не осталось практически никого и ничего, что составляло тот рижский

еврейский круг, в котором формировался и рос Б. Акцин. В XIX веке в Риге «конкурировали» два типа еврейского самосознания: «идентичность немецкоязычного еврея из Западной Европы и культурный тип говорящего на идиш еврея из Белоруссии и Литвы, миснагеда или хасида»²⁵; затем появились и другие. К середине XX века не осталось ни одного из них. С.М. Дубнов завершил «Книгу жизни» такими словами: «Еврейскому историку нет доступа в былой величайший центр еврейства даже для того, чтобы поплакать на его развалинах»²⁶. Как указывалось выше, Б. Акцину довелось побывать в Латвии и в советское время, но «плакать на развалинах» того, что составляло весь мир культуры и общественной жизни его детства, отрочества и юности, — единственное, что ему оставалось после оккупации, Холокоста и многих лет советской власти...

Для Б. Акцина, всю свою жизнь занимавшегося политической наукой и конституционным правом, а на протяжении многих лет — и активной дипломатической деятельностью, направленной на скорейшее создание независимого еврейского государства, опыт, накопленный в отроческие, юношеские и молодые годы в Латвии, имел огромное значение как минимум в трех аспектах.

Во-первых, именно тогда Б. Акцин приобрел уникальный опыт смены политических режимов по несколько раз в год. С начала 1917 по 1920 г. власть в Риге менялась многократно. Изначально Рига была частью управлявшейся царем из Петербурга Российской империи; затем, после Февральской революции, — частью Российской республики, возглавлявшейся временным правительством (вначале во главе с князем Георгием Львовым, 1861–1925, а с 21 июля 1917 г. — во главе с Александром Керенским); затем — частью территории, оккупированной немецкой армией; затем столицей независимой Латвийской Республики, управляемой временным правительством во главе с Карлисом Улманисом (1877–1942); с 3 января по 22 мая 1919 г. власть в городе принадлежала пробольшевистскому правительству Петериса Стучки (1865–1932), формально возглавлявшему независимую Латвийскую Советскую Социалистическую Республику. В 1920 г. разоренная войной Рига становится столицей обретшей независимость Латвийской Республики, которая до 1934 г. строилась на принципах парламентской демократии. Б. Акцин позднее писал, что, никуда не выезжая в те годы из Риги, можно было с социально-политической и политико-правовой точек зрения узнать весь мир²⁷. *Шесть режи-*

мов, сменившихся в его родном городе за три года, отчетливо и навсегда продемонстрировали юному Б. Акцину, как многое и как часто может меняться в принципах политико-правового устройства в дни войны. Войн на его веку будет немало, и эти войны — как Вторая мировая, так и войны Израиля с арабскими странами, в особенности Шестидневная в июне 1967 г., — приведут к кардинальным переменам в условиях существования еврейского народа. Уже тогда Б. Акцин осознал и то, что «государства могут не только появляться на карте мира, но и исчезать с нее»²⁸.

Во-вторых, именно тогда 15-летний Б. Акцин, по его словам, «получил первый урок в международных отношениях»²⁹. 8 июля 1919 г. в Ригу прибыл невиданный в Латвии до тех пор современный военный корабль, на котором находился командующий Пятой армии Великобритании, генерал-лейтенант сэра Хьюберт Гоф (Sir Hubert de la Poer Gough, 1870–1963), бывший в то время командующим всех союзных миссий на побережье Балтийского моря. Летом 1919 г. генерал Х. Гоф добился частичного вывода немецких войск Р. фон дер Гольца (1865–1946) из Латвии и просоюзнической реорганизации добровольческих вооруженных формирований самопровозглашенного Балтийского герцогства — так называемого Прибалтийского ландесвера — с удалением из него германских офицеров. Однако, когда стало известно о том, что на Ригу готовится новое наступление, генерал Х. Гоф и все находившиеся с ним офицеры в спешном порядке покинули город на том корабле, пушки которого, как многим казалось, и определяют победителя в битве за город. Тогда Б. Акцин получил урок, который в дни Второй мировой войны будет иметь столь кошмарные последствия как для народов Балтии, так и для еврейского народа: *маленькие нации не могут рассчитывать на то, что какая-либо из «демократических» сверхдержав защитит их от тоталитарных режимов, какими бы они ни были.* В самые критические моменты, когда евреев будут убивать миллионами, а страны Балтии на полвека потеряют свою государственную независимость, либерально-демократические страны могут вспомнить, что это — не их борьба за жизнь и свободу. Для Б. Акцина «первый звонок» прозвучал осенью 1919 г., когда он увидел отплывавший британский корабль, оставлявший Ригу и ее жителей на произвол судьбы.

В-третьих, и это не менее важно, латышский опыт показал Б. Акцину, что *национальное государство, борющееся за свою незави-*

симость, может и должно предоставить политические и культурные права всем живущим в нем национальным меньшинствам. «Право на свободу культурного самовыражения, за которое они боролись и которого добились, латыши без колебаний предоставили и живущим среди них меньшинствам», — с воодушевлением отмечал Б. Акцин³⁰. Это же подчеркивает и Мендель Бобе: «Главным достижением национальных меньшинств в демократической Латвии несомненно была культурная автономия — демократическая узаконенная привилегия, служившая в свое время примером для других государств»³¹. Согласно проведенной в Латвии в 1920 г. переписи населения, латыши составляли более 72% жителей страны³², однако все национальные меньшинства получили право на создание своих языковых школ на русском, немецком и польском языках, а также на иврите или идише (по выбору родителей учеников); латышский язык должен был изучаться в обязательном порядке, но лишь как один из предметов. При этом немалое число еврейских детей шли, как и прежде, в школы, где преподавание велось на русском или немецком языках, однако, за отдельными исключениями, власти в целом не вмешивались в это, оставляя родителям право самим решать, какая школа лучше подойдет их детям.

В Риге успешно действовали многочисленные еврейские культурные и общинные учреждения. В 1926 г. здесь открылся Новый еврейский театр, существовал Еврейский педагогический институт, активно работало «Общество содействия развитию еврейской науки и культуры в Латвии» и т.д.³³ В Риге на русском языке выходили историко-литературный журнал «Еврейские записки», а также различные издания на идише: «Ди идише штиме» («Еврейский голос»), «Дос Фолк» («Народ») и другие³⁴. В Ригу — столицу независимой Латвии — приезжали и виднейшие лидеры сионистского движения: Давид Бен-Гурион, Владимир (Зеэв) Жаботинский, Залман Шазар (Рубашов) и другие.

Какими бы сложными ни были отношения между еврейским большинством и арабским меньшинством в Государстве Израиль, нужно все же не забывать о том, что сразу же после того как оно провозгласило свой суверенитет, арабским гражданам страны была предоставлена языковая автономия в школьном образовании и в сфере религии и культуры. С 1949 г. и по настоящее время иврит изучается в школах арабского сектора Израиля как один из предметов, но все остальные дисциплины преподаются на арабском языке — и в этом, при всех очевидных различиях, затрудняющих подобные параллели, израильский

опыт вполне созвучен практике, доминировавшей в независимой Латвии в 1920–1930-е гг. Тот позитивный опыт сосуществования различных этноконфессиональных и национально-культурных групп, который был накоплен в Латвии от обретения ею независимости до переворота 1934 г., наверняка был перед глазами Б. Акцина, когда он в марте 1966 г. писал о том, что «представители арабского меньшинства совершенно недостаточно представлены на различных должностях в государственном и общественном секторах в Израиле», когда предлагал включить арабских представителей в число членов правительства (конкретно — на посты заместителей министров просвещения, религий, сельского хозяйства и внутренних дел) и дипломатического корпуса, когда подчеркивал, что необходимо продолжать поддерживать и развивать школы, в которых преподавание ведется на арабском языке, но что арабские родители должны иметь право выбора и при их желании отправлять детей в школы, где преподавание ведется на иврите³⁵. Мне представляется, что эти либерально-демократические ценности, признающие право на национально-культурную автономию, но при этом не навязывающие ее, не потеряли своего значения и сегодня.

Подведем итоги. Хотя в Латвии будущий выдающийся ученый-политолог и правовед-конституционалист Биньямин Акцин постоянно жил лишь в свои детские и юношеские годы, едва ли есть повод сомневаться в том, что накопленный в это время опыт оказал определяющее влияние на всю его последующую жизнь. Об этом свидетельствует и редкая книга, которую мне удалось приобрести в антикварном магазине. Это — сборник статей и выступлений Биньямина Акцина, подаренный им другому видному уроженцу Риги профессору Иешаяху Лейбовичу. Дарственная надпись гласит: «Выходцу из моего города», а дальше — отсылка к включенной в книгу статье «Изкор», опубликованной автором на языке идиш и представляющей собой поминальный плач по еврейской жизни, уничтоженной в дни Холокоста...

В целом же особенности функционирования системы образования и органов еврейского общинного самоуправления в Латвии в период Первой мировой войны и обретения ею государственной независимости достойны тщательного и вдумчивого изучения, поскольку многие компоненты этого опыта могут быть востребованы и полезны и сегодня как в образовательных структурах, так и общественных институтах и государственных органах. При всех произошедших с тех пор изменениях многонациональные и многоконфессиональные по составу

своего населения государства должны и сегодня, как и тогда, с одной стороны, сохранить свою целостность, а с другой — предоставить каждой группе своих граждан «право быть собой», а также возможности реализации этого права. В этой связи накопленный Латвией в первые полтора десятилетия независимости опыт имеет, как справедливо отмечали и процитированные в настоящей работе еврейские исследователи, большое значение.

Примечания

¹ См.: *Акцин Б.* Из Риги в Иерусалим. Иерусалим, 1989. С. 91 (на иврите). Здесь и далее все фрагменты книги Б. Акцина даны в переводе на русский язык автора настоящей статьи.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 74.

⁴ *Бобе М.* Евреи в Латвии. Рига: Шамир, 2006 (пер. с изд. на яз. идиш, опубл. в 1972 г.). С. 151.

⁵ *Акцин Б.* Из Риги в Иерусалим. С. 66.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Там же. С. 355.

⁸ Там же. С. 71–72.

⁹ Там же. С. 72.

¹⁰ См.: *Бобе М.* Евреи в Латвии. С. 220.

¹¹ Там же. С. 222.

¹² Там же. С. 224.

¹³ См.: *Абызов Ю.* Рижская газета «Сегодня» — кто ее делал, кто в ней печатался и кто ее читал // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. II. Иерусалим, 1993. С. 221–239.

¹⁴ *Акцин Б.* Из Риги в Иерусалим. С. 66.

¹⁵ *Абызов Ю.* Рижская газета «Сегодня». С. 238.

¹⁶ *Акцин Б.* Из Риги в Иерусалим. С. 67.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ Там же. С. 68.

¹⁹ *Дубнов С.* Книга жизни. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2004. С. 519 и 598.

²⁰ *Гойтейн Ш.-Д.* Евреи и арабы — их связь на протяжении веков. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2001.

²¹ О создании этого общества см.: *Акцин Б.* Из Риги в Иерусалим. С. 155–156.

²² См.: *Волкович Б.* Еврейские студенческие организации в Латвии (1918–1940) // Евреи в меняющемся мире. Материалы VI международной конференции. Рига, 2009. С. 310–340; список организаций представлен на с. 330.

²³ *Акцин Б.* Из Риги в Иерусалим. С. 52.

²⁴ См. об этом подробнее в статье: *Гросс Н.* Общественные науки в Еврейском университете до 1948/9: планы и первые шаги // *История Еврейского университета в Иерусалиме: период консолидации и развития.* Иерусалим, 2005. С. 532–535 (на иврите).

²⁵ См.: *Фейгманис А.* Раввинистическая литература Латвии в региональном и историческом контексте // *Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике.* М., 2010. Т. I. С. 166.

²⁶ *Дубнов С.* Книга жизни. С. 600.

²⁷ *Акцин Б.* Из Риги в Иерусалим. С. 63.

²⁸ *Там же.* С. 83.

²⁹ *Там же.* С. 78.

³⁰ *Там же.* С. 83.

³¹ *Бобе М.* Евреи в Латвии. С. 218.

³² *Бобе М.* Евреи в Латвии. С. 159.

³³ *Пархомовский М.* Евреи России в зарубежье. Очерки истории. Иерусалим, 2008. С. 47–57.

³⁴ *Смирин Г.* Еврейская периодика в Латвии за 60 лет (1881–1941). Материалы к указателю // *Евреи в меняющемся мире. Материалы VI международной конференции.* С. 113–138.

³⁵ *Акцин Б.* Арабы в Израиле // *Ха'йом (Сегодня),* 21 марта 1966 г., переизд. в книге: *Акцин Б.* Пристальным взглядом. Хайфа: Шикмона, 1975. С. 453–458 (на иврите).

Михаил Аганов
(Тюмень)

**СОВЕТСКИЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
НА БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ТОРГОВЫХ ВЫСТАВКАХ
В 1920—1930-е гг.**

Подъем производства в Советском Союзе благодаря переходу к новой экономической политике весной 1921 г. и заключение тогда же англо-советского торгового соглашения сделали возможным установление торгово-экономических отношений между СССР и «еврейским национальным очагом» в Палестине. Важную роль в их развитии сыграли торгово-промышленные и сельскохозяйственные ярмарки и выставки. Летом 1923 г. Президиум ВЦИК пригласил «палестинских трудящихся» принять участие в Московской международной сельскохозяйственной выставке. «Палестинскую делегацию» возглавляли генеральный секретарь Всеобщей федерации еврейских рабочих Эрец Исраэль — Хистадрут, лидер «пролетарского сионизма», будущий первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион и председатель центрального потребительского кооператива «Хамашбир» Меир Рутенберг. Организованный Хистадрутом «палестинский павильон» украшали два флага — красный и бело-голубой (с 1948 г. — официальный флаг Государства Израиль)¹.

Хистадрут и его предприятия представляли собой действующую модель «кооперативного хозяйства» в то самое время, когда в СССР, по словам Ленина, «благодаря нэпу кооперация получает у нас совершенно исключительное значение»². Разумеется, советская кооперация, получившая в это время бурное развитие во всех своих формах, концептуально отличалась от сионистской кооперации в Палестине, классифицировавшейся советскими идеологами как «кооперативный социализм» или «гильдеизм»³. Тем не менее опыт Хистадрута представ-

лял в то время несомненный интерес для советского руководства. Для руководства Хистадрута презентация продукции его предприятий являлась одновременно и презентацией самого «еврейского национального очага» в Палестине как «трудового центра еврейского народа» и перспективного торгового партнера СССР.

В «Указателе к палестинскому отделу» выставки подчеркивалась модернизирующая роль еврейской колонизации в развитии Палестины и преимущества еврейских предприятий и их продукции перед арабскими. В палестинском павильоне были представлены «диаграммы и картограммы», призванные продемонстрировать «общее хозяйственное положение страны и, в частности, ту роль, которую играют еврейские рабочие коллективы и кооперативы в хозяйственной жизни Палестины». Размещенные на стендах павильона фотографии со строительных площадок «Солел-Боне» наглядно свидетельствовали о строительном буме в Палестине, вызванном еврейской иммиграцией. «Широкая строительная деятельность Палестины имеет особое значение для внешней торговли СССР, — подчеркивалось в этой связи в Указателе. — Палестина ввозит в настоящее время в большом количестве цемент, лес, железо, нефть, бензин и др. строительные и топливные материалы, в сбыте которых нуждается русская внешняя торговля»⁴.

Действительно, уже в октябре 1925 г. советские хозучреждения и внешнеторговые организации успешно заявили о себе на торгово-промышленной выставке Ближнего Востока (Levant Fair) в Тель-Авиве. Инициатива организации выставки принадлежала группе европейских и американских эмигрантов, приехавших в последние годы в Палестину. Идея выставки, сообщил в Москву сотрудник действовавшего в 1921–1926 гг. Палестинского агентства Всероссийского кооперативного общества — АРКОС (далее — ПАА) Л.А. Глейзер, получила поддержку «прогрессивных коммерческих кругов Востока... и коммерсантов Европы и Америки». Последние стали «акционерами этого мероприятия»⁵. Еще накануне открытия выставки местная печать, по сведениям ПАА, «указывала на интерес, проявляемый СССР к Палестинской выставке». Торгпредство СССР в Турции и ПАА стремились использовать все возможности выставки для увеличения советского экспорта в Палестину. «Отмечаем, что Палестина — страна ввоза, — писал Глейзер в этой связи в Батум–АРКОС, — и потому для местного населения представляет интерес не только то, что СССР может экспортировать, но и все, что СССР производит». Советская экспозиция

на Тель-Авивской выставке была организована и представлена ПАА при поддержке Российской Восточной торговой палаты⁶. ПАА было поручено организовать такой выставочный павильон, который после закрытия выставки мог бы стать постоянно действующей экспозицией товаров советской промышленности и сельского хозяйства при ПАА. На советский павильон возлагалась задача пропаганды советской экспортной продукции среди ближневосточных фирм и «купцов» и сбор образцов местной продукции для знакомства с ними советских производителей⁷.

Следует заметить, что Палестина рассматривалась Москвой лишь в качестве плацдарма для проникновения советских хозорганизаций и госторгов на Ближний Восток. Приоритетным считался египетский рынок. Однако советским хозучреждениям и внешнеторговым организациям не удалось в то время открыть своих представительств ни в Египте, ни в Сирии⁸. Поэтому все усилия сконцентрировались на завоевании палестинского рынка. В частности, ПАА разработало опросный лист, рассчитанный на посетителей советского павильона. Советских чиновников интересовало, насколько товары советской промышленности и сельского хозяйства отвечают потребностям и вкусам посетителей выставки; каким товарам обеспечен сбыт на местных рынках; какие затруднения встречаются в сбыте советских товаров и что нужно сделать для устранения их; что могут экспортировать местные фирмы в СССР и каковы их экспортные ресурсы. Советским внешторгам удалось, как сообщало ПАА, добиться «исключительного успеха на выставке, признанного печатью, многочисленными посетителями и даже представителями правительства». В своем павильоне была представлена продукция и сырье около 30 советских хозорганизаций. Ссылаясь на местную прессу, организаторы советского павильона констатировали, что он оказался «монополистом наибольших возможностей удовлетворить местный спрос». Наиболее благоприятное впечатление на участников и гостей выставки произвели советские лесоматериалы (Волгокаспийлес), картофель (Союзкартофель), сахар и скот (Укргосторг)⁹. В выставке участвовали также Химтрест и Металлотрест¹⁰.

Успех презентации экспонатов из СССР во многом был обеспечен ПАА. Так, например, по сообщениям в Москву Глейзера, «вследствие того, что длительный путь сильно истощил скот [коров], мы сочли необходимым немедленно перевести его на самое усиленное питание...

результаты этих мероприятий сказались очень быстро, и чистый здоровый скот произвел весьма благоприятное впечатление на широкую публику и специалистов». Однако в других случаях ПАА не могло компенсировать явное несоответствие состояния товара требованиям рынка: участники выставки «были единодушны как в признании хороших качеств русского цемента, так и в указаниях на совершенно неудовлетворительную тару — что, к сожалению, вполне соответствовало действительности: несмотря на все наши усилия отобрать из имеющейся партии хотя бы несколько подходящих для выставочных целей бочек, нам это не удалось»¹¹.

И тем не менее в целом ПАА осталось довольно участием советских внешнеторгов в Тель-Авивской выставке. «Наше участие, — отмечал Глейзер, — несомненно 1) ознакомило широкие слои населения, особенно арабов, имевших малое представление о хозяйстве России с ее возможностями и той богатой номенклатурой товаров, которые могут быть ввезены на местный рынок; 2) подтвердило и увеличило интерес коммерческих кругов и отдельных потребителей к русским товарам; 3) популяризировало наши хозорганы и АРКОС — как предприятия, могущие импортировать все, что нужно Палестине; 4) увеличило число запросов клиентуры». Помимо сугубо торговых выгод Глейзер указывал и на политическое значение участия ПАА в Тель-Авивской ярмарке: оно «рассеяло вздорные слухи о бестоварности России и невозможности вести с ней торговлю»¹². Упоминание об арабах в данной связи было призвано смягчить факт развития торгово-экономических связей СССР преимущественно с еврейским сектором Палестины. В то же время в информационно-экономическом бюллетене Волгокаспийлеса за 1926–1927 гг. отмечалось ограниченное участие «арабской деревни» в выставке 1925 г.¹³ Несомненно, что главным торговым партнером СССР в Палестине был в это время «еврейский национальный очаг».

В 1920-е гг. наибольшим спросом в Земле обетованной пользовались советские строительные (лес, цемент) и упаковочные лесоматериалы. Их импорт осуществлялся на основе договоров советских хозорганов и внешнеторговых организаций, заключенных, как правило, при посредничестве ПАА (до его закрытия в апреле 1926 г.) и под контролем НКВТ, с еврейскими «земельно-строительными предприятиями». Эти договоры неоднократно продлялись, обеспечивая тем самым преемственность коммерческих операций и устойчивый характер тор-

гово-экономических отношений СССР и «еврейского национального очага» в Палестине¹⁴. Однако закрепиться на палестинском рынке было не так легко. Советские внешторги сталкивались здесь с сильнейшей конкуренцией со стороны иностранных фирм и местных производителей. Характеризуя перспективы сбыта в Палестине продуктов питания, глава ПАА Э.С. Гольцман отмечал: «Здесь много своего, нам не пробиться, только частичный сбыт, и то при условии снижения цен»¹⁵. Таким образом, ПАА конкурировало и с местными производителями. Спрос на некоторые виды советских товаров в Палестине в 1920-е гг. постоянно снижался вследствие интенсивного развития собственной палестинской, прежде всего — еврейской промышленности. Например, «с появлением в 1925 г. своей спичечной продукции и в связи с установлением поэтому высоких ввозных пошлин на импортные спички — ввоз их почти прекратился»¹⁶.

За годы мирового экономического кризиса объем советско-палестинской торговли увеличился почти вдвое, составив свыше 2,3 млн рублей (1923–1928 гг. — 1,2 млн рублей). Советский экспорт пополнился черными металлами, чугуном, изделиями из стали, хлопчатобумажными тканями. По мере строительства в Палестине автомобильных дорог, особенно с вводом в строй автодорожного сообщения Хайфа — Иерусалим — Багдад, возрастал спрос на нефтепродукты; они поставлялись в Палестину «Нефтесиндикатом». С начала 1930-х гг. в Палестине были построены наливные склады для бензина, керосина и мазута, что значительно облегчило торговлю ими. В начале 1930-х гг. палестинские компании импортировали из СССР 9000 тонн нефтепродуктов. В 1932 г. доля СССР в палестинском импорте нефтепродуктов составила 5,8%¹⁷. Это обстоятельство во многом предопределило успех СССР на Пятой ближневосточной торговой выставке (Levant Fair), проходившей 7 апреля — 7 мая 1932 г. в Тель-Авиве и собравшей 1043 иностранные фирмы.

Советские внешнеторговые организации арендовали один из самых больших павильонов (44 кв. м), обеспечили его диаграммами, схемами и другими рекламными и информационными материалами по внешней торговле СССР и экспорту отдельных товаров в страны Ближнего Востока. Советский павильон был признан одним из лучших как по оформлению, так и по ассортименту представленных товаров. Большой интерес вызвала представленная на выставке продукция советских внешнеторговых объединений: «Техноэкспорт», «Промэкспорт»,

«Лесоэкспорт», «Экспортхлеб», «Инторгкино» и др. Палестинская пресса отмечала, что СССР экспонировал те товары, в которых остро нуждались ближневосточные страны (сельскохозяйственные машины и орудия, автомобили, электроизделия и др.). Выставка способствовала установлению новых контактов советских внешнеторговых организаций с местными торговыми палатами и отдельными фирмами и товариществами «еврейского национального очага». Было зарегистрировано около 130 запросов на различные советские товары: оконное и ламповое стекло, швейные машины, химические продукты и др. Интерес еврейских деловых кругов Палестины к торговле с СССР, подогреваемый выставкой 1932 г., проявился, в частности, в создании при Яффской торговой палате (Chamber of Commerce) специального «Комитета по торговле с СССР»¹⁸.

«После импозантного участия СССР на международной торговой выставке (Levant Fair) в Тель-Авиве весной 1932 г. наблюдался некоторый рост советско-палестинской торговли, — отмечало Еврейское агентство в сборнике материалов, посвященных вопросам развития торговых сношений между Палестиной и Советским Союзом. — Импорт в Палестину из СССР возрос от 99 000 ф. ст. в 1932 г. до 234 000 ф. ст. в 1935 г. Однако и это скромное начало не получило дальнейшего развития»¹⁹.

Резкое обострение политической ситуации в Палестине в связи с началом «арабского восстания» 1936–1939 гг. и рост пошлин на ввозимые иностранные товары привели во второй половине 1930-х гг. к сокращению объемов торговли СССР и «еврейского национального очага». Исключение составляли поставки советского зерна (пшеница, ячмень) и муки, которые в 1930-е гг. постоянно росли: 63 т — в 1931 г.; около 3000 т — в 1932 г. и 5600 т — в 1938 г. В целом во второй половине 1930-х гг. советско-палестинский товарооборот стремительно сокращался, он составлял 58 700 т в 1935 г.; 14 600 т — в 1936 г.; 12 000 т — в 1937 г.; 11 500 т — в 1938 г. и 300 т — в 1939 г.²⁰

Установление и развитие торгово-экономических отношений между СССР и «еврейским национальным очагом» в Палестине отвечало интересам обеих сторон. Перед советским руководством, равно как и перед лидерами «еврейского государства в пути», стояла задача создания экономической базы «нового общества», решение которой было невозможно без налаживания внешнеэкономических связей. Ни Палестина для СССР, ни СССР для Палестины не являлись стратегически-

ми торговыми партнерами, и тем не менее каждая из сторон сыграла определенную роль в развитии экономики другой. Кроме того, установление и развитие торгово-экономических отношений между Москвой и «еврейским национальным очагом» в Палестине способствовало развитию общественно-политических, научных и культурных связей между ними, в конечном итоге — *узнаванию* «пролетарским государством» и «еврейским государством в пути» друг друга.

Примечания

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 272. Оп. 1. Д. 462. Л. 1, 9.

² Ленин В.И. О кооперации // ПСС. Т. 45. С. 369.

³ Палестина // Мировое профессиональное движение. Справочник Профинтерна / Под общ. ред. А. Лозовского. М.; Л., 1927. С. 212.

⁴ РГАСПИ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 462. Л. 2–8.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3270. Оп. 1. Д. 641. Л. 14.

⁶ РГАЭ. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 552. Л. 405, 413

⁷ РГАЭ. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 618. Л. 1–7.

⁸ РГАЭ. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 695. Л. 1.

⁹ РГАЭ. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 641. Л. 16.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1965. Т. IX. С. 637.

¹¹ РГАЭ. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 641. Л. 19, 22.

¹² РГАЭ. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 641. Л. 25.

¹³ РГАЭ. Ф. 4004. Оп. 1. Д. 206. Л. 10.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 4004. Оп. 1. Д. 646. Л. 30.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 641. Л. 20.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 3514. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.

¹⁷ Внешняя торговля СССР за первую пятилетку (за период с 1928 по 1933 г.). Статистический обзор / Под ред. А.Н. Вознесенского и А.А. Волошинского. М., 1933. С. 382.

¹⁸ Аксельрод М.М. Палестина // Страны Востока. Экономический справочник. Т. I. Ближний Восток. М., 1931. С. 316.

¹⁹ Палестина: ее хозяйство и внешняя торговля. Сборник, посвященный вопросам развития торговых сношений между Палестиной и Советским Союзом. Ерусалим, 1944. С. 3.

²⁰ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 годы. Статистический обзор. М., 1960. С. 32, 968.

Станислав Кожеуров
(Москва)

**МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ
МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМ И ИОРДАНИЕЙ В 1960-е гг.:
ОТ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ — К ТУПИКУ**

В 1960-е гг. израильско-иорданские отношения прошли путь от постепенного восстановления контактов, прерванных в начале 1950-х гг., через войну к новой попытке заключения двустороннего соглашения об урегулировании. Две страны, уже предпринимавшие в 1950–1951 гг. попытку заключить мирный договор, оказались вынужденными вести переговоры в принципиально новой политико-географической реальности Ближнего Востока, возникшей в регионе после Шестидневной войны, а следовательно, и решать новые проблемы.

Факторы двустороннего сближения

Возобновившиеся в 1960-е гг. после значительного перерыва контакты представителей Израиля и Иордании стали результатом целой серии важнейших изменений в региональной политике, а также внутривнутриполитических процессов в обеих странах, которые заставили Д. Бен-Гуриона и короля Хусейна кардинально изменить свою политику и пойти на сближение друг с другом.

Ряд внутри- и внешнеполитических кризисов, через которые прошла Иордания с 1954 по 1963 г., сделали ее внешнеполитическое положение крайне уязвимым и заставили пойти на сближение с Израилем. Решающим для короля Хусейна стал острый политико-дипломатический кризис 1963 г. Будучи уже третьим по счету (первый имел

место в 1955 г., второй — в 1958 г.), он показал изолированность Иордании в регионе и хрупкость правившего в ней режима.

В начале 1963 г., с разницей в месяц — 8 февраля и 8 марта, — в Багдаде и в Дамаске произошли военные перевороты, приведшие к власти радикальные про-насеровские режимы. Практически сразу после этого между представителями трех стран начались консультации, завершившиеся подписанием в Каире 17 апреля 1963 г. соглашения о воссоздании Объединенной Арабской Республики, включавшей в себя Египет, Сирию и Ирак. Между тем создание арабского блока с очевидным доминированием насеровского Египта само по себе могло и не привести к возобновлению израильско-иорданских контактов (так это было в 1958 г.). Необходимо было сочетание факторов, которое поставило Хашимитское королевство в исключительно трудные условия.

Во-первых, западные страны отказались вмешиваться в события на Ближнем Востоке. Администрация президента Дж. Кеннеди рассматривала именно Г.А. Насера как потенциального лидера региона, на которого можно и нужно было делать ставку. В частных беседах с израильскими политиками американские дипломаты в Тель-Авиве открыто говорили, что «США не могут остановить народные движения», и выражали опасения относительно возможных действий СССР в случае вмешательства, подобного операции 1958 г.¹ Хотя никаких публичных заявлений ни в Лондоне, ни в Вашингтоне сделано не было, обе страны со всей очевидностью молчаливо приняли как неизбежность падение власти Хашимитов в Иордании и ее переход в орбиту влияния Насера.

Во-вторых, ситуация внутри самой Иордании оказалась исключительно сложной. Если ранее население Западного берега в целом не выступало против монархии, то в 1963 г. палестинцы заняли выраженную проегипетскую позицию, и в городах Западного берега начались массовые демонстрации, на которых центральное место занимали националистические и пронасеровские лозунги.

Наконец, в-третьих, в апреле 1963 г. король Хусейн, как он впоследствии писал в своих мемуарах, осознал, что «единственной и конечной целью подрывной деятельности Египта является ничто иное, как свержение монархии и установление в Иордании республиканского пронасеровского режима; и они не удовлетворяются ничем меньшим»².

Таким образом, в апреле 1963 г. король Хусейн, столкнувшийся с внешне очень похожим на 1958 г. кризисом, не нашел, однако, опоры

нигде: на международном уровне США и Великобритания самоустранились и фактически смирились с вероятным в ближайшем будущем свержением монархии в Иордании; на региональном уровне Иордания оказалась окружена недружественными Египтом, Сирией и Ираком и не готовой к активной помощи, ведущей собственную войну в Йемене Саудовской Аравией; на внутривосточном уровне король столкнулся с открытым расколом между Западным и Восточным берегом и враждебностью пронасеровски настроенных палестинцев. В сложившейся ситуации король Хусейн принял решение пойти на сближение с Израилем³.

Тот факт, что двусторонние контакты возобновились в 1963 г., объясняется не только внешнеполитической изоляцией и внутренней нестабильностью в Иордании, но и готовностью Израиля восстановить диалог, прерванный в 1953 г. Внутри израильской политической и военной элиты на протяжении 1950-х и начала 1960-х гг. так и не сформировалось единого мнения о будущем Иордании как государства, о приемлемости существующих с 1949 г. границ и, следовательно, так и не оформилась последовательная внешнеполитическая линия в отношении этой страны.

К началу 1960-х гг. внутри израильского истеблишмента выделились три группы, отстаивавшие разные точки зрения на эти вопросы. Первая группа политиков полагала, что тот статус-кво, который существует с 1949 г., является выгодным в долгосрочной перспективе для Израиля и его необходимо всеми силами поддерживать.

Вторая группа политиков полагала, что сложившаяся после 1949 г. ситуация представляет собой опасность для Израиля: сложная географически граница не может быть эффективно обороняема, режим Хусейна обречен, и Иордания рано или поздно прекратит свое существование как независимое государство, а следовательно, необходимо предпринять шаги военного характера и как можно быстрее установить новое, более выгодное для Израиля положение вещей.

Третья группа была представлена высшими генералами, которые полагали, что существующий статус-кво приемлем, однако при малейшей возможности необходимо незамедлительно оккупировать Западный берег и провести новую границу между двумя государствами по реке Иордан.

Какая из означенных позиций будет доминировать, зависело во многом от премьера — Д. Бен-Гуриона. Сам премьер-министр колебался

между этими точками зрения. По крайней мере трижды на протяжении 1950-х гг., во время крупных региональных кризисов, он всерьез обсуждал возможность занятия Западного берега израильскими войсками. Однако приход к власти Г.А. Насера и его внешнеполитический курс изменили роль и место Иордании и сделали ее независимость и сохранение там правящей династии в глазах израильского премьера важнейшим фактором национальной безопасности Израиля. К началу 1960-х гг. премьер-министр Израиля стал склоняться к поддержке той группы, которая отстаивала идею сохранения статус-кво на границе и подчеркивала важность налаживания отношений с королем Хусейном. Решающим фактором в принятии такого решения стала угроза распространения революционного движения и на Иорданию — в этом случае Израиль оказался бы полностью окружен недружественными странами.

Возобновление израильско-иорданских контактов

Идея Д. Бен-Гуриона об укреплении правящего в Иордании режима начала претворяться в жизнь, пусть и косвенно, уже с 1960 г., со встречи генерала Герцога и иорданского генерал-лейтенанта Джамиана.

Встречи должностных лиц и самого короля Хусейна с израильскими представителями в 1960-х гг. проходили в основном не на Ближнем Востоке, а в Европе — в Лондоне, где жил личный врач королевской семьи д-р Э. Герберт. Этот человек, пользовавшийся доверием всех заинтересованных сторон, включая англичан, стал первоначально посредником при передаче тех или иных сообщений высшим руководителям двух стран, а впоследствии принимал у себя дома иорданских и израильских дипломатов и министров. Секретность подобных встреч и место их проведения давали необходимые гарантии сохранения всех достигнутых договоренностей и высказанных предложений в тайне, что было особенно актуально для иорданской стороны: даже слухи, не говоря уже об опубликованных данных, о ведении каких-либо переговоров с еврейским государством могли вызвать волну беспорядков внутри страны, что в условиях внешнеполитической изоляции представляло для короля смертельную опасность.

Еще до начала секретных встреч в 1963 г. Израиль через своего посла в Лондоне Э. Элата передал адресованное королю Хусейну сообщение, в котором отмечалось, что израильское правительство «с вос-

хищением смотрит на борьбу [Хусейна] с Насером ради независимости своей страны» и что Иордании «нечего опасаться со стороны Израиля»⁴. Несмотря на то что ответ на это послание пришел не от самого короля, а от его дяди, содержание носило очень дружественный характер. Так, в ответном послании говорилось, что «вся королевская семья не питает никакой враждебности к Израилю... И если бы не диктаторы Насер и Касим, можно было бы достичь соглашения»⁵. С этого времени Израиль стал использовать доктора Герберта как своего рода связного, через которого можно было передавать те или иные сообщения в Амман и быть в курсе событий в Иордании.

Первая личная встреча лидера Иордании с израильским дипломатом — еврейское государство представлял Я. Герцог — состоялась 24 сентября 1963 г. в Лондоне, в доме Э. Герберта. Встреча эта, фактически первая за десятилетие, была в равной степени символической и деловой. Я. Герцог отметил, что Израиль «понимает и видит общую судьбу, связывающую два народа в общей борьбе за выживание», а также полагает, что «сотрудничество станет ключом к достижению стабильности в регионе». Король Иордании, в свою очередь, выразил благодарность за переданное ранее сообщение со словами поддержки и особо отметил, что «признает Израиль как факт», не считая его «существование под вопросом» и полагая «добрососедские отношения с ним желательными, если не неизбежными»⁶.

В сфере перспектив иорданской внешней политики король Хусейн отметил два основных направления — сотрудничество с Израилем и осторожное сближение с Насером, «против которого сделать ничего нельзя», но «который не согласен на союз равных». Именно такая модель, какой ее обрисовал монарх, будет воспроизводиться Иорданией с 1963 по 1966 г.: осторожное сближение с Насером, участие во всех арабских саммитах, собираемых им в Каире и Александрии, базовое принятие большинства его инициатив будут сопровождаться секретными встречами с израильскими представителями в Лондоне или Париже, где будут координироваться двусторонние шаги и обсуждаться актуальные для двух стран вопросы.

Со своей стороны Я. Герцог перечислил те вопросы, которые, по мнению израильской стороны, требуют обсуждения и решения: во-первых, таким вопросом была выработка общей тактики борьбы с влиянием Г.А. Насера и создания антинасеровского альянса Израиля, Иордании, Турции и Ирана; во-вторых, важной проблемой было достиже-

ние соглашения по водным ресурсам реки Иордан; наконец, в-третьих, особое значение имела проблема расселения и устройства на территории Иордании палестинских беженцев⁷.

Вторая встреча короля Хусейна с Я. Герцогом состоялась также в Лондоне 2 мая 1964 г. Инициатором консультации выступила израильская сторона, стремившаяся прояснить, какие результаты были достигнуты на арабском саммите в Каире в сентябре 1963 г. Среди всех одобренных представителями арабских государств решений три представляли особый интерес и важность как для Израиля, так и для Иордании: на встрече было решено создать Организацию освобождения Палестины (ООП), которая должна была базироваться в Иордании; кроме того, было принято решение начать работы по отводу вод реки Иордан; наконец, арабские страны договорились создать общее военное командование. Все три решения на декларативном уровне вписывались в борьбу арабских стран против Израиля, однако фактическая их направленность была совершенно иной: только отвод вод реки Иордан мог расцениваться как антиизраильский шаг, призванный поставить под угрозу развитие экономики еврейского государства. Остальные же два решения отражали межарабские противоречия и соответствовали тем внешнеполитическим целям, которые ставил перед собой Насер. Создавая единое арабское военное командование, президент Египта стремился тем самым поставить под контроль, насколько это вообще было возможно, вооруженные силы других стран, дабы избежать односторонних действий (в основном его опасения вызывала Сирия), которые могли втянуть Египет в нежелательные для него войны. Образование ООП отражало не столько египетско-израильские, сколько египетско-иорданские противоречия, и эта организация была призвана прежде всего подорвать легитимность власти хашимитской монархии на Западном берегу.

На встрече с Я. Герцогом 2 мая 1964 г. центральное место занимал вопрос пользования водными ресурсами, и обе стороны пришли к соглашению, что будут действовать согласно плану Джонстона, который, хотя и был предложен еще в 1955 г., так и не был никогда формально принят и ратифицирован ни Израилем (обсуждение в Кнессете в июле 1955 г. закончилось ничем), ни Иорданией (совет ЛАГ в сентябре 1955 г. наложил вето на этот проект). Согласно этому плану, 60% водных ресурсов должно было находиться в пользовании Израиля, а остальные 40% — в пользовании Иордании, и обе стороны договорились де-факто соблюдать эти нормы во избежание конфликтов.

Вторым важным итогом встречи стало согласие обеих сторон с принципом «территориальной целостности и независимости всех стран» региона и обязательства, взятые на себя как Израилем, так и Иорданией, придерживаться этого принципа. Я. Герцог дал обещание проконсультироваться с министрами правительства относительно экономической помощи Иордании, король Хусейн же подтвердил свое признание Израиля и нежелание прибегать к военным методам для решения споров⁸.

На очередном саммите арабских стран, проходившем под председательством Г.А. Насера в Александрии, Египет настаивал на том, чтобы иорданская армия получала оружие не только от США, но и от Советского Союза. Чтобы сделать это предложение более привлекательным для Хусейна, Насер дал обещания субсидировать закупки советской военной техники для Иордании.

Вскоре после завершения совещания глав арабских стран, 19 декабря 1964 г. в Лондоне имела место третья встреча Я. Герцога и иорданского монарха. Одним из ключевых вопросов, обсуждавшихся в ходе этой встречи, стал вопрос об ООП и ее деятельности на территории Хашимитского королевства. Израиль выразил крайнюю обеспокоенность самим существованием этой организации и указал на опасность подрыва легитимности власти Хусейна на Западном берегу. Более того, Я. Герцог дал понять, что создание любых боевых отрядов в составе ООП в равной степени неприемлемо как для еврейского государства, так и для самой Иордании. Несмотря на адекватное понимание всех потенциальных опасностей, которые несла в себе ООП, король Хусейн определенно указывал на невозможность закрытия ее представительств на Западном берегу, так как это вызовет противодействие не столько самих жителей Западного берега, сколько Египта. В рамках обсуждения вопроса о функционировании Объединенного арабского командования вооруженными силами, Я. Герцог задал прямой вопрос о возможности расквартирования в Иордании иностранных арабских войск, прежде всего из Ирака. Хусейн заверил израильского дипломата, что «никакие арабские части не будут расквартированы в Иордании, никакие». Наконец, последней поднятой на встрече проблемой стал вопрос о советском оружии. Позиция Иордании, как ее изложил Хусейн, состояла в том, что единственным поставщиком вооружений для иорданской армии будут страны Запада — прежде всего США и Великобритания. Тем более что субсидирование советского оружия Насер обуславливал допуском египетских военных советников в Иор-

данию, что королю Хусейну представлялось совершенно недопустимым.

Последняя перед Шестидневной войной встреча на высшем уровне — между королем Хусейном и министром иностранных дел Израиля Г. Меир — прошла в Париже 18 сентября 1965 г. Хотя впоследствии король описывал это событие в своих мемуарах как «очень хорошую встречу», на которой «был проломлен лед, и мы узнали друг друга» и, подводя итоги, отмечал, что «ничего, в сущности, не обсуждалось, мы просто договорились продолжать контакты», оно имело важное значение, как военно-политическое, так и психологическое.

Категорический отказ, который король Хусейн дал Насеру в ответ на его предложение поставок советского оружия для иорданской армии, означал необходимость искать соглашения с США и просить их о дополнительных поставках оружия. Главным условием, которое администрация Л. Джонсона поставила перед Иорданией, был запрет дислокации американских танков и артиллерии на Западном берегу — только в этом случае Иордания могла рассчитывать на контракт на поставку 250 танков и модернизацию своих военно-воздушных сил. Соглашение, в котором иорданская сторона принимала это условие, было подписано в феврале 1965 г. В Министерстве иностранных дел и в Генеральном штабе Израиля существовало беспокойство относительно того, сможет ли король Хусейн придерживаться данных им обещаний, принимая во внимание тот факт, что Иордания входила в Объединенное арабское командование. На встрече с Голдой Меир иорданский монарх подтвердил свое намерение держать на Западном берегу только две бригады, нахождение которых там было обусловлено скорее необходимостью поддерживать порядок, чем какими-либо военно-стратегическими соображениями, и еще раз заверил израильского министра в том, что все американские танки останутся на Восточном берегу Иордана.

Второй важнейшей темой обсуждения стала деятельность Организации освобождения Палестины. Г. Меир высказала обеспокоенность проникновением с территории Сирии, через Иорданию, в Израиль боевиков ООП и призвала короля активнее бороться и пресекать такие вылазки: «Мы не довольствуемся декларациями и призываем вас действовать более энергично против групп, которые усиливают напряженность вдоль границы»⁹.

Через несколько дней после этой встречи Израиль направил Иорданию через главу наблюдателей ООН в Иерусалиме официальное пре-

дупреждение, в котором указывал, что «будет реагировать максимально жестко на акты саботажа, осуществленные с территории Иордании»¹⁰. Подобные ноты были разосланы МИД Израиля через свои посольства правительствам всех крупнейших стран мира.

В целом, несмотря на некоторую напряженность, вызванную деятельностью палестинских террористических групп, период с 1963 по 1966 г. был плодотворным для обеих стран. Прежде всего объективные внешнеполитические интересы и Израиля, и Иордании совпали и привели к возобновлению прерванного на десять лет диалога. В Лондоне и Париже состоялись три встречи, в которых принимал участие лично король Хусейн. Они привели не только к обмену информацией и мнениями, не только к координации тех или иных действий, но и к конкретным политическим решениям. Во-первых, Израиль несколько раз, в разных формулировках, подтвердил и донес до короля свою позицию, что сохранение независимости, поддержание внутренней стабильности и укрепление власти Хашимитской династии являются важнейшими приоритетами внешней политики Израиля в регионе. Во-вторых, обе стороны пришли к соглашению о необходимости придерживаться плана раздела водных ресурсов реки Иордан, разработанного в 1955 г., несмотря на то что формально-юридически план Джонстона не был ратифицирован ни Израилем, ни Иорданией. В-третьих, Израиль получил гарантии фактической демилитаризации Западного берега и неразмещения там частей, укомплектованных новой американской военной техникой.

На пути к войне

Между тем в конце 1966 г. произошли события, каждое из которых по отдельности, видимо, не могло стать ни причиной, ни поводом к войне, однако события эти стали началом своего рода «неконтролируемой цепной реакции», приведшей, в сочетании с несколькими ошибками и просчетами политиков, в июне 1967 г. к третьей арабо-израильской войне. В отношениях между арабскими странами таким событием стало подписание договора о военном союзе между Египтом и Сирией 7 ноября 1963 г. Согласно этому пакту, в случае если одна из сторон подверглась бы нападению третьей стороны, союзник обязан был прийти на помощь всеми имеющимися у него силами. Договор этот, как его видел и задумывал его автор Г.А. Насер, в кратко- и сред-

несрочной перспективе был призван не столько оказывать давление на Израиль, сколько удерживать Сирию от односторонних шагов. Президент Египта не раз отмечал, что его нежелание воевать с еврейским государством проистекает из твердого понимания того, что ни одна арабская страна к подобной войне не готова. Подобные идеи высказывались им, в том числе публично, на арабских саммитах в Александрии в 1964 г., где Насер отмечал, что «Сирия желает втянуть нас в столкновение» с Израилем и ее «необходимо сдержать»¹¹, и в Касабланке в 1965 г., где президент подчеркнул, что «в случае односторонних действий Сирия может не рассчитывать на помощь»¹².

Важнейшим событием в иордано-израильских отношениях стал самый масштабный со времени Синайской кампании 1956 г. рейд израильской армии на иорданскую деревню Саму 13 ноября 1966 г. В результате этой «акции возмездия» погибло 15 иорданских солдат и 5 мирных жителей, уничтожено 93 строения, в том числе гражданских¹³. Как отмечал через несколько дней после операции американский дипломат из Государственного департамента, «рейд на Саму разрушил всю аккуратно созданную систему негласного сотрудничества» между Израилем и Иорданией¹⁴. Однако последствия этой военной операции оказались значительно более серьезными, чем могли предполагать наблюдатели.

В целом король Хусейн не был удивлен самим фактом проведения акции возмездия: «Мы ждали чего-то подобного несколько недель, однако рейд вышел за границы обычной операции, ведь там использовалась артиллерия и авиация... в конце концов, мы пришли к выводу, что это — начало полномасштабной войны»¹⁵. Масштаб операции в деревне Саму показал неспособность иорданской армии эффективно оказывать сопротивление израильским войскам и вызвал колоссальную волну протестов как внутри страны, так и в регионе в целом.

Внутри страны Хусейн столкнулся не только с массовыми протестами жителей Западного берега, но и с организованной оппозицией местной элиты. Коммунисты, арабские националисты, активисты партии «Баас» координированно выступили против власти Хусейна и впервые назвали ООП «единственным выразителем воли палестинского народа»¹⁶.

На международном уровне рейд на Саму дал предлог Египту, Сирии и ООП поднять вопрос о введении в Иорданию иностранных войск для защиты ее подданных, которых собственно иорданский режим защитить не в состоянии¹⁷. Наконец, несмотря на переданное через

д-ра Герберта послание, в котором Израиль называл рейд «грубейшей из своих возможных ошибок», вызванной «провокацией, на которую Израиль поддался», акция эта нанесла личное оскорбление королю Хусейну, который, по его собственным словам, «чувствовал себя лично преданным и оскорбленным»¹⁸.

С этого момента ситуация в регионе стала ухудшаться и постепенно двигаться к войне. Единственным шансом для короля Иордании сохранить свою репутацию в глазах населения и уменьшить популярность Г.А. Насера было начало пропагандистской кампании против Египта. В декабре 1966-го и январе 1967 г. оба лидера обменялись резкими высказываниями: Хусейн обвинил Насера в том, что тот «прячется за спинами солдат ООН», расквартированных на Синае, а Насер, в свою очередь, назвал Хусейна «иорданской шлюхой»¹⁹. После чего египетский посол был отозван из Аммана, а иорданский — из Каира.

Воздушный бой между израильскими и сирийскими ВВС 7 мая 1967 г., закончившийся поражением сирийцев и не вызвавший никакой ответной реакции со стороны Египта, который имел с Дамаском договор о взаимной помощи в случае агрессии, вызвал новую волну критики в адрес Насера. Дабы сохранить свою популярность в массах и противостоять давлению своего ближайшего соратника и одновременно главного соперника в сложившейся ситуации, вице-президента Амера, Насер, получивший 13 мая предупреждение от СССР о концентрации израильских войск на северной (сирийской) границе, 16 мая вводит египетские войска на Синай, 19 мая требует выведения корпуса ООН, а 22 мая перекрывает Тиранский пролив, создавая тем самым *casus belli* для Израиля²⁰.

В сложившейся ситуации король Хусейн оказался перед дилеммой: с одной стороны, действия Г.А. Насера вернули популярность египетскому президенту и вызвали в арабских массах агитацию, но в то же время подвели арабские страны к опасной грани войны с Израилем; с другой стороны, любые примирительные по отношению к еврейскому государству шаги, на которые Иордания могла бы пойти, дабы уменьшить остроту положения, были бы восприняты населением, особенно Западного берега, как предательство и могли бы стать причиной полномасштабного восстания. В этих условиях Хусейн выбрал сближение с Насером и 30 мая 1967 г. заключил с ним договор об обороне, согласно которому иорданские вооруженные силы ставились под командование египетского генерала²¹.

Впервые идея нанести превентивный удар всерьез обсуждалась в Израиле на совещании министров и генералов 2 июня 1967 г. Когда стала известна позиция США, которые, по словам директора Моссада, «не станут огорчаться, если Израиль атакует Египет», было принято решение нанести 5 июня утром воздушный удар по ВВС Египта. Оценивая шансы вступления в войну Иордании, недавно подписавшей пакт с Насером, израильские политики и генералы были в целом единодушны: согласно данным военной разведки, «Иордания вступит в войну, только если Египет сможет нанести серьезный удар по Израилю»; И. Рабин был уверен в том, что «если Хусейн увидит, как мы бьем Насера, он будет сидеть тихо»; генерал А. Ярив полагал, что «Хусейн, конечно, сделает что-то», чтобы сохранить честь, но не будет вступать в войну²².

Сразу же после начала боевых действий против Египта Израиль послал королю Хусейну три сообщения, призывавшие его не участвовать в войне. В первом сообщении, переданном через норвежского генерала, входившего в состав Комиссии ООН по контролю над соблюдением перемирия, прямо говорилось о возможности использования Израилем всех имевшихся в его распоряжении средств против иорданской армии, если король отдаст приказ о нападении на Израиль; если же Иордания сохранит нейтралитет, Израиль не будет ее атаковать²³. Это же сообщение было передано иорданскому монарху через полковника Дауда, бывшего тогда членом двусторонней иордано-израильской комиссии. Кроме того, государственный секретарь США Д. Раск лично убеждал Хусейна «не ввязываться в этот бой»²⁴.

Сам Хусейн впоследствии давал различные объяснения тому, что, несмотря на предупреждения Израиля, он вступил в войну на стороне Насера. В своих мемуарах он признает, что действительно получил все три предупреждения, но утверждает, «что было слишком поздно», так как командование его армией «было передано Объединенному командованию»²⁵. В личной беседе с госсекретарем США Раском Хусейн, напротив, подчеркивал свою лояльность общепарабскому делу и свой моральный долг как араба и как короля, подписавшего договор, принять участие в войне на стороне своего союзника²⁶. Наконец, по третьей версии, изложенной самим же Хусейном, он полагал все три сообщения «неискренними и откровенно лживыми», считая, что единственной целью Израиля является захват Западного берега и Иерусалима, а потому он просто проигнорировал полученные предупреждения²⁷.

Начав боевые действия после получения ложной информации о победе Египта на своем участке фронта, Иордания столкнулась с превосходящими силами Израиля. Несмотря на решение Совета Безопасности ООН от 6 июня 1967 г., призывавшее к немедленному и безусловному перемирию, несмотря на давление Великобритании, требовавшей начала иордано-израильских переговоров, несмотря на сообщения новостных агентств о готовности короля Иордании к сепаратным переговорам, израильские войска начали более активное наступление на Западный берег. К утру 8 июня 1967 г. Западный берег и Иерусалим перешли под контроль Израиля, и король Хусейн официально согласился на перемирие с Израилем.

«Шестидневная война» — так этот конфликт вошел в историю — принципиальным образом изменила не только политическую карту Ближнего Востока, но и поставила на повестку дня как для Израиля, так и для арабских стран, в частности и Иордании, новые проблемы и вопросы. Поскольку ни Израиль, ни Иордания заранее не планировали этой войны, ни у одной из стран не существовало разработанного политического плана на послевоенный период. Руководство обеих стран столкнулось с проблемой выработки как внешней, так и внутренней политики в принципиально новых условиях.

Одним из центральных вопросов как внутренней, так и внешней политики Израиля с июня 1967 г. стала судьба территорий, приобретенных в ходе войны. Сформированное перед войной правительство национального единства, в которое входили представители Рабочей партии и оппозиционного блока Гахал, было расколото и в течение относительно долгого времени не могло прийти к какому-либо консенсусу. Трое наиболее ярких политиков в составе кабинета министров, за которыми стояли различные группы израильской элиты, имели различные точки зрения относительно будущего приобретенных территорий. Так, министр иностранных дел Абба Эбан выступал за начало переговоров со всеми соседними арабскими странами, чтобы вернуть захваченные территории в обмен на мирные договоры; министр обороны Моше Даян, напротив, выступал — как по идеологическим, так и по военно-стратегическим мотивам — за сохранение контроля над Западным берегом, Синаем, Газой и Голанами; наконец, ряд правых политиков, и в частности министр без портфеля Менахем Бегин, выступали за аннексию всех территорий.

Наименее спорной была проблема Синайского полуострова и Голанских высот — уже 19 июня 1967 г. правительство Израиля приняло

решение о переговорах с Египтом и Сирией на основе идеи возвращения Израиля к существовавшим до войны границам. Хотя в данном решении и оговаривалась возможность сохранения Израилем ряда земель, критически важных для обеспечения безопасности еврейского государства (прежде всего имелись в виду восточный берег озера Кинерет и сектор Газа), в целом оно предполагало восстановление довоенных границ²⁸.

Острые дебаты вызвал вопрос о будущем Западного берега — обширной территории, населенной палестинскими арабами, большинство из которых имели гражданство Иордании, хотя некоторые сохраняли статус беженца. Вопрос о будущем данной территории был тем более трудным, что там находились святыне для иудаизма места. Выдвинутые в самом конце и сразу после войны предложения могут быть объединены в три возможных варианта действий: во-первых, путь аннексии всех территорий; во-вторых, так называемая «палестинская опция», предполагавшая создание на Западном берегу независимого палестинского государства; в-третьих, «иорданский вариант», предполагавший возвращение большей части Западного берега под власть короля Хусейна.

Внутренние разногласия в правительстве так и не позволили выработать согласованного решения относительно будущего Западного берега, никакого конкретного документа так и не было утверждено. Между тем 27 июня 1967 г. министры одобрили и немедленно представили на ратификацию в Кнессет законопроект об объединении Иерусалима — это стало единственным не вызвавшим разногласий решением. Первоначальное желание израильского руководства двигаться по «палестинскому пути» — искать соглашения с местной палестинской элитой относительно автономии — не привело к каким-либо результатам: как и палестинское общество в целом, палестинская элита была расколота, часть ее поддерживала Я. Арафата, часть, даже если и желала достичь того или иного соглашения с Израилем, опасалась предстать в глазах населения в качестве предателей. Неудача на палестинском направлении и невозможность аннексировать Западный берег привела израильских руководителей к идее о необходимости переговоров с Хусейном, на время которых на контролируемых территориях будет поддерживаться status quo.

Потерпевшая сокрушительное поражение в войне Иордания вынуждена была выстраивать свою внутреннюю и внешнюю политику в со-

вершенно новых условиях. Потеря Западного берега и Иерусалима географически вернула страну в границы до мая 1948 г., лишила ее практически половины населения, четверти пригодных для возделывания земель, трети промышленности и значительной доли налоговых поступлений в бюджет. Новая вспышка конфликта привела к волне беженцев, направлявшихся с Западного берега на Восточный берег, их общее количество колебалось, по разным оценкам, от 175 до 250 тыс. человек²⁹.

Израильско-иорданские переговоры в 1969–1972 гг. шли одновременно по двум направлениям: в рамках посреднической миссии шведского дипломата Г. Ярринга, а также, параллельно, в рамках секретных двусторонних встреч, проходивших зачастую на высшем уровне³⁰. Проблемы, обсуждавшиеся на переговорах, проводившихся при международном посредничестве, и на секретных двусторонних переговорах, частично были одинаковы, однако частично и отличались. Так, если вопрос о будущем Западного берега находился на повестке дня всех без исключения встреч, то проблема деятельности ООП и ее роли в дестабилизации режима в Иордании обсуждалась исключительно на двусторонних израильско-иорданских встречах.

Миссия шведского дипломата Г. Ярринга была организована по решению Организации Объединенных Наций после одобрения Советом Безопасности 22 ноября 1967 г. резолюции № 242, предполагавшей необходимость отхода Израиля к границам 4 июня 1967 г. как условие подписания мирного договора. Несмотря на то что 12 февраля 1968 г. израильский МИД официально заявил о поддержке резолюции, внутри руководства Израиля единого мнения не было, и скорее превалировал скептицизм³¹. М. Даян прямо говорил о том, что «пока ситуация кардинально не изменилась, мы должны оставаться на территориях»; умеренный по своим взглядам министр иностранных дел А. Эбан назвал следование изложенным в документе принципам «политическим поражением»; наконец, в декабре 1967 г. премьер-министр Эшколь указал, что «безопасные границы должны отличаться от границ 1949 г.»³².

Подобный же скептицизм превалировал, причем не только с израильской, но и с иорданской стороны, в отношении миссии Г. Ярринга. Обе стороны рассматривали его действия как исключительно процедурные, не могущие повлечь за собой никаких реальных изменений. Разные интерпретации резолюции привели к тому, что Израиль требовал прямых двусторонних переговоров с арабскими странами или

в крайнем случае переговоров при посредничестве третьей стороны, но при условиях их максимально быстрого превращения в прямые двусторонние контакты; арабские же страны, и в их числе Иордания, настаивали на отступлении израильских войск к границам 4 июня 1967 г. в качестве «основного и предварительного условия для начала мирных переговоров»³³. Хотя министр иностранных дел А. Эбан критиковал международного посредника, полагая его «слишком по-европейски мыслящим», «действующим лишь в рамках европейского гуманизма» и «не понимающим, насколько мало логика и разум значат в истории Ближнего Востока»³⁴, он настаивал на участии Израиля в миссии ООН, обосновывая свою позицию тем, что «даже бесплодная дипломатическая активность полезна», так как она «дает возможность арабским умеренным силам избегать военного решения»³⁵.

Все же самые важные и судьбоносные для обеих стран дискуссии происходили в двустороннем формате. Первая после Шестидневной войны встреча Я. Герцога и короля Хусейна состоялась в Лондоне вскоре после окончания боевых действий — 2 июля 1967 г. Столь быстрое возобновление контактов может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что война для Иордании действительно была нежеланной, а с другой — о том, насколько насущной для короля Хусейна была задача вернуть Западный берег и Иерусалим. Встречи между израильскими дипломатами Я. Герцогом, А. Эбаном, И. Галили и иорданским монархом или его представителями продолжались с разной степенью интенсивности, но с равной бесплодностью вплоть до весны 1968 г. Они представляли собой не более чем обмен мнениями и комментариями относительно событий в регионе. Хотя король в целом не отвергал возможность заключения мира в обмен на возвращение большей части Западного берега, причем без Иерусалима, но с условием территориальной компенсации в секторе Газа, прогресса примерно за год встреч и обсуждений практически не наблюдалось. Основной причиной тому, по-видимому, может служить отсутствие консенсуса внутри израильского кабинета и общества в целом относительно судьбы Западного берега. Поэтому израильским дипломатам в сущности нечего было предложить королю Иордании для детального обсуждения, кроме самых общих идей и проектов³⁶.

Ситуация изменилась под давлением администрации Линдона Джонсона, который в апреле 1968 г. обратился к Л. Эшколю с настоятельным пожеланием «преодолеть сопротивление правительства» и «пре-

вратить, наконец, особые отношения с Хусейном в постоянный мирный договор»³⁷. Под давлением США 7 апреля 1968 г. израильское правительство провело особое заседание по поводу дальнейших переговоров с Иорданией. По его итогам кабинет выдал И. Алону мандат на ведение переговоров с королем Хусейном относительно урегулирования на основе плана, разработанного и предложенного самим Алоном в июле 1967 г., однако так никогда и не утвержденного правительством. Согласно этому проекту, полоса земли шириной от 10 до 15 километров вдоль реки Иордан должна была быть аннексирована Израилем и стать его «стратегической границей»; кроме того, планировалось присоединить к территории еврейского государства большую часть Иудейской пустыни и значительные земли вокруг Иерусалима. Ввиду того, что арабские территории Западного берега не представляли собой целостного образования, Алон считал необходимым создать шоссе, которые связывали бы анклавов между собой. Первоначально И. Алон предполагал создать на остающихся за арабами территориях некую форму автономии, однако после провала переговоров с местными палестинскими лидерами он изменил свою идею и предложил отдать арабские территории Иордании³⁸. Именно этот план правительство Израиля решило предложить королю Хусейну как рабочий вариант для обсуждения.

Первое обсуждение израильского предложения — еврейское государство представляли А. Эбан и И. Алон — состоялось 27 сентября 1968 г. Как отмечали израильские участники встречи, Хусейн «проявил заинтересованность в самом принципе», изложенном Эбаном, однако категорически отклонил предложенный проект, когда ему была представлена детальная карта. «План полностью неприемлем, так как нарушает суверенитет Иордании. Единственный принцип обмена территориями — принцип взаимозаменяемости земель», — подчеркнул иорданский монарх³⁹. Вплоть до смерти Леви Эшколя Израиль в вопросе о территориях Западного берега не предлагал королю Хусейну ничего принципиально нового, помимо плана Алона, несмотря на последовательный отказ Хусейна даже обсуждать его.

* * *

Возобновившиеся в 1963 г. израильско-иорданские контакты пришли, таким образом, к неразрешимому тупику. Если за десятилетие до этого, в 1950–1951 гг., израильские и иорданские руководители могли всерьез обсуждать вопрос заключения двустороннего мирного догово-

ра, то после Шестидневной войны центральным стал вопрос Западного берега реки Иордан. Желание Израиля вести переговоры на основе так называемого плана Алона и неготовность Иордании к любому соглашению, если оно не предполагает полный возврат занятых в 1967 г. территорий, фактически привели к тому, что нахождение компромисса стало невозможным. Хотя это и не означало прекращения контактов между представителями двух стран — они продолжались и при кабинете Л. Эшколя, и при правительстве Г. Меир, и при последующих израильских кабинетах, — заключение постоянного соглашения об урегулировании стало на долгие годы невозможным. Для Иордании, как и в 1950–1951 гг., одну из центральных ролей играла проблема международной, прежде всего региональной, легитимации того или иного соглашения с еврейским государством. Никакие условия, кроме полного возврата Западного берега под власть Хашимитской династии, не были для короля Хусейна хоть сколько-нибудь приемлемыми.

Примечания

¹ *Bligh A.* The Political Legacy of King Hussein. Brighton, 2007. P. 20.

² *Ibid.* P. 12.

³ *Демченко А.В.* Палестинская проблема в политике Иордании (1947–1967). М., 2008. С. 56.

⁴ *Shlaim A.* The Lion of Jordan: the Life of King Hussein in War and Peace. New York, 2008. P. 196.

⁵ *Zak M.* Hussein oseh shalom [Хусейн заключает мир. — ивр.]. Рамат-Ган, 1996. С. 43.

⁶ *Shlaim A.* The Lion of Jordan. P. 199.

⁷ *Ibid.* P. 201.

⁸ *Ibid.* P. 211.

⁹ *Ibid.* P. 224.

¹⁰ *Shemesh M.* The IDF Raid on Samu: the Turning Point in Jordan's Relations with Israel and the West Bank Palestinians // *Journal of Israel Studies*. 2002. Vol. 7. № 1. P. 12.

¹¹ *Shlaim A.* The Lion of Jordan. P. 212.

¹² *Ibid.* P. 222.

¹³ *Shemesh M.* The IDF Raid on Samu. P. 15.

¹⁴ *Ashton N.* The Political Life of King Hussein. New Haven, 2008. P. 110.

¹⁵ *Shemesh M.* The IDF Raid on Samu. P. 18.

¹⁶ *Shlaim A.* The Lion of Jordan. P. 228.

¹⁷ *Ashton N.* The Political Life of King Hussein. P. 111.

¹⁸ *Shlaim A.* The Lion of Jordan. P. 229.

- ¹⁹ *Ashton N.* The Political Life of King Hussein. P. 112.
- ²⁰ *Segev T.* 1967: Israel, the War and the Year that Transformed the Middle East. London, 2007. P. 317.
- ²¹ *Shlaim A.* The Lion of Jordan. P. 239.
- ²² *Segev T.* 1967: Israel, the War and the Year that Transformed the Middle East. P. 413.
- ²³ *Shlaim A.* The Lion of Jordan. P. 243.
- ²⁴ *Ashton N.* The Political Life of King Hussein. P. 120.
- ²⁵ *Shlaim A.* The Lion of Jordan. P. 244.
- ²⁶ *Ibid.* P. 245.
- ²⁷ *Bligh A.* The Political Legacy of King Hussein. P. 68.
- ²⁸ *Ibid.* P. 260.
- ²⁹ *Segev T.* 1967: Israel, the War and the Year that Transformed the Middle East. P. 420.
- ³⁰ *Дауров П.Д.* Долгая шестидневная война. М., 2008. С. 184.
- ³¹ *Shlaim A.* The Iron Wall: Israel and the Arab World. London, 2000. P. 261.
- ³² *Lukacz Y.* Israel, Jordan and the Peace Process. New York, 1997. P. 99.
- ³³ *Shlaim A.* The Lion of Jordan. P. 276.
- ³⁴ *Lukacz Y.* Israel, Jordan and the Peace Process. P. 100.
- ³⁵ *Shlaim A.* The Iron Wall. P. 260.
- ³⁶ *Ibid.* P. 261.
- ³⁷ *Shlaim A.* The Lion of Jordan. P. 291.
- ³⁸ *Nevo J.* King Hussein and the Evolution of Jordan's Perception of a Political Settlement with Israel, 1967–1988. Brighton, 2006. P. 95.
- ³⁹ *Shlaim A.* The Lion of Jordan. P. 293.

Александр Крылов
(Москва)

**ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС
ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ НОРВЕЖСКИХ СОГЛАШЕНИЙ
(1996–2001)**

В чем актуальность предлагаемой темы?

Во-первых, тот, кто когда-либо изучал вопросы ближневосточного урегулирования или интересовался ими, хорошо понимает, что только в этот пятилетний период наблюдалось медленное, слабое, но все-таки продвижение мирного процесса вперед. С 2001 г., то есть уже десять лет, то, что в международной практике принято называть «согласованным политическим процессом мирного урегулирования палестино-израильских противоречий», объективно находится в непреодолимом тупике или состоянии глубокой комы.

Во-вторых, в середине 1990-х гг. многим представлялось, что Мадридская конференция и Норвежские соглашения создали благоприятную почву для прочного и всеобъемлющего мирного урегулирования и исторического перемирия. Казалось, американской дипломатии под руководством тогдашнего президента Б. Клинтона удастся развеять плотную завесу недоверия и подвести израильскую и палестинскую переговорные команды к решающей фазе мирного процесса. Однако в действительности оказалось, что достаточно было одного демарша тогдашней израильской политической оппозиции, для того чтобы все здание достигнутых с большим трудом договоренностей рассыпалось как картонный домик, а процесс, ведущий к постоянному урегулированию, оказался отброшенным назад.

В-третьих, Россия в силу известных причин не принимала в этот период активного участия в процессе ближневосточного урегулирования, и большая часть появившихся тогда документов и программ при-

мирения конфликтующих сторон не нашла должного освещения в публикациях по отечественной истории внешней политики и политологии. Подписанные в те годы документы определенно имеют значение для современности, поскольку они свидетельствуют о том, насколько сложен и извилист путь к палестино-израильскому примирению, насколько глубока пропасть противоречий, образовавшаяся за годы вражды, постоянных столкновений и взаимных упреков.

Наконец, с позиций сегодняшнего дня очевидно, что попытка американской дипломатии урегулировать конфликт по кэмп-дэвидской схеме была ошибочной, и в современности нужны совершенно иные подходы, которые имели бы реальные перспективы вернуть израильтян и палестинцев за стол переговоров и преодолеть все существующие разногласия на основе доверия и консенсуса.

Как известно, израильскому премьеру И. Рабину — одному из главных фигурантов процесса Осло — не удалось провести работу по полной реализации Временного соглашения по Западному берегу и сектору Газа, более известного как соглашение «Осло-2». В рамках ст. 10 этого соглашения оккупированная палестинская территория была поделена на три зоны ответственности. В зоне «А», где располагаются восемь крупных палестинских городов — Дженин, Калькилия, Тулькарм, Вифлеем, Рамалла, Наблус, эль-Халиль (Хеврон) и Иерихон, — вводился полный контроль ПНА в гражданской сфере и в вопросах безопасности. Общая площадь зоны «А» составляла около 2% территории Западного берега. Зона «В» (ПНА контролирует гражданскую сферу, Израиль — безопасность) — около 26%. Остальные территории вошли в зону «С», где сохранялся израильский контроль, но предусматривалась постепенная передача этих земель под палестинскую юрисдикцию, кроме территорий, вопрос о которых, как оговаривалось, будет обсуждаться на переговорах о постоянном статусе или окончательном урегулировании.

Действуя в соответствии со ст. 9 Временного соглашения, командование израильской армии осуществило отвод войск из Дженина 13 ноября 1995 г., из Тулькарма — 10 декабря, Наблуса и его окрестностей — 11 декабря, Калькилии — 17 декабря, Вифлеема — 21 декабря и Рамаллы — 28 декабря. В Иерихоне и его пригородах, а также в Газе передислокация была осуществлена ранее. Вывод войск из Хеврона был отложен до марта 1996 г. из-за нерешенности вопроса о 400 поселенцах-ортодоксах, обосновавшихся в центре города.

Фактором, сдерживающим выполнение Израилем обязательств, предусмотренных Временным соглашением, была позиция израильских поселенцев, которые, в нарушение основного принципа о недопущении изменения статуса Западного берега и полосы Газа, развернули мощную кампанию непримирения и бойкота совместных израильско-палестинских договоренностей. После подписания Норвежских соглашений только 600 семей поселенцев выразили согласие покинуть Газу и Западный берег на компенсационной основе. Остальные включились в «войну за холмы» и к августу 1995 г. (за месяц до убийства И. Рабина) разровняли 15 новых площадок для строительства поселений.

Фактический раскол израильского общества на противников и сторонников соглашений, достигнутых в Осло, спровоцировал правительственный кризис, в целях преодоления которого премьер И. Рабин вынужден был пойти на уступки политической оппозиции: выступая в Кнессете в октябре 1995 г., он сделал заявления, противоречившие положениям Норвежских соглашений. В частности, он указал, что постоянный статус не подразумевает отказа от поселений, а «граница безопасности Государства Израиль будет проходить по долине реки Иордан», и окончательные границы, помимо объединенного Иерусалима, будут включать блоки поселений Маале-Адумим, Гуш Эцион, а также Эфрат, Бейтар и другие поселения Западного берега.

Несмотря на публичные заявления израильских сторонников Норвежских соглашений о замораживании строительства в поселениях, их расширение, как и отчуждение палестинских земель для развития поселенческой инфраструктуры продолжались на протяжении всего периода пребывания у власти правительства И. Рабина. По данным палестинского Института изучения земли, площадь экспроприированных палестинских земель составила 230 тыс. дунамов (23 кв. км) в период между подписанием соглашений «Осло-1» и «Осло-2» и концом 1995 г. Экспроприация земель наиболее активно проводилась в Восточном Иерусалиме в целях расширения еврейских кварталов Писгат Зеэв, Невэ Яаков, Гило, Гиват а-Матос. Сам И. Рабин неоднократно подчеркивал, что «кабинет [министров] будет принимать меры по укреплению статуса объединенного Иерусалима как эксклюзивной столицы Израиля и будет бороться с любыми попытками нарушить этот статус». Именно правительство И. Рабина утвердило проект строительства двух новых поселений Ар-Хома (Джебель Абу Гнейм) и Маале а-Зейтим (Рас эль-Амуд) на юго-востоке Иерусалима. К началу 1996 г.

было запланировано построить в Восточном Иерусалиме 11 тыс. единиц жилья. Достаточно активно строительство велось в 1992–1995 гг. в блоках поселений Маале Адумим (4800 ед. жилья); Гуш Эцион (4920 ед.), Модиин (800 ед.), Ариэль (300 ед.).

За годы премьерства И. Рабина численность поселенцев на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме возросла на 10%. С 1992 по начало 1996 г. количество поселенцев увеличилось на 64 100 человек и составило около 323 тыс. жителей.

Сформированное после убийства И. Рабина одно из самых левых правительств за всю историю Израиля во главе с Ш. Пересом (22.11.1995–18.06.1996) подтвердило, что в отношении поселений оно будет действовать в рамках той линии, которая была намечена покойным премьер-министром. В конце 1995 г. Ш. Перес заверил глав Совета поселений ЙЕША, что Иорданская долина останется под израильским контролем, а блок Гуш Эцион и 40 других поселений будут включены в состав Израиля после достижения соглашения с палестинцами об окончательном статусе. Даже получивший портфель министра канцелярии главы правительства один из самых известных израильских левых Й. Бейлин своими выступлениями лишь подтвердил, что ни одно правительство Израиля не согласится на эвакуацию поселенческих блоков.

Накануне парламентских выборов, состоявшихся 17 мая 1999 г., лидер оппозиционного блока «Ликуд» Б. Нетаньяху обязался в случае прихода к власти соблюдать международные соглашения, подписанные правительством И. Рабина, и продолжать дипломатический процесс в целях приближения окончательного урегулирования ключевых проблем Ближнего Востока. Однако, раскрывая платформу своего блока, он сделал следующее заявление: «Право еврейского народа на Эрец Исраэль является извечным и неотъемлемым... решение о прекращении создания поселений на территориях будет отменено и будет расширена деятельность по их укреплению... Правительство «Ликуда» позволит палестинцам свободно решать свои собственные вопросы в рамках автономии. Внешние сношения, вопросы безопасности и прочие вопросы, в которых требуется координация, останутся под контролем Израиля. Правительство «Ликуда» будет выступать против независимого палестинского государства... Единый и неделимый Иерусалим навсегда останется столицей Израиля».

Как только Б. Нетаньяху занял пост главы канцелярии премьер-министра, строительство в поселениях значительно активизировалось, что

вызвало открытое недовольство американской администрации. В ответ на мощное давление «стратегического союзника» Б. Нетаньяху выдвинул аргумент, который впоследствии взяли на вооружение все израильские политики и дипломаты. Его суть сводится к следующему: ввести полный или долгосрочный мораторий на строительство в поселениях не представляется возможным по причине того, что такое строительство продиктовано потребностями «естественного роста» еврейских жителей поселений. Впоследствии, когда накануне очередной фазы палестино-израильских переговоров, завершившихся подписанием осенью 1998 г. еще одного временного соглашения, известного как Меморандум Вай-Ривер, Белый дом настойчиво требовал от израильского премьер-министра заморозить строительство в поселениях. Однако Б. Нетаньяху вновь отверг призыв США. Мотивируя свою позицию по этому вопросу, он заявил: «Ни один реалистично мыслящий человек не может предлагать остановить жизнь в поселениях, точно так же, как никто не может предлагать остановить строительство в местах проживания арабов, где также отмечается естественный рост».

На переговорах, предшествовавших подписанию Протокола о передислокации в Хевроне (17 января 1997) и Меморандума Вай-Ривер (23 октября 1998), тема израильских поселений не поднималась, а в текстах этих документов, подписанных Б. Нетаньяху и Я. Арафатом при посредничестве США, поселения ни разу не упоминались.

Положения Протокола по Хеврону¹ устанавливали, что г. Хеврон будет поделен на зоны Н-1 (палестинский контроль) и Н-2 (израильский контроль), площадь которых в процентном отношении составляет соответственно 80% и 20%. В протоколе отмечалось, что в зоне Н-2 «Израиль будет продолжать нести ответственность за обеспечение безопасности израильтян в полном объеме».

В Приложении III к Протоколу оговаривалось, что пещера Махпела и расположенные рядом с ней участок дислокации израильских военных и полицейских, помещение хевронской ешивы, дом Романо (Бейт-Романо), здание Хадасса, еврейское кладбище в старом городе, гробницы Руфи и Исаяи в Тель-Румейде, полицейский участок в Тель Джабра, колодец Сары, могила Гофонила — «первого из числа судей израильских» (ИсНав. 15:17) — и дубрава Авраама (участок, принадлежащий Русской Духовной Миссии) будут находиться под контролем израильских сил безопасности. В соответствии с Хевронским протоколом Израиль вывел свои войска из зоны Н-1. Однако, поскольку пере-

дислокация из зоны Н-2 была отложена на срок до подписания соглашения об окончательном урегулировании, Хевронский протокол не был реализован в полном объеме.

23 октября 1998 г. премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху и председатель ООП Я. Арафат подписали засвидетельствованное президентом США очередное промежуточное соглашение (меморандум), вошедшее в историю по названию Института Аспен Вай-Ривер, штат Мэриленд, где ранее переговорными командами были оговорены его положения. 17 ноября 1998 г. Кнессет большинством голосов утвердил Меморандум Вай-Ривер, включая повременной график отвода израильских войск в три этапа. В рамках первого и второго этапов израильская сторона должна была до 21 декабря 1998 г. передать палестинской стороне 12,8% территории зоны «С» в следующих пропорциях: 1% в пользу зоны «А» и 11,8% в пользу зоны «В». На третьем этапе до 31 января 1999 г. 5% территории зоны «С» должны были быть переведены в зону «В» и 9,7% территории зоны «В» — в зону «А». При этом палестинская сторона должна была 3% площади в зоне «В» определить в качестве природоохранной территории, где ответственность за обеспечение безопасности в соответствии с текстом Меморандума брала на себя израильская сторона.

Далее в Меморандуме речь шла только об обязательствах сторон в сфере безопасности и о мерах противодействия террористическим угрозам. С этой целью создавался американо-палестино-израильский комитет по сотрудничеству в области безопасности, который должен был собираться не реже одного раза в две недели. В Меморандуме также Израиль брал на себя обязательство содействовать экономическому развитию в зоне «С» на Западном берегу и в Газе. Вопросы поселений и другие кардинальные вопросы палестино-израильских противоречий в Меморандуме Вай-Ривер не поднимались; стороны снова договорились, что не будут выдвигать какие-либо инициативы и предпринимать шаги, способные изменить статус Западного берега и сектора Газа до подписания соглашения о постоянном статусе, которое было намечено на 4 мая 1999 г.

20 ноября было объявлено о начале операции по передислокации израильских войск из района Дженина. Предполагалось, что около 500 кв. км, или 9,1%, территории северной части Западного берега будут переведены из зоны полного израильского контроля в зону полного палестинского контроля «А» (7,1%) и зону частичного палестинского

контроля «В» (2%). Однако перегруппировка израильских войск вскоре была приостановлена. Правительство Б. Нетаньяху выступило с официальным заявлением, в котором обвиняло палестинскую сторону в «непропорциональном» подходе к выполнению обязательств по Меморандуму Вай-Ривер и в этой связи отказывалось от дальнейшей реализации своей доли ответственности.

Решение Б. Нетаньяху прервать передислокацию было вызвано вспыхнувшими внутренними распрями внутри министерского кабинета и руководства блока «Ликуд». На заседании правительства 5 ноября 1998 г., когда премьер-министр продемонстрировал карту поэтапного отвода войск, большинство министров потребовали от Б. Нетаньяху отказаться от выполнения обязательств, предусмотренных Меморандумом Вай-Ривер, поскольку 18 еврейских поселений оказывались в недопустимой с точки зрения безопасности близости от районов, которые передаются под палестинский контроль. Еще до подписания Меморандума Вай-Ривер лидер правого крыла «Ликуд» Б. Бегин (сын покойного премьер-министра Менахема Бегина) обвинил Б. Нетаньяху в том, что он «продает территорию Израиля палестинцам». Нельзя не согласиться с выводом, который был сделан в связи с рассматриваемым вопросом российским специалистом по изучению политической истории Израиля Т.А. Карасовой: «Наиболее сильным дестабилизирующим фактором стали разногласия внутри самой правящей коалиции под руководством Б. Нетаньяху по мирному процессу... В атмосфере обоюдного недоверия предложение о выполнении первого этапа мирных соглашений путем передачи палестинцам всех прав на управление двумя процентами территорий, находившихся к тому времени под объединенным контролем, было немедленно отвергнуто... Готовность к переговорам в таких условиях была истолкована поселенцами, которые поддерживали Нетаньяху на выборах, как его отход от предвыборных обещаний»².

В конце 1998 г. Министерство обороны Израиля опубликовало карту, на которой отсутствовала треть, а точнее — 42 из 144 поселений, существовавших на тот период. Судя по комментариям высокопоставленных чиновников военного ведомства, поселения, не обозначенные на карте, переходили из категории «стратегических» в категорию «политических», то есть они становились разменной картой на переговорах с палестинской стороной. Оговаривалось также, что подъездные дороги, ведущие к отсутствовавшим на карте 42 поселениям, останут-

ся под экстерриториальным контролем Израиля. Это была самая большая уступка, на которую было способно пойти под нажимом США правительство Б. Нетаньяху в вопросе о будущем статусе еврейских поселений.

Б. Нетаньяху рассчитывал, что жесткий стиль поведения на переговорах с палестинцами будет способствовать его победе на досрочных парламентских выборах в мае 1999 г. Однако он проиграл своему оппоненту Э. Бараку, несомненные преимущества которого в то время сводились к тому, что он имел за своими плечами прославленную карьеру боевого генерала и незапятнанную политическую репутацию.

Кратковременный период пребывания у власти правоцентристского правительства Партии труда во главе с Э. Бараком (06.07.1999–07.03.2001) лишний раз доказал, что израильское общество настроено против каких-либо территориальных уступок и воспринимает возможность вывода поселений с оккупированных территорий в качестве недопустимого политического просчета, наносящего серьезный удар по всей системе безопасности Израиля. Спустя несколько лет, когда Э. Барак вновь вернулся в большую политику и в течение почти двух лет руководил Министерством обороны в правительстве Э. Ольмерта (18.06.2007–31.03.2009)³, он уже не был, как раньше, сторонником реанимации палестино-израильского диалога или активизации сирийско-израильских контактов относительно урегулирования спора по Голанским высотам. Очевидно, что бывший премьер-министр при принятии решений уже исходил из того, что его прежняя готовность идти на уступки была явно ошибочной и привела в итоге к быстрому развалу его правительства и сокрушительной победе «Ликуда» на досрочных выборах в феврале 2001 г.

Но тогда, летом 1999 г., встав во главе широкой правительственной коалиции, Э. Барак был убежден в необходимости выполнить обязательства в рамках подписанных Норвежских соглашений, которые стоили жизни И. Рабину, его наставнику и другу. Уже в первую неделю своего пребывания на посту премьер-министра Э. Барак провел встречи с египетским президентом Х. Мубараком, главой ПНА Я. Арафатом и королем Иордании Хусейном. В ходе этих встреч обсуждались в основном вопросы реализации приостановленного прежним израильским правительством Меморандума Вай-Ривер и сроки проведения дальнейших переговоров по окончательному статусу. Кроме того, Э. Барак посетил Вашингтон, где встречался с президентом Б. Клинт-

тоном, а также с различными высокопоставленными членами его администрации. В ходе визита он, в частности, заявил президенту США об установлении срока в 15 месяцев, необходимого, по его мнению, для успешного завершения арабо-израильского мирного переговорного процесса.

4 сентября 1999 г. Израиль и ООП согласились пересмотреть график передислокации израильских вооруженных сил на Западном берегу. Новый график был согласован на запланированной в рамках Меморандума Вай-Ривер встрече в Шарм аш-Шейхе. Новое палестино-израильское соглашение засвидетельствовали президенты США и Египта, а также король Иордании. Шарм аш-Шейхский Меморандум об осуществлении невыполненных обязательств в рамках подписанных соглашений и возобновлении переговоров о постоянном статусе предполагал новый формат передислокации израильских войск, которая должна была пройти в два этапа.

Израиль в полном объеме выполнил Шарм аш-Шейхский Меморандум в части, касающейся передислокации войск: 13 сентября 1999 г. 7% Западного берега было передано из зоны «С» в «зону «В», а 20 января 2000 г. — еще 3%. При этом 2% территории было переведено из зоны «В» в зону «А». 19 марта 2000 г. министерский кабинет утвердил последний этап передислокации израильских сил в рамках Меморандума Вай-Ривер. Передача 5,1% территорий из зоны «В» и 1% из зоны «С» под полный контроль ПНА была осуществлена 21 марта 2000 г.

Вместе с тем перераспределение территорий было осуществлено с учетом принципов государственной политики в отношении поселений, задекларированных Партией труда после победы на выборах в 1999 г. Суть этих принципов такова:

«Правительство рассматривает любые формы поселений как национальную и социально значимую реальность и предпримет все возможное, чтобы преодолеть все трудности и вызовы, которые этому явлению противостоят.

Пока статус еврейских поселений в Иудее, Самарии и секторе Газа не определен в рамках соглашения о постоянном статусе, новые поселения не будут создаваться, но при этом уже существующие поселения не будут ущемлены.

Правительство будет делать все от него зависящее, чтобы гарантировать безопасность еврейских жителей в Иудее, Самарии и секторе Газа, а также, чтобы районные советы поселений и муниципальные

службы могли предоставлять поселенцам те же услуги и возможности, которыми пользуются все граждане Израиля. Правительство будет предпринимать все меры для развития существующих поселений».

Исходя из этих принципов, основная доля передаваемых по Шарм аш-Шейхскому Меморандуму территорий находилась в районе между Наблусом и Дженином и к югу от Хеврона, то есть там, где количество поселений не так велико, как в центральной части Западного берега. Однако там, где изолированные поселения оказались в окружении палестинских районов, рядом с ними по соображениям безопасности располагались армейские гарнизоны. Кроме того, правительство Э. Барака выделило 70 млн долларов для строительства 12 объездных дорог, соединяющих удаленные поселения с Израилем.

Следует особо отметить, что все-таки такой бесспорный прорыв в палестино-израильских отношениях стал возможным во многом благодаря активным контактам, которые еще в середине 1990-х гг. установили нынешний глава ПНА Абу Мазен (Абу Аббас) — в то время генеральный секретарь исполкома ООП — и Йоси Бейлин, занимавший пост министра юстиции в правительстве Э. Барака и считавшийся его главным политическим советником. В 1995 г. Абу Мазен и Й. Бейлин в условиях строжайшей секретности совместно разработали неофициальный документ, получивший название «Основные положения Соглашения об окончательном урегулировании между Израилем и Организацией Освобождения Палестины». Этот документ, собственно, содержал многие компромиссные элементы по ключевым вопросам палестино-израильского конфликта, которые интенсивно проговаривались переговорными командами обеих сторон на встречах в Шарм аш-Шейхе, Кэмп-Дэвиде и Табе в 1999–2001 гг. Статья 5 Соглашения полностью была посвящена поселениям. В ней, в частности, оговаривалось, что «на территории Государства Палестина более не будет жилых зон, предназначенных для заселения исключительно израильянами».

По вопросу о будущем статусе Иерусалима в ст. 8 Соглашения Мазена — Бейлина отмечалось, что «правительство Государства Палестина признает Иерусалаим... как суверенную столицу Государства Израиль, а правительство Государства Израиль признает Аль-Кудс... как суверенную столицу Государства Палестина».

Однако даже на карте, приложенной к договору самого компромиссного плана урегулирования палестино-израильского конфликта, предполагалось оставить на Западном берегу блоки поселений Модиин,

Маале-Адумим, Ариэль и Гуш-Эцион, а также контролируемые Израилем «анклавы безопасности» в районе поселений Рехан (север Западного берега), Шани (юг) и Офарим (центр).

Попытка применить теоретические наработки Й. Бейлина и Абу Мазена в практической плоскости представилась на переговорах в Кэмп-Дэвиде (США), Вашингтоне и Табе (Египет). С 11 по 24 июля 2000 г. в Кэмп-Дэвиде при посредничестве президента США Б. Клинтона состоялись переговоры между Я. Арафатом и Э. Бараком, в ходе которых впервые на официальном уровне обсуждались помимо поселений проблемы беженцев и статуса Иерусалима, ранее стоявшие в ряду «табуированных» тем палестино-израильского урегулирования. На переговорах израильская делегация предложила палестинской стороне ряд территориальных уступок. Так, на первом этапе урегулирования израильтяне предполагали передать под палестинский контроль примерно 73% территории Западного берега и весь сектор Газа. Одновременно планировалось разделить Западный берег на южную и северную части транспортным коридором, соединяющим Иерусалим и Мертвое море. Таким образом, под суверенитет ПНА переходили два больших района Западного берега и анклав, включавший г. Иерихон и его окрестности. Все разделенные территории Западного берега планировалось соединить свободными (не оснащенными КПП) проходами, которые израильская армия могла бы быстро перекрывать в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Израиль выражал готовность на следующем этапе (через 10–15 лет) передать под палестинский контроль гористую местность, расположенную вдоль Иорданской долины. В общей сложности палестинцы в итоге могли бы рассчитывать на 94% всей территории Западного берега. Такой компромисс требовал от Израиля эвакуации жителей 63 поселений.

Что касается Иерусалима, то Израиль готов был уступить северные и южные окраины Города, примыкающие к Западному берегу, включая Абу-Дис, аль-Аззарию и Савахре. В Восточном Иерусалиме израильтяне соглашались передать под контроль Палестинской национальной администрации арабский квартал Бейт Ханина и лагерь беженцев Шуафат, однако отказывались предоставить ПНА право решать вопросы жилищного планирования и строительства. В Старом Городе палестинцам позволялось поднять свой флаг в местах расположения мусульманских и христианских святынь. Однако Западная стена и прилегающая к ней территория, еврейский квартал, места, где проживают

евреи в других кварталах Старого Города, Израиль определил как территорию, находящуюся под его суверенитетом.

Прийти на этой основе к компромиссу, как известно, израильской и палестинской сторонам в Кэмп-Дэвиде не удалось. В итоге была лишь достигнута договоренность о продолжении двусторонних контактов при посредничестве США. Аналитики сходятся во мнении, что переговоры в Кэмп-Дэвиде не имели результата из-за принципиального отказа Израиля допустить возвращения палестинских беженцев из других арабских стран на территорию предполагаемого палестинского государства, хотя план, предложенный президентом США Б. Клинтон, предусматривал перемещение из арабских стран на территорию контроля ПНА лишь нескольких десятков тысяч палестинских беженцев.

В ходе палестино-израильских переговоров о постоянном статусе под Вашингтоном 19–24 декабря 2000 г. израильтяне были готовы рассматривать вопросы возмещения морального и материального ущерба, понесенного палестинскими беженцами вследствие войны 1948–1949 гг., однако вновь отказались вести дискуссию по вопросу о возвращении беженцев на ту территорию, которую контролирует или будет контролировать ПНА. Американская сторона выдвинула предложение о ликвидации 20% поселений, находящихся в районах, густо заселенных арабами, и передаче высвободившейся территории (100% сектора Газа и 94% Западного берега) под контроль ПНА. Взамен 6% территории, утрачиваемой палестинцами на Западном берегу, им предлагался для заселения район Холот Халуца, расположенный в черте израильских границ в пустыне Негев и вплотную примыкающий к сектору Газа.

Кроме того, Израиль в качестве жеста доброй воли соглашался по гуманитарным соображениям принять выдвинутое Б. Клинтон в Кэмп-Дэвиде предложение по воссоединению семей нескольких десятков тысяч палестинских беженцев на контролируемой ПНА территории. В то же время израильская делегация продолжала настаивать на натурализации основной массы беженцев в странах их нынешнего проживания (в основном Иордания, Сирия, Ливан), или «третьих» странах. Глава ПНА Я. Арафат отверг это компромиссное предложение, мотивируя свое решение тем, что в противном случае это означало бы признание палестинской стороной легитимности существования еврейских поселений на оккупированных Израилем территориях, что, в свою очередь, подрывало бы основной принцип, заложенный в резолюциях СБ ООН № 242 и № 338. Фактически переговоры в Кэмп-Дэвиде за-

кончились безрезультатно. Стороны ограничились принятием короткого заявления с расплывчатой итоговой формулировкой о том, что США будут содействовать продвижению палестино-израильского диалога.

В январе 2001 г. в Табе под эгидой США, Евросоюза, Египта и Иордании состоялся раунд закрытых палестино-израильских переговоров по проблемам постоянного статуса. Для израильского премьера Э. Барака это был последний шанс удержаться у власти. Он хорошо понимал, что в случае провала переговоров ликудовская оппозиция не преминет воспользоваться политической неудачей на палестинском треке для начала кампании по отстранению Э. Барака и его окружения от власти. Именно по этой причине израильская переговорная команда готова была пойти на серьезные территориальные уступки палестинцам в Табе. Один из основных участников израильской делегации адвокат Г. Шер передал на рассмотрение палестинской стороне карту окончательного урегулирования, согласно которой 5% Западного берега оставались в пределах границ Израиля. В обмен палестинцам предлагался все тот же пустынный и безводный район Холот Халуца.

Новое предложение, выдвинутое израильской делегацией, предполагало эвакуацию 87 поселений с территории полного палестинского контроля («коричневая зона»), то есть около 80% поселенцев, проживающих на Западном берегу. На территории к востоку от «зеленой линии», передаваемой Израилю (белая зона), оставалось 41 поселение, или 35% от общего числа поселений на Западном берегу. Одно из главных условий израильтян — Западный берег должен быть полностью демилитаризованной зоной.

На переговорах в Табе Э. Барак готов был признать границы, существовавшие до 4 июня 1967 г., но на условии, что палестинцы согласятся с тем, что четыре основных блока поселений, Гиват Зеэв, Альфей Менаше и ряд других поселений при любом раскладе войдут в состав Израиля. Израильская делегация также настаивала, что Маале Адумим и Гиват Зеэв должен соединять «коридор безопасности», контролируемый израильскими военными. В случае если палестинцы согласились бы пойти на территориальный обмен, премьер-министр Израиля готов был смириться с провозглашением Восточного Иерусалима столицей предполагаемого палестинского государства. Но при этом израильская сторона настаивала на том, что все еврейские кварталы и поселения, существовавшие на момент переговоров, останутся под израильским суверенитетом, кроме поселений в Джебель Абу Гнейме

(Ар-Хома) и Рас эль-Амуде (Маале а-Зейтим), будущий статус которых должен стать предметом дальнейших обсуждений. Оговаривалось также, что в Старом Городе Западная стена и часть армянского квартала будут находиться под израильским суверенитетом. Израильская делегация заявляла также о готовности обсуждать вопросы, связанные с реабилитацией беженцев и выплатой им компенсаций.

Однако из-за неблагоприятного политического фона, сложившегося накануне переговоров в Табе, было ясно, что они не будут иметь положительных результатов. Чтобы сорвать переговоры, лидер израильской оппозиции А. Шарон совершил провокационное восхождение в сопровождении тысячи полицейских на Харам аш-Шариф, которое, как говорилось выше, спровоцировало массовые выступления протеста палестинцев, ставшие отправной точкой «интифады аль-Акса».

Резкое обострение палестино-израильского противостояния, как и ожидалось, привело фактически к кризису доверия и срыву переговорного мирного процесса. В итоговом заявлении стороны ограничились лишь констатацией того, что переговоры в Табе были достаточно интенсивной фазой палестино-израильского диалога. Не имевшие какого-либо результата переговоры в Табе были свернуты 27 января 2001 г. в связи с развалом правительственной коалиции Э. Барака и проведением досрочных выборов, на которых А. Шарон и противники территориальных уступок палестинцам одержали более чем убедительную победу над сторонниками переговорного процесса по урегулированию.

Примечательно, что появление А. Шарона на Храмовой Горе, мгновенно перечеркнувшее все прежние американские планы палестино-израильского урегулирования на основе мирного переговорного процесса, вызвало достаточно неожиданную реакцию новой президентской администрации Дж. Буша. Срочно прибывший на Ближний Восток спецпредставитель американского президента сенатор Дж. Митчелл, возглавивший международную комиссию (США, Евросоюз и Турция) по выявлению фактов, прекращению огня и восстановлению доверия между ПНА и Израилем, в своем докладе, зачитанном в Шарм аш-Шейхе 30 апреля 2001 г., недвусмысленно намекнул, что Белый дом может пересмотреть свою позицию постоянной поддержки Израиля на международном уровне, если тот не прекратит увеличивать численность поселений и их размеры на палестинских территориях. В своем докладе Дж. Митчелл, дипломатично ссылаясь на редакционную статью влиятельной израильской газеты «Гаарец» от 10.04.2001, подчерк-

нул: «Правительство, которое пытается доказать, что его цель заключается в урегулировании конфликта с палестинцами мирными средствами, и пытается на этом этапе положить конец насилию и террору, должно объявить о прекращении строительства в поселениях». Но рекомендаций комиссии Дж. Митчелла уже никто не слышал: сразу после того как прозвучал доклад американского сенатора, израильские танки вторглись в Газу, а палестинские смертники осуществили ряд терактов против гражданского населения Израиля.

В июне 2001 г. США предприняли еще одну попытку вернуть палестинцев и израильтян за стол переговоров. Эта миссия на сей раз была возложена на директора ЦРУ Дж. Тенета. Его план основывался на рекомендациях комиссии Митчелла и предлагал только ряд мер по прекращению огня между враждующими сторонами на принципах активного сотрудничества в сфере безопасности. Однако, несмотря на признание израильской и палестинской сторонами (с множеством оговорок), ни рекомендации комиссии Митчелла, ни положения плана Тенета так и не были реализованы.

В условиях тщетности предпринимавшихся американских усилий и отсутствия серьезных сдерживающих факторов израильское политическое руководство отказалось от участия в политическом диалоге с палестинцами, как отказалось и от соблюдения прежних достигнутых договоренностей, и приступило к односторонним действиям. Весной 2002 г. израильские войска провели военную операцию, вошедшую в историю под названием «Оборонительный щит». К этому моменту с начала «интифады-2000» было убито около 2 тыс. палестинцев и 700 израильтян; ранения получили 25 тыс. палестинцев и 4,7 тыс. израильтян. В результате проведенной военной операции израильские войска фактически заново осуществили оккупацию всего Западного берега и полосы Газа. Во всех палестинских городах, кроме Иерихона, был введен комендантский час. Вокруг Иерихона был вырыт ров, блокировавший все подступы к городу. Территория Западного берега была фрагментизирована на 50 изолированных районов. Передвижение из одного района в другой полностью контролировалось израильскими военными. Фактически 700 тыс., или треть палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа были поставлены в положение, равносильное домашнему аресту.

Повторная оккупация затронула все аспекты жизни палестинцев, была уничтожена большая часть объектов инфраструктуры ПНА, пре-

кращена подача электроэнергии и воды, прекратили работу муниципальные службы, отсутствовала возможность получения продуктов питания, прерывалось медицинское обслуживание, была серьезно подорвана деятельность системы образования. И без того слабая палестинская экономика была полностью дестабилизирована.

Проведенный выше анализ документов палестино-израильского переговорного процесса в период после подписания Норвежских соглашений и до начала «интифады аль-Акса» убедительно доказывает, что урегулирование конфликта под эгидой США на сепаратной основе по кэмп-дэвидской схеме, удачно апробированной американской дипломатией при решении спорных вопросов между Египтом и Израилем в конце 1970-х гг., не сработало на палестинском направлении и в итоге привело к еще более серьезной дестабилизации обстановки в регионе.

Очевидно, что в период, когда переговорный процесс направлялся американской администрацией, был допущен серьезный крен в сторону израильских политических интересов. С момента подписания Временного соглашения («Осло-2») и палестино-израильских договоренностей, достигнутых до 2000 г., территория полного контроля Палестинской национальной администрации на Западном берегу и в секторе Газа увеличилась с 2% до 17,2%, а территория частичного контроля сократилась — с 26% до 23,8%. В зоне «С», составляющей около 60% всей территории Западного берега, где сосредоточены почти все израильские поселения и более сотни нелегальных с точки зрения израильского законодательства поселений, с 1967 г. непрерывно шел и продолжает идти процесс методичной конфискации и экспроприации палестинских земель, разрушения палестинских гражданских объектов при одновременном расширении строительства военных объектов, дорог и единиц жилья в уже существующих поселениях. Более 50% территории Западного берега оказались полностью закрытыми для палестинцев.

Подписанные при участии США документы позволили Израилю уклониться от обязательств, возложенных на него Временным соглашением, и сосредоточить дипломатические усилия преимущественно на вопросах сферы безопасности и частичной передислокации войск на Западном берегу. В результате большая часть арабоязычного населения была полностью заблокирована в десяти крупных палестинских городах и секторе Газа. С этого времени сообщение между местами концентрированного скопления палестинцев полностью контролирует-

ся и регулируется израильскими военными и службами безопасности, а доступ палестинцев в Восточный Иерусалим с территории Западного берега был отрезан многочисленными блокпостами и КПП.

Провал палестино-израильских переговоров в 2001 г. был воспринят израильским политическим руководством как сигнал для прекращения любых действий, направленных на расширение территории ответственности ПНА в зоне «С», которую Израиль полностью контролирует. Последовавшее вслед за провалом переговоров резкое обострение обстановки в районе палестино-израильского противостояния было использовано израильской стороной для проведения ряда операций, в том числе силовых, в целях подрыва жизнеспособности и территориальной целостности палестинских территорий. В условиях отсутствия сдерживающих центров после провала переговоров Израиль получал большие преимущества для проведения аналогичных действий в других районах плотного проживания палестинского населения на Западном берегу, прежде всего там, где зона «С» прилегает к таким городам, как Вифлеем, Рамалла, Наблус, Салфит, Тулькарм, Калкилия, Хеврон и Дженин.

Примечания

¹ Детали Протокола по Хеврону прорабатывались на палестино-израильских переговорах, которые проходили в период с 7 по 15 ноября 1997 г. при посредничестве госсекретаря США У. Кристофера. Окончательный текст Протокола был подписан 17 ноября на КПП Эрез (граница Израиля и сектора Газа) руководителями переговорных команд. От израильской стороны Протокол подписал бригадный генерал Д. Шомрон, от руководителя палестинской делегации — С. Орейкат; засвидетельствовал подписание документа представитель президента США на Ближнем Востоке Д. Росс.

² Карасова Т.А. Политическая история Израиля. Блок «Ликуд»: прошлое и настоящее. М., 2009. С. 142.

³ В нынешнем правительстве Б. Нетаньяху генерал Э. Барак также руководит Министерством обороны и является заместителем премьер-министра.

Эстер Сурикова
(Москва)

**ВЫВОД ИЗРАИЛЬСКИХ СИЛ ИЗ СЕКТОРА ГАЗА
И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ:
ПЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ «РАЗМЕЖЕВАНИЯ»***

**Содержание и реализация плана
«одностороннего размежевания»**

«Одностороннее размежевание» представляет собой план, реализованный правительством Израиля в августе 2005 г., в соответствии с которым в одностороннем порядке была осуществлена эвакуация поселений и баз ЦАХАЛа из сектора Газа, а также четырех отдельных поселений в Северной Самарии. Инициатива и контроль за реализацией проекта принадлежали возглавлявшему на тот момент израильское правительство Ариэлю Шарону. После того как в 2000 г. Арафат объявил Израилю террористическую войну, Гуш-Катиф стал одним из самых беспокойных мест в Израиле. В декабре 2003 г. пресс-служба ЦАХАЛа сообщила, что в течение трех лет интифады (она началась в еврейский новый год) арабами было совершено более 20 тыс. террористических актов. При этом оказалось, что только 4% этих терактов были произведены в пределах «зеленой черты», то есть на территории «суверенного» Израиля. Остальные 96% были совершены на «территориях»: 42% — в Иудее и Самарии и 54% — на территории сектора Газа¹. Уже после поражения Барака на выборах в феврале 2001 г. офи-

---

* В основе настоящей статьи лежит дипломная работа на тему «Взаимоотношения СМИ, армии и общества в Израиле (на примере освещения израильскими журналистами вывода израильских сил и поселений из Газы и Северной Самарии)», выполненная автором во время учебы в Открытом университете Израиля под руководством д-ра А.Д. Эпштейна, которому автор выражает искреннюю благодарность.

циальная политика правительства победившего «Ликуда» по урегулированию базировалась на том, что поскольку все предложения, выдвинутые предыдущим правительством Барака в Кэмп-Дэвиде в Табе, были отклонены палестинцами, то они являются аннулированными и для Израиля². Выступая на конференции Междисциплинарного центра в Герцлии 18 декабря 2003 г., Ариэль Шарон заявил о том, что в скором времени Израиль инициирует... одностороннее размежевание, при котором «часть поселений будет перемещена»³. Ариэль Шарон обосновал необходимость реализации такого плана тем, что нынешнее палестинское руководство, которое отказывается бороться с терроризмом, не может быть партнером Израиля по переговорам. Осуществив односторонний вывод войск и поселенцев с части палестинских территорий, Израиль предоставляет автономии право объявить о создании независимого государства и выражает готовность вернуться к переговорному процессу после того, как палестинское руководство демонтирует инфраструктуру террора⁴. В своей речи А. Шарон не назвал те поселения, которые будут «перемещены» (то есть ликвидированы), ограничившись фразой, что речь идет о тех населенных пунктах, «которые при любом возможном раскладе будущего окончательного соглашения не будут включены в территорию Израиля»⁵.

Текст плана, представленного на рассмотрение возглавляемой им партии «Ликуд», предусматривал следующие шаги:

- эвакуацию всех еврейских поселений сектора Газа и четырех поселений Северной Самарии (Ганим, Кадим, Хомеш, Санур) при параллельной эвакуации израильских военных объектов, обеспечивающих их безопасность;
- завершение строительства защитной стены — в соответствии с ранее принятыми решениями правительства, но «с учетом гуманитарных соображений»;
- сохранение участка границы между сектором Газа и Египтом под израильским военным контролем «на первом этапе»;
- сохранение израильского контроля над воздушным пространством сектора Газа и продолжение военного патрулирования в прилегающих к сектору Газа водах Средиземного моря;
- сохранение действующего пограничного режима на всех контрольно-пропускных пунктах (сектор Газа — Египет, Иудея и Самария — Иордания);

- разрушение покинутых ЦАХАЛом военных объектов или передача их неустановленной пока инстанции (предполагалось, что по согласованию с ПА они могут быть переданы палестинским силам безопасности);
- «Израиль попытается сохранить в целостности недвижимое имущество» покинутых поселений и передать его под контроль несуществующей пока международной инстанции, которая оценит его стоимость, с тем чтобы таковая «учитывалась в будущем» (без указания конкретного контекста, позволяющего «учесть» стоимость оставленной в Газе и Самарии недвижимости);
- Израиль продолжит снабжение палестинского населения в покинутых районах водой, газом, электроэнергией и нефтепродуктами;
- Израиль продолжит допуск палестинских рабочих — «в соответствии с принятыми сегодня критериями»;
- Израиль заявляет при этом о своей заинтересованности в сокращении числа палестинских рабочих, занятых на его территории, и изъявляет готовность «содействовать развитию источников занятости в секторе Газа и в палестинских районах Иудеи и Самарии»;
- Израиль оставит промышленную зону «Эрез» в сегодняшнем виде и статусе, если ее функционирование не будет восприниматься международным сообществом как «продолжение израильского контроля в данном районе» (в противном случае, а также в отсутствие должных условий для обеспечения безопасности промышленная зона «Эрез» будет передана в управление палестинцам или «согласованной международной инстанции»);
- КПП «Эрез» будет перенесен на израильскую территорию.

Реализация вышеперечисленных шагов завершится до конца 2005 г., причем конкретный график связанных с этим мероприятий будет доведен до сведения Белого дома.

Важно отметить, что речь шла не об эвакуации поселений в рамках мирного договора с соседней арабской страной или с палестинцами, а об односторонней инициативе израильского правительства, согласованной исключительно с администрацией США⁶. Премьер-министр Израиля Ариэль Шарон углубил раскол в партии «Ликуд», наотрез отказавшись от идеи референдума по вопросу об одностороннем разделе

нии от палестинцев. Вечером 3 марта центр «Ликуда» принял резолюцию, призвавшую членов Кнессета от этой партии «немедленно начать мероприятия по принятию закона о всенародном референдуме по поводу плана отделения». Подавляющее большинство членов центра партии проголосовали за эту резолюцию. Одним из немногих голосовавших против был лидер партии А. Шарон. Взаимоотношения премьер-министра и его партии, особенно основных институтов, таких как центр и секретариат (орган, отвечающий за идеологию), уже давно оставляли желать лучшего. С момента появления на повестке дня плана премьера по одностороннему уходу Израиля из Газы и части Западного берега реки Иордан «Ликуд» фактически раскололся на два лагеря. Первым и самым острым сигналом стал внутривнутрипартийный референдум, состоявшийся в мае 2004 г. Не сомневающийся в своей популярности Шарон сам был инициатором этого референдума с целью нейтрализовать набирающую силу оппозицию своему плану. Однако более 60% членов партии проголосовали против отделения⁷.

После утверждения плана премьер-министра А. Шарона в правительстве и Кнессете в 2004 г., принятия закона о компенсациях, оперативно-технической подготовки на местности, а также проработки юридических вопросов начало эвакуации 21 поселения из сектора Газа и четырех из Северной Самарии было запланировано на 15 августа 2005 г. По предварительным оценкам, звучавшим в военных и политических кругах, в ходе реализации плана размежевания армия и полиция могут столкнуться с агрессивным сопротивлением со стороны поселенцев и ультраправых активистов, вплоть до применения физического насилия. В качестве дополнительной угрозы называлась возможность возобновления террористической активности палестинских группировок, которые постараются воспользоваться массовым скоплением людей в местах эвакуации.

План размежевания подлежал поэтапному утверждению правительством. Поселения были разделены на четыре группы: к первой относились изолированные поселения сектора Газа — Нецарим, Мораг, Кфар-Даром; ко второй — блок Гуш-Катиф; третью группу составляли поселения на севере сектора Газа — Дугит, Нисанит, Элей-Синай; четвертую — четыре поселения Северной Самарии: Хомеш, Са-Нур, Ганим, Кедим. Непосредственно перед началом операции правительство утвердило сразу две группы поселений, с тем чтобы военному командованию было легче принимать решения о порядке эвакуации в соответст-

вии с обстоятельствами на местности. Непосредственно в эвакуации было задействовано около 42 тыс. солдат и полицейских, еще 10 тыс. оставались в резерве. Оперативный сценарий предусматривал дислокацию сил размежевания по шести поясам. Первый пояс состоял из невооруженных солдат и полицейских, которые занимались непосредственным выводом жителей из домов. Задачей солдат во втором поясе была изоляция поселений друг от друга. Третий и четвертый пояса были оборонительными, они предназначались для защиты от огня палестинцев. Пятый пояс — солдаты и полицейские, дислоцировавшиеся вдоль внешней границы сектора Газа с Израилем и изолировавшие его от попыток проникновения извне. Шестой пояс образовывали наряды полицейских, которые перекрыли дороги в сектор и пресекали провокации со стороны правых активистов. Кроме того, специальные подразделения были выделены для борьбы с экстремистскими элементами из числа поселенцев и их сторонников.

В целях координации действий был образован совместный израильско-палестинский оперативный центр. Для «мониторинга» ситуации на местности в Израиль прибыли зам. госсекретаря США по Ближнему Востоку Д. Уэлч и помощник президента США по национальной безопасности Э. Абрамс. Размежевание началось в ночь с 14 на 15 августа с закрытием КПП на шоссе Кисуфим, ведущем в сектор Газа. Таким образом, сектор был закрыт на вход для гражданских лиц и объявлен военной зоной. Солдаты и полицейские в течение двух суток раздавали поселенцам уведомления об эвакуации с требованием добровольно покинуть свои дома до 17 августа. Желаящим уехать в это время предоставлялась любая необходимая помощь. Было объявлено, что с 17 августа начнется этап принудительной эвакуации и жители, оставшиеся к этому моменту в поселениях, потеряют до трети от суммы причитающихся им компенсаций.

Эвакуация более 8 тыс. поселенцев из сектора Газа и Северной Самарии была завершена в кратчайшие сроки. Солдаты начали снос домов, эвакуацию синагог и кладбищ. Межминистерская комиссия по размежеванию провела в августе серию заседаний, посвященных обустройству поселенцев во временных жилищах: на съемных квартирах, в гостиницах и в домах караванного типа. При этом Управление по размежеванию вело переговоры с семьями поселенцев с целью согласования приемлемых для них вариантов постоянного жилья, социально-бытового обустройства, образования и занятости.

Общественная полемика по «плану размежевания» и проблемы поселенцев

Восприятие плана размежевания различными слоями населения Государства Израиль занимает важное место в различных журналистских и аналитических исследованиях. Согласно результатам опросов общественного мнения, 47,7% израильтян согласны с утверждением, что размежевание внесло самый сильный раскол в общество. «Израильское общество очевидно раскололось на три лагеря, идентифицируемые разными цветовыми символами. «Синие» (по разным опросам — от четверти до трети населения) поддерживают идею Шарона о выводе еврейских поселений и ЦАХАЛа из Газы и Северной Самарии, даже если это, как предупреждают их противники, нанесет ущерб безопасности Израиля. «Оранжевые» (также примерно 25–30% израильтян), напротив, выступают решительно против ликвидации этих поселений, даже если в обмен на это на Израиль прольется поток благ и преимуществ. Наконец, самая значительная группа — до 40% населения, хотя и не входят в два указанных лагеря, не являются вопреки оценкам канцелярии премьер-министра в полном смысле слова «неопределившимися». Большинство из этой группы (часть из них украшают свои автомашины белыми либо одновременно синими и оранжевыми ленточками) готовы согласиться с уходом из Газы, но абсолютно не удовлетворены тем, «как мы это сделали»⁸.

В израильском обществе высказывались различные мнения, комментирующие и анализирующие мотивации, движущие инициаторами плана размежевания. Так, например, журналисты Равив Друкер и Офер Шелах опубликовали книгу «Бумеранг», где раскрывается истинный облик Ариэля Шарона как государственного деятеля. В книге есть несколько ударных моментов, например: план размежевания родился без согласования с правительством, из желания избежать уголовной ответственности за финансовые махинации; Шарон хотел внедрить своего осведомителя в Генштаб, чтобы тот ему докладывал о всех ведущихся там разговорах. Как отметил ведущий Второго канала, Нисим Мишаль, пригласивший авторов на свою программу «Мишаль хам», народ считает Шарона сильным и твердым государственным деятелем, но в книге «Бумеранг» перед нами предстает совсем другой человек, слабый и нерешительный, которым вертит как хочет глава его администрации, Дов Вайсгласс⁹. Дов Контонерер напомнил, что сначала «Шарон, не имея на то никаких полномочий, изложил президенту США свой план так,

как будто государственное решение по нему уже состоялось. Затем он инициировал в своей собственной партии референдум, на котором, как известно, потерпел сокрушительное поражение. После этого Шарону предстоял выбор: либо признать свое реальное политическое фиаско и предстать перед Белым домом безответственным обманщиком, либо срочно переложить личную, персональную вину на израильское общество, как бы еще не дозревшее до мудрости своего вождя. Он выбрал второй вариант».

Отдельной группой населения, права и интересы которых были в значительной степени затронуты реализацией плана размежевания, стали жители демонтируемых поселений. Потерпев поражение в парламенте (законопроекты представителей правого лагеря, предусматривающие отсрочку эвакуации на три месяца, не получили большинства голосов), поселенцы перенесли борьбу на улицы и в СМИ: организовывали массовые демонстрации и шествия. Так, несколько десятков тысяч человек приняли участие в несанкционированном шествии к сектору Газа и были остановлены крупными силами армии и полиции в селении Кфар-Маймон. Через несколько дней после «Кфар-Маймона» Дов Конторер одним из первых высказал мысль о тщетности усилий сопротивления, столкнувшихся с неумолимой государственной машиной подавления. Накануне 15 августа на площади Рабина в Тель-Авиве состоялся 150-тысячный митинг противников размежевания. Организаторы акции — представители Совета поселений Иудеи, Самарии и Газы — призвали своих сторонников двигаться к Гуш-Катифу и стараться всеми силами помешать эвакуации поселенцев. По оценкам военных, в сектор Газа в течение нескольких недель перед размежеванием незаконно проникли от 3 до 6 тыс. человек¹⁰.

Израильские СМИ подробно анализировали деятельность поселенцев по предотвращению принятия и реализации плана размежевания, а также психологическое воздействие, которое операция подобного рода могла оказать на население. В прессе освещалась как позиция светских общественных деятелей, так и реакция религиозного лагеря. Например, 24 февраля во Дворце наций (Биньяней ха'ума) в Иерусалиме состоялся съезд противников выселения Гуш-Катифа и других поселений сектора Газа и Самарии, организованный движением ХАБАД, в котором приняли участие более 4 тыс. человек. Ася Энтова, опубликовавшая краткий обзор мероприятия, приводит высказывания раввинов и лидеров движения, выступавших в ходе ме-

роприятия. Один из участников съезда, Ноам Ливнат, брат министра образования Лимор Ливнат, собрал десятки тысяч подписей военнослужащих, отказывающихся выселять евреев из собственных домов. На съезде прошла церемония награждения почетными грамотами нескольких солдат и офицеров, которые, пожертвовав карьерой (а иногда и свободой), отказались разрушать еврейские поселки¹¹.

Среди позиций представителей религиозных кругов наблюдались и противоположные тенденции — так, в эти дни появилась публикация от имени рава Лихтенштейна, одного из глав иешивы Хар-Эцион в поселении Алон Швут, под названием «Размышления дней всеобщей мобилизации». В статье рав Лихтенштейн приводит свои доводы против отказа солдат от выполнения преступных приказов в том случае, когда это касается действий, связанных с выселением евреев из Гуш-Катифа и Северной Самарии, аргументируя свою точку зрения опасностью ослабления армии, раскола в обществе и «уменьшения национального самосознания». Лидер фракции «Еврейское руководство» в партии «Ликуд» Моше Фейглин вступил в полемику с идеями, выраженными в письме рава Лихтенштейна, утверждая, что «с точки зрения прагматической, как на основании опыта последних лет, так и основании анализа расстановки сил в израильском обществе, солдаты, которые не откажутся выполнять приказы об изгнании, подвергают опасности как существование государства, так и жизни миллионов евреев»¹².

Многочисленные дискуссии вызвал в обществе вопрос о судьбе синагог, иешив и еврейских кладбищ. Палестинская сторона ясно заявила, что она не берет на себя ответственности за сохранение синагог, более того, синагоги — «знак оккупации», а значит, должны быть разрушены. Они и были сожжены и разгромлены в первую же ночь после вывода израильских сил.

Зеэв Ханин посвящает большую часть своей статьи «Общественно-политическая структура Израиля в свете плана размежевания» рассмотрению действий, предпринимаемых в этот период СМИ. «Четвертая власть» — преимущественно левая израильская пресса, обычно резко критичная к главе любого правительства вообще и к Шарону в особенности, по словам автора, оказалась однозначно мобилизована в пользу «лагеря размежевания». Журналисты главных израильских газет («Маарив», «Ха'арец», «Едиот ахронот») и электронных СМИ оказали поддержку А. Шарону почти во всех его начинаниях, закрывая глаза на факты коррупции в его окружении. Отступления от этого об-

шего правила в последний год были крайне малочисленны и, как правило, жестко пресекались самой журналистской элитой. Характерным примером может служить история статьи Амнона Данкнера и Дана Маргалита «Когда все границы пересечены». В этой публикации, вышедшей в мае 2005 г. в газете «Маарив», два виднейших журналиста в крайне жестких тонах представили моральную дилемму информационного сообщества. Однако большинство видных деятелей СМИ сочли это выступление «крайне несвоевременным» и поддержали другую «звезду» израильских массмедиа, Амнона Абрамовича, который заявил, что пресса должна «сдувать с Шарона пыль» до тех пор, пока он проводит политику ликвидации еврейских поселений. В апреле 2005 г., выступая на конференции, посвященной плану размежевания, Абрамович заявил, что Шарон — единственный, кто может его осуществить, поэтому «его надо беречь, как нежный этрог», даже если для этого потребуется закрыть глаза на некоторые вещи, и призвал прессу не публиковать порочащую Шарона информацию¹³. В итоге, по мнению З. Ханина, на пике общественной борьбы в июле-августе 2005 г. в Израиле, при том что для журналистов практически не было закрытых сфер, парадоксальным образом не оказалось независимых СМИ национального значения. В условиях «жесткой самоцензуры» газеты и электронные СМИ активно разрабатывали лишь две разрешенные темы — взаимоотношения депортируемых и выселяющих, а также критика «отдельных недостатков» в передислокации, приеме и устройстве быта переселяемых поселенцев из сектора Газа¹⁴. В. Ротенберг в своей статье «Психологический прогноз — катастрофические последствия «плана размежевания» подчеркивает, что наряду с очевидными нарушениями прав человека и очень серьезными последствиями для безопасности, экономики и даже экологии страны, намеченный правительством Шарона план размежевания окажет, в случае его реализации, огромное воздействие на психологический климат в Израиле и во всем внешнем мире¹⁵.

Влияние «размежевания» на взаимоотношения СМИ, силовых структур и гражданского общества

Ряд исследований, касавшихся освещения израильскими СМИ плана «одностороннего размежевания», демонстрировали негативное восприятие публикаций по данному вопросу широкой общественностью.

Так, в соответствии с результатами опроса общественного мнения, проведенного исследователями института Хаима Герцога при Тель-Авивском университете, 46% опрошенных считают освещение израильской прессой вопросов, связанных с размежеванием, предвзятым (речь в опросе шла о СМИ на иврите). 47,7% израильтян согласились с утверждением, что размежевание внесло сильнейший раскол в общество. Кроме того, треть израильтян согласна с утверждением, что пресса подавала тему размежевания таким образом, что это вело к росту напряженности в обществе.

Особое внимание вышеуказанному явлению было уделено авторами отчета добровольного объединения «Кешев» (Центра защиты демократии в Израиле). Шири Ирам, Михаль Харэль, Офер Влодебски, Карми Лекер и другие провели анализ публикаций трех крупнейших израильских газет — «Едиот ахронот», «Маарив» и «Ха'арец» и трех ведущих телеканалов — Первого (государственного), Второго и Десятого — за период с 1 по 24 августа 2005 г., то есть в дни, предшествовавшие депортации и совпавшие с ней. На основании изученного материала авторы приходят к выводу, что «демонтаж поселений в секторе Газа стал самым освещаемым в истории Израиля событием и предметом частично обоснованной критики со стороны правых. СМИ систематически запугивали население необоснованной угрозой гражданской войны между поселенцами и силами безопасности, умышленно воздерживаясь от публикации критики самого плана размежевания»¹⁶. В качестве примера авторами приводятся некоторые заголовки статей, публикаций и новостных сообщений — «Атмосфера войны» («Едиот ахронот», 15 августа, с. 5), «На севере Самарии нас ждет война» («Едиот ахронот», 21 августа, с. 2), «Кфар-Даром станет Масадой Гуш-Катифа — такие опасения высказывают в ЦАХАЛе и в полиции. В поселение просочились 600 человек извне, они и диктуют повестку дня, строят укрепления» (главный заголовок новостного выпуска Второго телеканала от 12 августа), «Опасения: огонь по подразделениям эвакуаторов» («Маарив», 22 августа, с. 5), — которые подчеркивают разрыв между экспрессивным публицистическим стилем и действительностью.

По сравнению с обзорами из ленты новостей аналитические статьи представляют различные точки зрения на перспективы, тактические преимущества и недостатки плана одностороннего размежевания в контексте его значения как в сфере обеспечения национальной безопасно-

сти, так и в отношении продвижения мирного процесса. Многие авторы сходятся во мнении о нецелесообразности размежевания без подписания соответствующих договоренностей с противоположной стороной. Так, Дов Конторер в статье «Это не отделение» подвергает план критике за его стратегическую незавершенность и высокую вероятность негативных последствий как для жителей депортированных поселений, так и для государства в целом. По мнению автора, «если бы премьер-министр решился принять на себя и на Государство Израиль те риски, которые связаны с полным отводом израильских войск из сектора Газа, его план заслуживал бы избранного для него названия. Однако в сегодняшнем виде план Ариэля Шарона обозначает «одностороннее отделение» лишь как возможную перспективу. В своей безусловной и, как следствие, единственно значимой части это есть план ликвидации еврейских поселений сектора Газа, Северной Самарии. Счесть его чем-то большим, увы, невозможно»¹⁷. По мнению Д. Конторера, вместе с вышеупомянутыми положениями о границах, о работе палестинцев в Израиле и о дальнейшем снабжении Газы ключевыми ресурсами это создает ситуацию, при которой израильская сторона заплатит за размежевание огромную моральную цену, создаст прецедент эвакуации своих поселений, потратит немалые средства на психологическую и социально-экономическую реабилитацию депортированных жителей Гуш-Катифа и Северной Самарии, получив за все это лишь перспективу реального отделения от Газы.

В своей книге «Потерянный мир» Деннис Росс, представитель администрации Белого дома и бывший посланник США на Ближнем Востоке, утверждал, что «Ариэль Шарон, очевидно, не представляет, насколько усилится военная активность экстремистов различного толка в процессе реализации программы «одностороннего отступления». В ходе выступления в Вашингтонском институте ближневосточной политики на презентации своей книги Росс высказал убежденность в том, что «ХАМАС и Арафат не заинтересованы в организованном, спокойном отступлении Израиля — они постараются представить дело так, что оно является результатом их сопротивления»¹⁸. Этот план приведет к заметному ослаблению роли умеренных элементов в Палестинской администрации, которым уже нечего будет противопоставить идеологии ХАМАС. Теперь экстремисты получают полное право утверждать, что именно их варварская политика терактов и убийства мирных граждан наиболее эффективна в борьбе с «израильскими захват-

чиками». Сам же Израиль абсолютно ничего не выиграет в результате ухода из Газы — ни в аспекте борьбы с террором, ни с точки зрения повышения своего престижа на международной арене»¹⁹.

Публикации, последовавшие за претворением плана одностороннего размежевания в жизнь, как и более ранние аналитические статьи, неоднозначны в своих оценках. Так, по мнению Алека Д. Эпштейна и Григория Меламедова, данная программа действий, как и было предсказано заранее, привела лишь к «дальнейшей эскалации палестинского террора после израильского ухода из Газы». Прецедент разрушения израильских поселений и эвакуации их жителей без заключения какого-либо мирного соглашения, созданный правительством А. Шарона — Ш. Переса, нельзя оправдать никакими политико-стратегическими соображениями. Тяжелейшая психологическая травма, обернувшаяся, кроме всего прочего, многомиллиардными затратами (ведущая израильская газета «Гаарец» оценила стоимость реализации плана размежевания в 7 млрд 750 млн шекелей, то есть в 1,7 млрд долларов), не привела и не приведет к миру с какой-либо арабской страной²⁰. Огромное количество аналитических статей было посвящено не только стратегическим последствиям размежевания для Государства Израиль и общей картине международных отношений, но и расколу в обществе, сложившемуся еще в тот момент, когда план находился на обсуждении. Несмотря на четко обозначенную задачу — срыв ненасильственными методами политической борьбы правительственной программы «эвакуации» из сектора Газа и Северной Самарии, у израильских «оранжевых» не было далеко идущих задач. Цели свержения правительства А. Шарона, изменения политической системы страны, досрочных выборов не ставились. Во многом это было вызвано высоким рейтингом популярности главы израильского правительства. «Оранжевые» не хотели и не могли выступить с резкими персональными заявлениями, учитывая именно эту парадоксальную ситуацию. Несмотря на то что примерно половина израильтян так или иначе была против «эвакуации», это мало отражалось на отказе от симпатии к А. Шарону. В итоге это и привело к успеху «эвакуации», когда армия и полиция подчинились приказу популярного политика. Другие популярные политические лидеры, такие как министр финансов Б. Нетаньяху или бывший мэр «единого и неделимого», по его же словам, Иерусалима Э. Ольмерт, однозначно поддержали А. Шарона. Демонстративная отставка Б. Нетаньяху, состоявшаяся за несколько дней до начала «эва-

куации», не сыграла и не должна была сыграть серьезную роль. Ее следовало скорее расценивать как формальный шаг, вряд ли нацеленный на срыв «размежевания». Б. Нетаньяху хотел дистанцироваться от непопулярного и тяжелого, как следовало ожидать, воплощения идеи «размежевания». «Оранжевое» движение было лишено общеизраильских лидеров, бывших частью элиты, составной истеблишмента. Моше Фейглин стал одним из наиболее последовательных противников «эвакуации», однако его трудно отнести к реальным лидерам израильской политики.

По различным причинам политические и общественные лидеры, выступавшие против правительственной программы «эвакуации», становились маргиналами или в лучшем случае представителями сектора поселенцев и религиозных сионистов. Секторальное движение, лишённое общенациональных лидеров, было обречено на поражение²¹. Внутриполитический кризис и раскол среди израильских политических сил нашел свое отражение и в статье Зеэва Ханина, аргументирующего таким образом невозможность формирования оппозиции вне коалиционных партий. Противоречия между входившими в нее партиями превышали разногласия каждой из них в отдельности с правящим Ликудом, что мешало этим партиям выступить против правительства единым фронтом. А. Шарону удалось расколоть и/или изолировать оппозиционные партии правее «Ликуда» — вытесненные им из коалиции «Наш дом — Израиль» А. Либермана и блок «Национальное единство»; обе вышедшие из правительства в связи с объявленной программой размежевания фракции распавшейся Национально-религиозной партии (НРП), а также не входившую в коалицию ультраортодоксально-социальную (ШАС). Эти партии, оттесненные от реальных рычагов власти, в условиях жесткого политического прессинга партии власти не сумели объединиться и составить консолидированную правую оппозицию ни во время эвакуации поселенцев, ни после. В то же время реальная оппозиция А. Шарону находилась в его собственной правящей партии «Ликуд», а также внутри его главного партнера партии «Авода» (в оппозиции к ее официальному руководству). В итоге традиционный для Израиля механизм перевода общественного недовольства с помощью оппозиции в русло позитивных парламентских действий дал сильные сбои, и гражданское общество непосредственно противостояло власти²².

**Ретроспективный взгляд:
итоги «плана размежевания» и судьба поселенцев**

По прошествии пяти лет с тех пор, как был реализован план одностороннего размежевания, общественная полемика по поводу произошедшего не утихает своей остроты. Ведущие политики и обозреватели дают различные оценки как самой идее, так и методам, посредством которых удалось воплотить в жизнь основные составляющие плана. В центре рассмотрения находится в первую очередь динамика изменений в политической жизни страны и ее отношениях с арабским сектором и мировым сообществом, а также судьба и уровень жизни граждан Израиля, ранее проживавших в ликвидированных поселениях.

После ухода израильской армии и эвакуации еврейских поселений из сектора Газа в августе 2005 г. интенсивность ракетных обстрелов резко возросла. За первые 28 месяцев, прошедших после «размежевания», на территорию Израиля упали почти 2 тыс. «кассамов», в то время как за 56 месяцев Интифады аль-Акса, предшествовавших эвакуации, — менее 500 ракет. Показатели за 2006 г. составляют 580 обстрелов, около 1020 ракет — 2 убитых, 36 раненых; 2007 г. — 437 обстрелов, около 760 ракет — 2 убитых, 125 раненых; 2008 г. — 560 обстрелов, около 1490 ракет — 7 убитых, 162 раненых. Эти обстрелы стали поводом для проведения Израилем с 28 декабря 2008 г. по 20 января 2009 г. беспрецедентно масштабной военной операции «Литой свинец». Следует также отметить, что в 2001–2005 гг. лишь каждая третья палестинская ракета, выпущенная в сторону Израиля, перелетала через забор, после размежевания же лишь каждая третья не долетает. Кроме усовершенствования самих ракет это обусловлено отсутствием еврейских поселений, препятствовавших возможности подбираться для запуска ближе к границе сектора. Спецслужбы отмечают, что к концу 2005 г. в ракетных обстрелах израильской территории из сектора Газа принимали участие практически все палестинские террористические группировки: «Бригады аль-Кудса» (Исламский джихад), «Бригады Изз ад-Дин аль-Кассам» (ХАМАС), боевики «Комитетов народного сопротивления», «Бригады Абу Риша» и «Бригады мучеников аль-Аксы» (ФАТХ)²³. Первоначально радиус действия «кассамов» не превышал 6 км, однако со временем их дальность была значительно увеличена. В 2006 г. лидеры палестинских боевиков (а еще ранее — противники «размежевания» среди израильских правых) заявили о том, что вскоре дальность палестинских ракет будет увеличена до 25 км и под ударом

окажется город Ашкелон — прогноз, полностью подтвердившийся летом 2009 г. Предпринимались также и попытки палестинцев осуществить ракетные обстрелы израильских объектов в Иудее и Самарии. Итак, к 2009 г. зона досягаемости ракет значительно расширилась, и на данный момент она охватывает около 1 млн израильтян (302 обстрела, около 570 ракет, 42 раненых).

Пристального внимания с юридической и социальной точек зрения заслуживает положение, в котором оказались бывшие жители еврейских поселений Газы. В контексте непрекращающейся полемики о целесообразности дополнительной эвакуации существующих поселений и «замораживании» строительства новых уроки, которые должен извлечь Израиль из итогов плана размежевания, представляются особенно важными, в первую очередь — в отношении интеграции поселенцев в обществе в изменившихся условиях.

Большинство вынужденных переселенцев из Газы до сих пор живут в караванных поселках с временными строениями, несмотря на обещания представителей власти как можно скорее обеспечить их постоянным жильем и завершить процесс «размежевания». Примером подобного поселка является Ницан, где проживает примерно треть изгнанников, около 600 семей. Журналист Алуф Бен в обзоре, опубликованном в газете «Ха'арец», приводит следующие цифры: 1940 семей, около 9000 человек были изгнаны в августе 2005 г. из 25 поселений в секторе Газа и северной части Самарии. По утверждениям автора, поселенцам были предложены «щедрый компенсационный пакет на общую сумму около 2 млн долларов. Одна пятая часть эвакуированных лиц получила деньги и переселилась по своему собственному усмотрению в разные районы страны, а 80% предпочли сохранить существующие сообщества и поселиться вместе, что и стало главным камнем преткновения, не предусмотренным ответственными за реализацию плана»²⁴.

Израильская пресса отмечает, что караванный поселок Ницана был и остается живым свидетельством провала действий правительства по обустройству изгнанников из Гуш-Катифа. Комиссия во главе с отставным судьей Йехошуа Маца постановила, что «может создаться нежелательная ситуация увековечения временного существования в Ницане»²⁵, и рекомендовала изучить возможность сноса временного поселка до конца 2010 года. Комиссия пришла к выводу, что государственная программа временных поселков для изгнанников из сектора Газа

и Северной Самарии потерпела полный крах: «Временные поселки были построены без надлежащего юридического сопровождения, а их возведение и содержание обошлось в сотни миллионов шекелей. Комиссия считает, что юридический провал возник с самого начала, так как закон о размежевании не учитывал создания временных поселков для проживания»²⁶.

На создание караванных поселков было отведено всего пять месяцев, но принятие законодательной базы откладывалось, что отразилось как на качестве строительства, так и на стоимости. Кроме того, условия договоров изгнанников с государством составлялись поспешно и не учитывали всех возможных нюансов. В 2006 г. жители поселка Ницана подали 3470 жалоб на всевозможные недостатки, а в 2007 г. поступило 2700 жалоб. Серьезные нарекания вызывают состояние временных построек, водопровода и канализации, отсутствие необходимой теплоизоляции, работа кондиционеров, уровень пожарной безопасности. По мнению комиссии, заявление правительства Шарона о том, что временные караванные поселки будут ликвидированы в течение двух лет и все изгнанники переедут в постоянные дома, с самого начала было нереальным. Таким образом, семьям, живущим в съемных караванах, нужно было каждый раз продлевать договоры на съем, договоры с поселками, на территории которых были построены «лагеря беженцев», и даже переселяться в другие временные поселки.

Разделение изгнанников на две категории — тем, кому была положена компенсация, и тем, кому было положено только временное жилье, — «нанесло неоправданную травму и препятствовало процессу реабилитации после выселения». Дополнительным итогом сложной ситуации в Ницане стало возведение незаконных временных жилых объектов, количество которых достигает 150. Комиссия также подчеркнула неудовлетворительное морально-психическое состояние населения, обусловленное низким уровнем доходов и резким снижением мотивации. Половина семей, проживающих во временном поселке Ницан для изгнанников из Гуш-Катифа, живет на пособия регионального совета «Хоф Ашкелон».

По данным руководителя отдела социальной службы Маозии Сегала, 250 из проживающих в Ницане семей находятся под ее постоянным патронажем, в 89 семьях без работы оказались оба родителя, и у 100 детей были выявлены проблемы с усвоением учебного материала вследствие психологической травмы, причем только 80 семей состояли на учете

в то время, когда они жили в Гуш-Катифе. По мнению М. Сегала, проблемами с усвоением учебного материала из-за посттравматического синдрома страдают не 100 детей, а гораздо больше, просто многие родители отказываются посылать своих детей на психодиагностическую проверку²⁷. В то же время, посетив поселок Ницана 25 октября 2009 г., лидер парламентской оппозиции Ципи Ливни позитивно высказалась об итогах размежевания, невзирая на «временные трудности», которые переживают бывшие жители Гуш-Катифа²⁸.

За две с половиной недели до третьей годовщины ликвидации еврейских поселений Гуш-Катифа Кнессет утвердил в третьем чтении закон депутата от блока «Национальное единство» Ури Ариэля о создании музея и мемориального центра, посвященного истории еврейских поселений в секторе Газа²⁹.

Лобби в защиту Эрец-Исраэль также добилось одобрения Кнессетом законопроекта о возмещении ущерба, нанесенного «размежеванием», изгнанникам из Гуш-Катифа: дополнительные компенсации получат те из них, кто имел до размежевания рентабельный малый бизнес. Депутаты Зеэв Элькин («Ликуд») и Арье Эльдад («Национальное единство») выступили инициаторами законопроекта, который успешно прошел все этапы парламентского обсуждения и 3 августа 2011 г. был утвержден Кнессетом в окончательном, третьем чтении³⁰. На основании этого закона бывшее Управление СЭЛА, переименованное его новым директором, Бенци Либерманом, в Управление «Тнуфа» («Импульс»), получило дополнительные средства для выплаты компенсаций на основании анализа ущерба, нанесенного предприятиям Гуш-Катифа, проведенного Управлением по данным, ранее не учтенным разработчиками «размежевания»³¹.

Неоднозначные итоги «плана размежевания», в первую очередь в политическом и стратегическом отношении, стали основанием для различных инициатив, направленных на завершение процесса размежевания. Так, глава МИД Израиля Авигдор Либерман подтвердил существование плана «окончательного размежевания» с сектором Газа. При этом он признал, что его предложения не утверждены правительством и не могут считаться государственной политикой³². Поясняя свою позицию в интервью радиостанции «Коль Исраэль», Либерман заявил, что необходимо довести до логического завершения идею Ариэля Шарона о «размежевании» с палестинцами. Вице-премьер, лидер партии «Наш дом — Израиль» выразил уверенность в том, что именно

блокада Газы — наиболее эффективный способ прекратить ракетные обстрелы³³. В соответствии с планом Либермана граница сектора Газа будет блокирована, а КПП закрыты, чтобы между сектором Газа и Израилем больше не было никакого сообщения³⁴. С другой стороны, египетский КПП в Рафияхе и морская акватория сектора Газа позволят организовать его снабжение всем необходимым после проверки грузов в портах Греции и Кипра иностранными военными силами, включая французский Иностраннный легион и подразделения командос, во избежание контрабанды оружия. А. Либерман также предложил, чтобы Евросоюз взял на себя финансирование трех больших проектов: строительство в Газе электростанции, опреснительной установки и завода по очистке сточных вод. В Израиле план А. Либермана уже назвали «вторым размежеванием»³⁵.

Заключение

План одностороннего размежевания и вывода израильских военных сил и поселений из сектора Газа и Северной Самарии представляет собой пример политического события высокой значимости, вызвавшего бурную социальную полемику на грани раскола в израильском обществе. Активное освещение плана в СМИ, в том числе русскоязычных, продемонстрировало готовность израильской прессы к применению на практике нового подхода — максимальной открытости, который был не слишком успешно реализован в последующих политических и военных акциях.

Различные исследователи, оценивая роль СМИ в формировании общественных настроений в данный период, подвергают публикации и репортажи критике, в частности, за смещение акцентов со значительных стратегических факторов на социальные и психологические проблемы, чрезмерную даже для публицистического стиля экспрессивность в освещении событий, приверженность одностороннему подходу. Основное внимание оказалось сконцентрировано на интересах и убеждениях определенного круга лиц, представляющих только одну систему взглядов, присутствующую в израильской политике, что демонстрирует ангажированность СМИ и свидетельствует об очевидной необъективности освещения плана размежевания и его последствий. Недостатки, в полной мере проявившиеся в обсуждении содержания и подробностей реализации плана, затронули многие грани жизни израиль-

ского общества. Недостаточная проработанность плана, неоправданно ускоренные темпы осуществления предлагаемых в его рамках действий, односторонний анализ ситуации прямым образом повлияли на положение Израиля, его политические интересы, сферу национальной безопасности, а также социальное положение многочисленной категории его граждан. Ряд проблем, возникших в этот период, продолжает сохранять свою высокую актуальность и по сей день. Уйдя из сектора Газа, Израиль своими руками создал все условия для его превращения в плацдарм ХАМАС; это можно характеризовать как угодно, но только не как путь к миру.

Примечания

¹ Барац А. Гуш-Катиф как символ и модель Израиля // Седьмой канал. 24 декабря 2003.

² Карасова Т.А. Политическая история Израиля: Блок Ликуд: прошлое и настоящее. М., 2009. С. 441.

³ Эпштейн А.Д. Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться. М.; Иерусалим, 2008. С. 247.

⁴ Асмолов Г.А. План — это не пара носков, которые меняют каждый день // Коммерсантъ. 11.05.2004.

⁵ Выступление главы правительства Израиля Ариэля Шарона на конференции в Герцлии, 18.12.2003, см. <http://www.pmo.gov.il/PMO/Archive/Speeches/2003/12/Speeches8996.htm>.

⁶ Эпштейн А.Д. Инициативы Израиля на «палестинском направлении» в период правления Ариэля Шарона // Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии / Под ред. А.Д. Эпштейна. М., 2004. С. 219–240.

⁷ Вольфсон Г. Партия Шарона сказала «надо!» // Независимая газета. 05.03.2005.

⁸ Ханин З. Биби как зеркало оранжевой революции // Независимая газета. 31.08.2005.

⁹ Друкер Р., Шелах О. Если б не угроза обвинения со стороны Эдны Арбель, то плана «размежевания» бы не было // Хроники Иерусалима. 16.06.2005.

¹⁰ Зыкова О.А. Израиль: реализация плана размежевания // Сайт Института Ближнего Востока. 8.09.2005.

¹¹ Энтова А. ХАБАД — против отступления // Новости недели. 03.03.2005.

¹² Вайман Н. Разрушить самим или дать врагу // Вести. 15.09.2005.

¹³ Радио «Голос Израиля — Решет Бет». 26.04.2005.

¹⁴ Ханин З. Общественно-политическая структура Израиля в свете плана размежевания // Ежедневный журнал. 12.09.2005.

¹⁵ *Ротенберг В.* Психологический прогноз — катастрофические последствия плана размежевания // Хроники Иерусалима. 29.06.2005.

¹⁶ *Кравчик Е.* Свобода слова СМИ: драма по заказу. — <http://reporter-jane.livejournal.com/1660.html>. 22.12.2006.

¹⁷ *Контонер Д.* Это не отделение // Вести. 22.04.2004.

¹⁸ Деннис Росс предсказывает фиаско в Газе // Седьмой канал. 12.09.2004. См. *Ross D.* The Missing Peace. The Inside Story of the Fight for Middle East Peace. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2004.

¹⁹ Цит. по: *Риман А.* Любите книгу — источник знаний, или Хронология предсказанной войны // Новости недели. 14.09.2004.

²⁰ *Эпштейн А.Д., Меламедов Г.* Шаг на пути к миру? Израиль и арабский мир до и после реализации «плана размежевания» // Вести — общественно-политическое приложение. 15.09.2005. С. 18–19; 22.09.2005. С. 20–21.

²¹ *Корогодский Ю.* Сопrotивление размежеванию: взгляд из диаспоры — www.midrasha.net. 11.06.2006.

²² *Ханин З.* Чей план выполняет Шарон? // Независимая газета. 12.09.2005.

²³ Кассамы в декабре: рекордные показатели террора. — <http://txt.newsru.co.il/arch/mideast/01jan2006/qassam.html>, 1 января 2006 г.

²⁴ Цит. по: «Депортировать евреев сложно, но не невозможно» // Новостной портал Zman.com. 13.12.2009

²⁵ Изгнанники превратились в заложников // Седьмой канал. 15.06.2010. См.: Отчет Государственной комиссии по расследованию действий уполномоченных органов власти в отношении эвакуированных из сектора Газа и Северной Самарии во главе с зам. председателя Верховного суда Израиля в отставке И. Маца. Иерусалим, 06.06.2010 [на иврите].

²⁶ Там же.

²⁷ Половина изгнанников из Газы живет на пособие // Седьмой канал. 22.07.2009.

²⁸ *Ливни Ц.* Размежевание было правильным шагом! // Седьмой канал. 25.10.2009.

²⁹ *Люкимсон П.* Гуш-Катиф: три года спустя // Новости недели. 07.08.2008.

³⁰ *Нахмиас О.* 6 лет спустя: окончательно утвержден закон, определяющий параметры компенсаций выселенцам Гуш-Катифа // Нана. 04.08.2011. <http://news.nana10.co.il/Article/?ArticleID=819805> [на иврите].

³¹ Еще один закон о компенсации принят в предварительном чтении // Седьмой канал. 23.06.2010.

³² Израиль подтвердил существование плана «окончательного размежевания» с Газой // Известия. 16.07.2010.

³³ Программа Либермана: изолировать Газу. — http://newsru.co.il/mideast/31may2007/li_gaza_106.html, 31 мая 2007 г.

³⁴ Отключить Газу от Иудеи и Самарии. Полный текст программы Либермана. — http://newsru.co.il/mideast/31may2007/lib_text_113.html, 31 мая 2007 г.

³⁵ *Гордин А.* Второе размежевание. — <http://www.russian.rfi.fr/v-mire/20100718-vtoroe-razmezhevanie>. 18.07.2010.

Евгений Сатановский
(Москва)

ИЗРАИЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ПАЛЕСТИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Согласно заявлению американского президента Барака Обамы, палестинское государство должно возникнуть в 2011 г. На начало 2011 г. это несуществующее государство в границах 1967 г. признали Кипр, Бразилия, Аргентина, Боливия, Гайана, Чили, Уругвай, Перу, Парагвай и Эквадор. В Ирландии и Норвегии статус палестинских представительств повышен до ранга посольства. В январе флаг Палестины был поднят в Вашингтоне над дипломатическим представительством Палестинской национальной администрации (ПНА), а российский президент Дмитрий Медведев встретился с раисом Махмудом Аббасом (Абу-Мазен) в Иерихоне.

В то же время на экономическом саммите Лиги арабских государств (ЛАГ) в Шарм-эш-Шейхе представителям ПНА было отказано в выделении средств (в основном на Восточный Иерусалим). Решение по этому вопросу отложено до экономической конференции, которая пройдет в Эр-Рияде в 2013 г. До 2010 г. арабские государства ежегодно предоставляли ПНА финансовую помощь примерно в размере 530 млн долларов, а в прошлом году большая часть полученных Рамаллой 583 млн долларов поступила от США и ЕС. Арабские государства предоставили лишь 22% этой суммы.

Опрос арабских жителей Восточного Иерусалима показал, что лишь около четверти из них готовы жить там в качестве граждан Палестины, если она возникнет, а почти 40% уедут из Иерусалима ради сохранения израильского паспорта. Реализация муниципальных планов застройки Восточного Иерусалима при этом не оставляет никаких возможностей для реализации щедрых предложений Барака, Ольмерта

и Ливни по разделу Иерусалима, высказанных их палестинским партнерам и отвергнутых ими. Причины прагматичной позиции арабских жителей Восточного Иерусалима легко объяснимы. Сложнее понять, что двигало лидерами Израиля в условиях, если никакие уступки не воспринимались их партнерами в качестве приемлемого компромисса, а планы раздела Иерусалима и примирения на основании формулы «два государства для двух народов» последовательно отвергались палестинцами.

Примером этого служат итоги недавнего опроса, проведенного среди жителей ПНА и сектора Газа, показавшие, что арабская молодежь в большинстве отвергает любое решение «палестинской проблемы». Если 52,5% респондентов заявили, что готовы принять создание независимого палестинского государства в границах 1967 г. «как окончательное решение палестинской проблемы», а 43,6% отвергли эту идею, то 62,9% арабской молодежи выступило против создания палестинского государства в границах 1967 г. в качестве окончательного решения «палестинской проблемы», и лишь 32,9% готовы принять это. 78% арабской молодежи отклонило превращение Иерусалима в столицу двух государств, и лишь 19,4% поддержали эту идею. Не слишком прочная основа для сотрудничества.

Палестинское единство по-прежнему остается несбыточной мечтой ко-спонсоров «мирного процесса», причем лидеры ХАМАС имеют все преимущества перед Абу-Мазеном, в том числе возрастные: они могут ждать сколько угодно, он — нет. События в Египте убедительно доказывают: арабский мир вскоре займется собственными проблемами, забыв о палестинцах. В этой ситуации давление на ХАМАС со стороны Каира и Эр-Рияда будет стремительно падать, а поддержка со стороны Анкары и Тегерана приобретет особую ценность. При этом только за прошедший 2010 г. силы безопасности ХАМАС арестовали в секторе Газа 3120 членов ФАТХ и его сторонников, в том числе — семь членов Революционного совета ФАТХ. Более 700 арестованных принадлежали к силам безопасности ПНА в Газе. Еще 120 членов ФАТХ принадлежали к вооруженному крылу движения «Бригады мучеников аль-Аксы». Власти ХАМАС закрыли офис депутата от ФАТХ А. Джумаа, а также 23 учреждения, ассоциированных с ФАТХ, в том числе спортклубы и общественные организации. За тот же период 213 членов ФАТХ были осуждены, в том числе пожизненно, или были приговорены к смертной казни.

Ответные меры ФАТХ в отношении активистов и боевиков ХАМАС были не менее жесткими, хотя без поддержки израильских сил безопасности ПНА уже попала бы под контроль ХАМАС. Однако противостояние ФАТХ и ХАМАС — лишь верхушка айсберга. Основные конфликты в ПНА идут в правящей верхушке самого ФАТХ. Главному палестинскому переговорщику Ахмеду Курей (Абу-Ала) запрещено покидать пределы ПНА, так как против него возбуждено уголовное дело о получении взяток на сумму около 700 млн долларов. Бывший глава силовиков ФАТХ в Газе Мухаммед Дахлан после неудачной попытки захвата верховной власти в ПНА лишен членства в ФАТХ и изгнан в Иорданию. Конфликт премьер-министра ПНА Салама Файяда с президентом ПНА Махмудом Аббасом достиг такого уровня, что он не был приглашен на встречу с российским президентом. В настоящий момент руководство ПНА как единое целое не существует, хотя это вряд ли остановит администрацию США в ее стремлении признать Палестину государством в назначенный ею срок. Пример Египта доказал готовность Хиллари Клинтон и Барака Обамы ставить на любую известную им фигуру в качестве арабского лидера вне зависимости от того, насколько этот человек приемлем для населения, умеет руководить и способен контролировать ситуацию.

Попытка С. Файяда законодательно запретить работу палестинцев в еврейских поселениях провалилась. Власти ПНА вынуждены были уступить реальности: из каждых 100 палестинских рабочих 11 работают в Израиле и поселениях, причем эта цифра растет в основном за счет активизации строительства в Иудее и Самарии по окончании десятимесячного моратория на расширение поселений. Введенный им же насильственный бойкот продукции, произведенной в поселениях, осуществляется только на территории, контролируемой полицией ПНА, вызывает недовольство населения и бьет в основном по палестинцам, которые составляют значительную долю тех, кто производит эту продукцию в промзонах и агрокомплексах поселений.

ВВП ПНА увеличился на 9% в течение первых трех кварталов 2010 г. по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. Показатели Газы еще более внушительны — 16%. Тем не менее уровень безработицы в Газе превышает 35% (на Западном берегу — 24%), а доход на душу населения составляет только 60% от уровня 1994 г., на момент подписания Соглашений Осло. Рост строительства составил 36%, улучшились показатели развития сельского хозяйства и рыболовства, оптовой

и розничной торговли, транспорта, услуг связи и госуправления. Дефицит бюджета ПНА, покрываемый за счет иностранных пожертвований, был сокращен с 1,8 млрд долларов в 2008 г. до 1,2 млрд долларов в 2010 г. Картина была бы еще более оптимистичной, если бы не одновременная отставка директоров отделения ООН по делам палестинских беженцев в секторе Газа — Дж. Гинга и на Западном берегу — Б. Шенстон. БАПОР остался без директоров — и это, в условиях местной клептократии, наводит на серьезные подозрения.

Как представляется, руководство ПНА осуществляет последние усилия по привлечению к себе внимания мирового сообщества и освоению траншей спонсоров, перед тем как окончательно уйти в историю, — именно это заставляет арабские страны минимизировать свое участие в политически мертворожденном проекте. Революционные движения и мятежи вслед за Тунисом и Египтом могут охватить значительную, если не большую часть арабского мира, авторитарные республики и консервативные монархии которого управляются геронтократией. В этих условиях палестинская проблема теряет актуальность, тем более что требования палестинской стороны изначально не нацелены на достижение компромиссов с Израилем. Парад признания палестинской государственности скорее всего означает, что руководство ПНА готовится громко хлопнуть дверью, уходя со сцены, и провоцирует Израиль на силовое решение, как десять лет назад пыталось спровоцировать его на жесткое силовое подавление «интифады аль-Акса», которое могло бы заставить мировое сообщество вмешаться по югославскому сценарию. Не стоит забывать, что у власти в ПНА находятся те самые люди, которые планировали и организовывали интифаду.

Наиболее выигрышное предложение, которое палестинцы сегодня могут получить от Израиля, — это предложенные Авигдором Либерманом 50% Иудеи и Самарии и временные границы. Как представляется, палестинская сторона и в этот раз «не упустит шанс упустить шанс». Альтернативами является эволюция ПНА по системе кантонов с интеграцией арабских населенных пунктов и еврейских поселений в единую экономическую систему, или аннексия. Причем не только Иорданской долины и поселенческих блоков, но и всей остальной Иудеи и Самарии (идея Моше Аренса). При соответствующей работе с палестинским населением оно делится на ряд групп, многие из которых готовы быть лояльными к еврейскому государству. Разумеется, такое развитие событий требует выдержки в период неизбежного осу-

ждения со стороны арабского мира, Турции, Ирана, а также ООН и других коспонсоров «мирного процесса», но игра стоит свеч.

В конечном счете единственный шанс достичь подлинного мира с палестинцами — заниматься реальными людьми, а не виртуальным государством. Единственная серьезная проблема в этом для Израиля — действующая администрация США. Но, в конце концов, выборы в Америке всего через два года — хотя если Обама останется на своем посту, Израиль еще четыре года будет вынужден противостоять давлению американского президента. Впрочем, положение властей ПНА еще хуже. До последнего времени они могли бы в случае провала реализуемого ими проекта хотя бы взять «обратный билет в Тунис». Сегодня брать этот билет просто некуда.

IV

Ирина Баумина
(Москва)

«РУССКИЙ» КОМПОНЕНТ В ПАРТИИ «ЛИКУД»

Политическая система Израиля имеет ряд специфических особенностей, среди которых следует выделить разделение электората на субэтнические группы в зависимости от страны происхождения. Кроме арабских избирателей по электоральному поведению выделяют выходцев из Европы и Америки (преимущественно ашкеназийского происхождения), из восточных стран (марокканских, йеменских, иракских евреев), также можно выделить «русский» электорат. Они голосуют за общенациональные списки или за так называемые секторальные партии, которые представляют интересы той или иной социальной или субэтнической группы, однако в своих действиях каждая группа руководствуется своими принципами. Каждая партия, в свою очередь, стремится заручиться поддержкой большинства населения.

Особая роль выходцев из России в становлении и развитии сионистских партий в Израиле не вызывает сомнений. На этапе строительства будущего государства евреи Российской империи составили костяк сначала поселенческого и киббуцного движений, а затем и политического руководства страны. Однако следует сразу оговориться, что под «русским» компонентом в данном случае речь пойдет о выходцах из Советского Союза и стран СНГ и Балтии последних двух волн репатриации в Израиль, соответственно 1970-х и 1990-х гг., общая численность которых насчитывает более миллиона человек.

Рассматривая влияние этих двух волн репатриации на политическую жизнь Израиля, можно выделить три этапа развития «русского»

компонента в израильской политической системе в целом и в «Ликуде» в частности: адаптация, выделение собственных политических единиц и своеобразная «политическая ассимиляция».

Первый этап охватывает период с 1970-х гг. до середины 1990-х гг. На этом этапе «русские» включаются в политическую жизнь израильского общества путем голосования за существующие политические партии. Причем репатрианты 1970–1980-х гг. более активно включаются в общеизраильский политический процесс, отдавая свои голоса за существующие общенациональные партии. С приездом же большой русской алии ситуация несколько меняется. Политически активная масса новых граждан становится желанным электоратом существующих партий. Осознавая нарастающую электоральную силу «русского» компонента, израильские партии начинают формировать собственную политику во взаимодействии с этим субэтническим сегментом путем создания «русских» штабов, форумов, формирования особой политики на так называемой «русской улице». В свою очередь, новые граждане также начинают активную политическую деятельность и создают политические движения (типа «Алия за Эрец Исраэль»), цель которых — выражение интересов именно русскоязычной общины.

Среди членов партии «Ликуд» было немало выходцев из бывшего СССР. К середине 1990-х гг. среди 170 тыс. членов партии было около 27 тыс. новых репатриантов, в том числе 20 тыс. тех, что прибыли в Израиль после 1990 г. В своей монографии «Русские» и власть в современном Израиле израильский политолог Зеэв Ханин выделяет среди них две подгруппы: активисты волны из СССР 70-х гг. XX в. и выходцы из бывшего Союза начала 1990-х¹. Доктор Ханин также отмечает, что к выборам 1996 г. большая часть активистов объединения «Алия — за Эрец Исраэль» вступила в «Ликуд». Важно в данном случае то, что подобное массовое вступление в партию было продиктовано необходимостью поддержать русских активистов в их стремлении в Кнессет².

На втором этапе (после выборов 1996 г.) происходит активизация собственно русских политических единиц как внутри национальных партий (в том числе в «Ликуде» и «Аводе»), так и создание секторальных партий «с русским акцентом» (таких как «Исраэль ба Алия», «Наш дом Израиль», «Демократический выбор»). В этот период на административных должностях «Ликуда» оказываются многие «русские», такие как Зеэв Гейзель, Авигодор Либерман, Юрий Штерн, Эф-

раим Холмянский, Яков Кац и др. Наиболее яркие политики «русской улицы» занимают ведущие позиции.

Русскоязычные граждане, обладающие невысоким достатком, столкнувшиеся с трудностями абсорбции и непривычного им «религиозного статус-кво»³ в стране, активно вовлекаются в выходящие на первый план внутривнутриполитические конфликты, в частности в антиклерикальную войну второй половины 1990-х гг.

Внутренняя политика «Ликуда» в этот период, однако, не выражается в стремлении к институализации «русских» внутри партии. Напротив, образующиеся в конце 1990-х гг. «русские» секторальные партии воспринимаются руководством «Ликуда» как естественные союзники, а значит, нет необходимости создавать внутривнутрипартийные институты. Так, в самом начале избирательной кампании 1999 г. в ответ на замечание о том, что «Ликуд» проигрывает «русскую улицу», лидер партии Биньямин Нетаньяху заявил: «Я не хочу никакой деятельности среди „русских“». Щаранский и Либерман [главы репатриантских партий] принесут мне «русские» голоса, и не так важно, сколько из них получит собственно «Ликуд»⁴. В отличие, например от партии «Авода», где репатриантская политика была развита еще с начала 1990-х гг., собственный «репатриантский» штаб «Ликуда» в 2001 г. существовал только на бумаге, а соответствующие денежные средства были «Ликудом» переданы партиям «Израэль ба Алия» и «Наш дом Израиль»⁵.

Особенно ярко «русские» члены партии «Ликуд» проявили себя в 2004–2005 гг. во время драматического противостояния Плану одностороннего отмежевания. Во многом усилиями фракции «Еврейское руководство» и других русскоязычных членов партии, план Шарона провалился на внутривнутрипартийном голосовании в мае 2004 г.⁶

Таким образом, вторая половина 1990-х — начало 2000-х гг. были наиболее благоприятны для выдвижения на первые позиции ярких русских политиков. Тенденция же к созданию секторальных партий позволила последним сформировать собственную политическую линию, важной частью которой являлось решение собственно репатриантских проблем. Однако появление ярких русскоязычных политиков не ведет к тому, чтобы крупные партии типа партии «Ликуд», выдвигали их на первые позиции. Так, в Кнессете 13-го, 14-го, 15-го созывов (соответственно 1992, 1996, 1999 гг.) вовсе не было русскоязычных репатриантов, а в Кнессет 16-го созыва от партии «Ликуд» прошел лишь один русскоязычный депутат (из 38), получивший свой мандат благодаря заброниро-

ванному для новых репатриантов месту в партийном списке. Для сравнения, даже в сефардской партии ШАС 9–12% проходных мест в списке получали «русские» репатрианты, а в нынешней фракции ШАС — 18% «русских», что соответствует двум мандатам⁷.

Третий этап — частичная политическая ассимиляция. Не следует, однако, понимать под политической ассимиляцией то, что «русские» партии окончательно прекратили свое существование в пользу национальных партий и русскоязычный электорат полностью вошел в общеизраильские «рамки голосования». Со временем «русские» политические акторы перестали концентрироваться лишь на решение проблем репатриантов. Кроме проблем абсорбции перед ними все чаще встают общеизраильские проблемы. Отчасти с этим можно связать прекращение существования ряда репатриантских партий («Израэль ба-Алия» и «Демвыбора») и расширение электоральной поддержки изначально «русской» партии «Наш дом Израиль» (НДИ). Одновременно лишь половина фракции НДИ — русскоязычные депутаты. Партия активно позиционирует себя как «русская партия с израильским акцентом».

В составе сегодняшней парламентской фракции «Ликуд» два представителя русскоязычных репатриантов. Оба они занимают значительные посты: Юлий Эдельштейн получил пост министра Диаспоры и информации, а Зеэв Элькин возглавляет коалицию в Кнессете. Однако именно здесь и обнаруживается, что полной политической ассимиляции для «русского» электората не произошло.

Фактически «русский» компонент разделен на тех, кого приняли в «систему», так сказать ассимилировали, и тех, кто оказался вне политического имиджа «Ликуда». Не секрет, что одним из важнейших способов агитации в современном мире является Интернет. Для того чтобы задействовать русский электорат, была создана русскоязычная версия сайта партии «Ликуд» likud.ru. Она содержала как официальную информацию по наиболее острым для русского электората вопросам, так и ссылки на блоги и интернет-порталы русских ликудников. Однако в октябре 2007 г. сайт был закрыт, а в израильской прессе появились статьи, авторы которых утверждали, что русскоязычный сайт в отличие от ивритоязычной версии содержал материалы экстремистского характера. Вскоре сайт вернулся «причесанный и «прилизанный», а главное не содержащий ссылки на сайты «неблагонадежных» членов партии (Аси Энтовой, Александра Непомнящего, Давида Рабкина, аналитическую группу «МАОФ», газету «Хроники Иерусалима»,

сообщество в Живом Журнале «Ликудник»). Сегодня этот сайт не существует.

Вместо него в октябре 2008 г. была разработана новая версия — русскоязычная страница официального сайта партии <http://www.netanyahu.org.il/> — <http://ru.netanyahu.org.il/>, в дополнение к которому в октябре 2010 г. появился likudru.com — практически полное «зеркало» официального сайта.

Коалиция с НДИ, которая в последнее время более удачлива на «русской улице», чем «Ликуд», в определенной степени выгодна для последнего. Ведь партия Либермана привлекает наиболее радикально настроенных русскоязычных (и не только русскоязычных) избирателей, таким образом, снимая с руководства «Ликуда» необходимость в «жестких» заявлениях и оставляя «Ликуд» привлекательным для умеренного электората. Хотя подобный коалиционный партнер создает и немало трудностей. Так или иначе, проигрыш на «русской улице» ставит «Ликуд» в определенной степени зависимое от партнера по коалиции положение.

Таким образом, часть «русского» компонента партии, которая оказалась не готова соблюдать «правила игры» и «политически ассимилироваться», была выведена с официального информационного поля, сегодня она переместилась в блоги и собственные неофициальные порталы. Кроме того, не вполне удачная политика на «русской улице» привела к тому, что часть электората перетекла к конкурентам, и в том числе к Либерману. Разделение на «своих» и «чужих» может дорого обойтись «Ликуду». На сегодняшний день политика на «русской улице» выглядит чрезвычайно невыразительной, что может повлечь за собой потерю «русских голосов» как на муниципальных, так и на общеизраильских выборах.

Примечания

¹ Ханин З. «Русские» и власть в современном Израиле. Становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков. М., 2004. С. 44–45

² Там же. С. 47.

³ Фельдман Э. «Русский» Израиль: между двух полюсов. М., 2003. С. 177–184.

⁴ Ханин З. «Русские» и власть в современном Израиле. С. 26.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Материалы штаба «Ликудник не отступает» доступны сегодня на сайте «Хроники Иерусалима» <http://gazeta.rjews.net/>

⁷ Рассчитано по данным официального сайта Кнессета www.knesset.gov.il

Ирина Масюкова
(Москва)

РОССИЙСКОЕ ЕВРЕЙСТВО В КОНТЕКСТЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Характерной особенностью XX века является резкое увеличение миграционных потоков в связи с социально-экономическими и политическими изменениями во многих странах. Отечественные и зарубежные специалисты, исследуя эту проблему, пришли к выводу о том, что в обществе будущего «все люди, независимо от своей культуры, будут мигрировать» и «важнейшим фактором интеграции, имеющим место с самого начала существования человечества... является постоянная склонность людей к переселению»¹. Именно с миграции населения, по мнению российского исследователя Т.А. Демченко, «с переселений во все регионы мира и зародился сам процесс мировой глобализации, хотя в научном плане о нем заговорили лишь в последней четверти XX века»². Зарубежные ученые также справедливо считают последнюю четверть XX века «эрой миграции»³.

В последнее десятилетие XX века постоянно увеличивалось число мигрантов, достигнув 3% в год, что было, в частности, связано с распадом СССР. Одновременно расширился диапазон стран приема миграционных потоков: если в 1965 г. 90% международных мигрантов было сконцентрировано в 44 странах, то в 1990 г. аналогичная доля была сконцентрирована в 55 странах; в результате в начале XXI века один из 11–12 человек, проживающих на Западе, является международным мигрантом⁴.

Анализируя современные миграционные процессы, исследователи обращаются к концепции транснационализма — составной части процесса глобализации⁵. Изучение транснационального аспекта миграции, по мнению Г.И. Глущенко и В.А. Пономарева, дает возможность рассмотреть весь спектр социальных, культурных, политических и эконо-

мических отношений, которые мигранты сохраняют со странами происхождения, что, в свою очередь, позволяет осветить новый ландшафт глобальных процессов, приводимых в движение агентами миграций⁶.

Развитие современных технологий привело к созданию новых сверхскоростных и при этом доступных для многих людей информационных каналов и средств связи (Интернет, мобильный телефон, электронная почта, факс и т.д.). Постоянно увеличивается количество экономичных международных авиарейсов, и в результате, по мнению израильского социолога Л. Ременник, иммиграция перестала быть «путешествием без обратного билета»⁷.

Технологический прорыв в конце XX века позволил значительно расширить и упростить транснациональное общение с бывшей родиной и другими странами диаспоры, что дает возможность мигрантам, поддерживая тесные социальные и родственные связи, проживать одновременно в двух и более странах.

Новизна транснационального подхода состоит в том, что в отличие от обычного восприятия миграции как процесса эмиграции и иммиграции, транснационализм предлагает понимание *феномена миграции как социального процесса, связывающего вместе страны происхождения и назначения* (курсив — Г.И. Глущенко, В.А. Пономарев)⁸. Современная миграция может быть понята в контексте социально-экономических, политических и других отношений посылающих и принимающих стран⁹.

В результате в научный оборот введено новое определение «трансмигранты» — то есть мигранты, поддерживающие семейные, социальные, экономические, политические, организационные и религиозные отношения, простирающиеся через границы¹⁰.

Распад СССР и массовая миграция привели к возникновению (условно названного) транснационального русско-еврейского пространства, охватывающего русскоязычных евреев во многих странах на разных континентах. После 1989 г. более 1,6 млн евреев и членов их семей покинули СССР/СНГ, расселившись по всему миру, главным образом в Израиле, США, Канаде, Германии и ряде других стран Запада¹¹. За счет еврейской эмиграции за последние 20 лет увеличилась численность русскоязычных колоний в Австралии, Новой Зеландии, ЮАР; пополнились также старые русско-еврейские колонии Европы: в Лондоне, Париже и Праге. В XX веке происходит возникновение и существование глобальных этнических анклавов, пересекающих границы культур

и государств¹². По мнению известного политолога и общественного деятеля Е.Я. Сатановского, в мире сегодня живет от 5 до 7 млн человек, которые могут быть причислены к русским евреям¹³. Произошло создание своеобразного транснационального социума, в котором Иерусалим и Тель-Авив, Нью-Йорк и Сан-Франциско, Берлин и Лондон, Торонто и Мельбурн являются сегодня такой же частью единого пространства, как Москва, Санкт-Петербург, Киев и Ташкент, а русский язык в качестве основы информационной базы пополняется английским и ивритом, а в Германии и Австрии — немецким языком¹⁴.

На практике для транснациональной миграции характерны связи, осуществляемые международными сообществами мигрантов в нескольких направлениях: трансферы (денежные переводы и пожертвования); торговля; телекоммуникации; транспорт; туризм¹⁵. Существует много примеров денежных трансферов еврейскими зарубежными ассоциациями и фондами для оказания помощи соплеменникам — co-ethnics. Транснациональные тенденции, как считают Л. Ременник и ряд исследователей, не новое явление: всегда существовали контакты между иммигрантами и соплеменниками¹⁶. Так, например, еще в 1914–1924 гг. еврейские ассоциации Нью-Йорка посылали миллионы долларов разоренным войной еврейским общинам в странах Европы, откуда они или их предки эмигрировали¹⁷.

В начале 1950-х гг. одним из видов финансовой помощи для развития Израиля стали так называемые суверенные облигации, выпущенные американской еврейской диаспорой и руководством Израиля. В этот трудный период становления государства Кнессет принял закон, санкционировавший размещение первого выпуска израильских облигаций, известного как «Выпуск независимости Израиля». При помощи созданной Корпорации развития Израиля по распространению ценных бумаг в США только в течение года страной было получено 52,6 млн долларов от продажи облигаций¹⁸. За счет облигаций финансировались: строительство трансираильской автомагистрали; транспортная инфраструктура с отдаленными районами; иерусалимская облегченная железная дорога; строительство опреснительных установок; активная абсорбция новых иммигрантов и др.¹⁹ Вместе с тем, несмотря на деятельность многочисленных международных корпораций, государственных и общественных организаций, приводящих в движение финансовые, трудовые и культурные ресурсы, тем самым действуя «сверху», огромный вклад в развитие транснациональных сетей вносят рядовые иммигранты²⁰.

Большую роль в формировании транснационального русскоязычного еврейского пространства сыграли изменения в политической обстановке: в постсоветский период возросла возможность контактов и связей между уехавшими и оставшимися евреями. Расширению контактов и связей на всех уровнях способствовало также решение об отмене виз между Россией и Израилем. В настоящее время не только Россия, но и правительства стран СНГ позитивно настроены на контакты с бывшими соотечественниками.

Многие иммигранты 90-х гг. не утратили или восстановили свое гражданство (российское, украинское или другое)²¹, что дает им возможность пользоваться избирательным правом (в России этим правом пользуются более 100 тыс. человек)²². Помимо посещения стран исхода для участия в избирательных кампаниях, «русские» израильтяне осуществляют авиаперелеты (иногда за счет политических партий); распространена практика голосования в заграничных посольствах в период выборов²³. Около 25% бывших советских граждан, уехавших в Израиль, США, Германию и другие страны, имеют российские и украинские паспорта²⁴. Гражданство и политическое участие трансмигрантов перестает быть привязанным к территории одной страны, что позволяет развивать экономическую деятельность, участвовать в культурной жизни, поддерживать социальные связи и т.д., сохраняя при этом контакты не только с родиной, но и с «островами» своей диаспоры, разбросанными по всему миру²⁵.

Транснациональные связи и контакты, выстраиваемые «снизу», возникают постепенно после начального периода адаптации: родственники, сокурсники, друзья, коллеги, соседи, постепенно отыскивая друг друга, «наводят мосты» транснационального общения с бывшей родиной и другими странами диаспоры²⁶.

Обычно все связи с бывшей родиной возобновляются после периода начальной адаптации (первые два–четыре года) и достигают своего расцвета в течение пяти–семи лет пребывания в Израиле. По мнению израильского социолога Л. Ременник, около 20% русских израильтян ежегодно совершают поездки в свои родные города, а более 40% делают это каждые два–четыре года; около 75% русскоязычных иммигрантов хотя бы однажды за время жизни в Израиле пригласили в гости родственников или соплеменников из других стран²⁷. По данным 2002 г., около 25% репатриантов в Израиль после 1990 г. ездят в Россию и Украину примерно два раза в год, среди пенсионеров этот показатель составляет 65%.

70% русскоязычных израильтян, а также их дети поддерживают родственные и профессиональные связи с Россией: особенно часто ездят в постсоветские страны репатрианты-бизнесмены, имеющие партнеров в России и странах СНГ, а также (как уже отмечалось) неработающие пенсионеры²⁸.

Многие пожилые пенсионеры, владеющие квартирами и дачами в России, Украине и других регионах, ежегодно проводят там несколько месяцев в период летней израильской жары. Наличие жилья у русских израильтян в столичных городах бывшего СССР способствует предпринимательской активности на постсоветском пространстве, передвижению между старой и новой родиной: около 15% репатриантов рабочих возрастов имеют небольшой бизнес на территории стран СНГ, работают в израильских представительствах российских фирм или связаны с деятельностью совместных предприятий²⁹.

Вице-премьер, министр иностранных дел Государства Израиль, сопредседатель Смешанной израильско-российской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству А. Либерман в одном из выступлений заявлял: «...Я считаю очень важным наладить сотрудничество с Россией в сфере среднего и малого бизнеса... и предлагаю модель сотрудничества между Израилем и субъектами Российской Федерации... в таких сферах, как сельское хозяйство, медицина, деревообрабатывающая, пищевая промышленность, и другое»³⁰.

Основные направления делового российско-израильского партнерства всесторонне разрабатываются и поддерживаются на государственном уровне. В последний период возобновлена работа Смешанной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству между Россией и Израилем (декабрь 2009); подписано межправительственное соглашение о взаимодействии в области промышленных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (март 2010); созданы деловые советы в Израиле и России; проведены два бизнес-форума в Москве и Тель-Авиве (март, ноябрь 2010)³¹.

Одним из наиболее успешных направлений совместной предпринимательской деятельности с участием россиян и русскоязычных израильтян является туризм. В сентябре 2008 г. вступило в силу соглашение об отмене визового режима между Россией и Израилем. В аэропорт им. Бен-Гуриона в Тель-Авиве ежедневно прибывает 65 рейсов только из России: из Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара и других городов, и еще восемь рейсов прибывает в Эйлат. На официальном

уровне ведутся переговоры об открытии прямых рейсов в Израиль из Брянска, Курска, Новосибирска. В 2010 г. в Израиле побывало более 550 тыс. российских туристов и одновременно резко возрос поток израильских туристов в Россию³².

Огромную роль в развитии транснационального пространства играют русский язык, русско-советская культурная среда и русскоязычные СМИ. В Израиле это — многочисленные газеты и журналы; каналы на израильском радио и телевидении; кабельные каналы, транслируемые из России, охватывающие не только Израиль, но также США, Германию и другие страны с русскоязычной диаспорой, которые удовлетворяют информационные и культурные запросы русско-еврейской диаспоры на всех континентах. Подчеркивая значение и роль российского телевидения, популярного практически в каждом доме репатрианта-израильтянина, Л. Ременник считает, что благодаря телевидению формируется «транснациональное сознание», то есть состояние перманентной погруженности в русскоязычный информационно-культурный поток, что, в свою очередь, создает эффект присутствия, сопереживания и виртуального участия в современной истории, творющейся на постсоветском пространстве»³³.

Среди многочисленных и разнообразных кабельных и спутниковых телеканалов на русском языке в Израиле можно выделить: ОРТ-Интернешнл, РТР-планета, РТВ-Интернешнл, ТВ-6, НТВ-плюс и другие, которые наряду с несколькими радиоканалами — РЭКА, Первое радио, Седьмой канал — создают обширное информационное поле и ощущение сопричастности к событиям, происходящим в России и странах СНГ. Около 84% русскоязычных израильтян приобретают пакеты с каналами, вещающими на русском языке.

После России Израиль занимает второе место по изданию литературы на русском языке, в стране уже в течение 30 лет существует Союз русскоязычных писателей³⁴.

Большая роль в расширении культурных контактов и связей отводится многочисленным гастролям и концертам российских и израильских театральных и музыкальных коллективов, кинофестивалям, выставкам и др.

В результате, как справедливо отмечает израильский исследователь А.Д. Эпштейн, «русская» община Израиля и русскоязычные евреи, живущие в странах СНГ, США, Канаде, Германии и других государствах, существуют если и не в общем, то в сильно пересекающихся коммуникативных пространствах³⁵. Государству Израиль, которое, по мне-

нию А.Д. Эпштейна, является не только центром мирового русского еврейства с более чем миллионом русскоязычных граждан, отводится также роль духовного центра еврейской культуры на русском языке³⁶.

Анализируя транснациональный контекст современной миграции, исследователи пришли к выводу о том, что в результате периодической транснациональной деятельности у мигрантов вместо абсолютной ассимиляции или полной транснациональной связи как окончательной цели в жизни существует некоторая их комбинация³⁷.

У русских евреев в Израиле транснационализм и культурный сепаратизм взаимно подпитывают друг друга, представляя собой две стороны единого процесса. В результате транснациональный образ жизни и включенность в сети этнической солидарности позволяют русским израильтянам «пересадить» свою прежнюю идентичность на новую почву, так как наличие общинной инфраструктуры и знакомой культурной среды (русскоязычные СМИ, сфера торговли и услуг, контакты с друзьями и родственниками в стране исхода) подстраховывают иммигрантов в первое время после переезда, помогая адаптироваться и улучшая психологическое состояние³⁸.

Транснациональный характер российского еврейства будет в дальнейшем развиваться, превращаясь в типичное явление, присущее этнокультурным диаспорам в условиях глобализации, когда расширяется одновременное существование и принадлежность как к своей новой родине, так и к стране исхода, к собственным этническим группам в различных странах. Это явление требует дальнейшего всестороннего изучения.

Примечания

¹ *Ионцев В.А.* Международная миграция // Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2002. С. 78.

² *Демченко Т.А.* Мобильность трудовых ресурсов в современном мире. М., 2003. С. 5.

³ *Castles S., Miller M.Y.* The Age of Migration: International Population Movements in Modern World. London, 1998. P. 20.

⁴ *Демченко Т.А.* Мобильность трудовых ресурсов. С. 8.

⁵ *Ременник Л.* Транснациональные тенденции в жизни русскоязычной общины Израиля // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета / Сост. и ред. М. Кенигштейн. М.; Иерусалим, 2007. С. 422.

⁶ *Глуценко Г.И., Пономарев В.А.* Миграция и развитие. М.: Экономика, 2009. С. 230.

⁷ *Ременник Л.* Транснациональные тенденции в жизни русскоязычной общины Израиля. С. 423–424.

- ⁸ Глуценко Г.И., Пономарев В.А. Миграция и развитие. С. 229.
- ⁹ Levit P. Transnational Migration: Taking Stock and Future Directions // *Global Networks*, 2001. № 3. P. 195–216.
- ¹⁰ Schiller G., Basch N.L., Scanton Blanc C. Toward a Transnational Perspective on Migration: Race, Ethnicity and Nationalism Reconsidered. N. Y., 1992. P. 1–2.
- ¹¹ Ременник Л. Транснациональные тенденции. С. 421.
- ¹² Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003. С. 27.
- ¹³ Сатановский Е. Русские евреи — варианты будущего // *Евро-азиатский еврейский ежегодник 5767 (2006/2007)*. Киев, 2007. С. 215.
- ¹⁴ Там же. С. 213.
- ¹⁵ Глуценко Г.И., Пономарев В.А. Миграция и развитие. С. 232.
- ¹⁶ Ременник Л. Транснациональные тенденции. С. 422.
- ¹⁷ Vertovec S. Migrant Transnationalism and Models of Transformation. N.Y., 2003. P. 85.
- ¹⁸ Johnson B. Diasporas, Emigrants and Development // *Economic Linkages and Programmatic Responses*. Washington, 2004. P. 50.
- ¹⁹ Глуценко Г.И., Пономарев В.А. Миграция и развитие. С. 268.
- ²⁰ Ременник Л. Транснациональные тенденции. С. 423.
- ²¹ Там же. С. 429.
- ²² Крылов А.В. Русский язык в Израиле и проблемы языковой адаптации русскоязычных иммигрантов // *Проблемы национального строительства на Ближнем Востоке. Опыт Государства Израиль и Палестинской национальной администрации. Материалы международной конференции (Москва, 26.05.2008) / Под ред. А.В. Федорченко. М., 2009. С. 66–67.*
- ²³ Глуценко Г.И., Пономарев В.А. Миграция и развитие. С. 257.
- ²⁴ Крылов В.А. Русский язык в Израиле. С. 66–67.
- ²⁵ Ременник Л. Транснациональные тенденции. С. 423.
- ²⁶ Ременник Л. «Русские» израильтяне глазами социолога: культура и образ жизни // *Израиль глазами «русских»: культура и идентичность / Отв. ред. Е. Носенко. М., 2008. С. 179.*
- ²⁷ Ременник Л. Транснациональные тенденции. С. 429.
- ²⁸ Крылов В.А. Русский язык в Израиле. С. 66–67.
- ²⁹ Ременник Л. Транснациональные тенденции. С. 429.
- ³⁰ Россия — Израиль: 20-летие восстановления дипотношений // *Партнер. № 1 (30), март 2011. С. 7–8.*
- ³¹ Россия — Израиль. С. 9–10.
- ³² Там же. С. 6.
- ³³ Ременник Л. Транснациональные тенденции. С. 433.
- ³⁴ Крылов В.А. Русский язык в Израиле. С. 65–66.
- ³⁵ Этштейн А.Д. Государство еврейских диаспор: этнолингвистическое многообразие израильских СМИ // *Диаспоры. 2006, № 3. С. 248–249.*
- ³⁶ Этштейн А.Д. Ученые гуманитарии в русско-еврейской транснациональной диаспоре // *«Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. С. 458.*
- ³⁷ Глуценко Г.И., Пономарев В.А. Миграция и развитие. С. 231.
- ³⁸ Ременник Л. Транснациональные тенденции. С. 435.

Алек Д. Эпштейн
(Иерусалим)

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ СМИ В ИЗРАИЛЕ И ПРИЧИНЫ ИХ ЗАКАТА

Пресса на русском языке появилась в Израиле давно — в середине 1950-х гг., но все же существенно позднее, чем можно было бы ожидать, учитывая, насколько большим было количество выходцев из Российской империи в первых волнах сионистской иммиграции в страну. Однако эти люди, именуемые в сионистской историографии *халуцим* [первопроходцы], редко читали по-русски, их родным языком, как правило, был идиш, который они отвергали (несмотря на все трудности, связанные с уходом от родного языка) во имя иврита — идейно близкого языка борьбы за возрождение национальной государственности. В период британского мандата евреи Палестины/Эрец-Исраэль издавали газеты, в частности, на английском и немецком языках, но на русском периодических изданий не выходило. Во втором томе фундаментальной «Литературной энциклопедии русского зарубежья. 1918–1940», озаглавленном «Периодика и литературные центры»¹, представлены многочисленные издания, выходившие в Париже и Берлине, Константинополе и Праге, Варшаве и Риге, Белграде и Ревеле (Таллине), Шанхае и Харбине, в других городах, но ни одного выпускавшегося в Палестине — их просто не было. Парадоксальным образом, первым периодическим изданием на русском языке в Государстве Израиль стал (начиная с 1954 г.) «Бюллетень» Землячества выходцев из Китая². Эти люди, путь которых из России в Израиль лежал через возведенный по императорской воле Николая II Харбин, Китайско-Восточную железную дорогу или вынужденную послереволюционную эмиграцию³, стали первыми, кто привнес русский язык в израильское пространство средств массовой коммуникации. В 1959 г. на русском начал выходить ежемесячный журнал «Вестник Израиля», а в 1963 г. — журнал «Шалом».

Эти периодические издания обозначили два основных вектора, которые определили существование большинства русскоязычных газет и журналов в Израиле до конца 1980-х гг. Часть изданий были, по сути, функциональными многотиражками, издание которых служило доказательством существования тех организаций, от имени которых они выпускались. Другая часть издавалась государственными или окологосударственными структурами (Еврейским агентством, Федерацией профсоюзов, политическими партиями), которые преследовали при этом одну из двух целей либо обе сразу: во-первых, способствовать культурно-политической аккультурации русскоязычных новых граждан Израиля, и во-вторых, формировать среди советского еврейства мотивацию к отъезду в Землю обетованную (для решения этой задачи была сформирована и русскоязычная редакция радиостанции «Голос Израиля», передачи которой транслировались на территорию СССР начиная с 1958 г.⁴). Обе эти цели представляют собой, по сути, задачи идеологической индоктринации, такая пресса изначально мобилизована на достижение определенных политических нужд. Израильские оппозиционные партии газет и журналов на русском языке не выпускали, и потому идеологического плюрализма, в достаточно большой мере отличавшего рынок печатных СМИ и в эпоху доминирования МАПАЙ/Партии труда в политической системе страны⁵, на «русском» газетно-журнальном рынке не было. Это не значит, разумеется, что все публиковавшиеся материалы проходили идеологическую цензуру, однако общее направление статей и обзоров не только тематически, но и по настрою и манере подачи, не могло отклоняться от курса истеблишмента. Эти издания не были экономически рентабельными и содержались именно для того, чтобы служить «коллективными агитаторами и пропагандистами». При этом крайняя ограниченность возможностей трудоустройства русскоязычных гуманитариев в те годы делала работу в русскоязычной газете или журнале очень желанной. В 1970-е гг. появились издательство «Библиотека Алия» и многотомная «Краткая еврейская энциклопедия»⁶, Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства и Центр по изучению России и Восточной Европы имени Мейрока в Еврейском университете Иерусалима (к настоящему времени не сохранился ни один из этих проектов, все они были закрыты), которые также давали работу «на вторых ролях» приехавшим из Советского Союза в Израиль гуманитариям; как и их коллеги в русскоязычных печатных СМИ, они занимались в основном переводом и изданием отобранных местными

руководителями книг и статей. Эти публикации преследовали те же цели: в рамках существовавшего идейно-политического консенсуса рассказать «новым израильтянам» о том, как и чем живет страна, гражданами которой они стали, а также побудить как можно большее число советских евреев сделать выбор в пользу эмиграции в Израиль.

До начала массовой волны эмиграции 1990-х гг. русскоязычные СМИ заведомо не могли быть рентабельными, даже принимая во внимание очень низкие тарифы оплаты труда, всегда существовавшие в них. Читателей было мало, покупателей — еще меньше, а стоил выходящий три раза в неделю номер газеты «Наша страна» всего четверть доллара. Однако за один лишь 1990 г. русскоязычное население Израиля практически удвоилось, а за 1991–1992 гг. — утроилось, причем если иммигранты 1970-х прибывали (и учили иврит) постепенно, то в начале 1990-х в страну приехали многие сотни тысяч людей, в подавляющем большинстве своем совсем не владевших ивритом и нуждавшихся в актуальной информации — не забудем, что в то время не было еще не только Интернета, но даже спутникового и кабельного телевидения. Это создало крайне благоприятную ситуацию для появления газеты принципиально нового в «русском Израиле» типа, которая соответствовала бы запросам читателей, а не служила рупором тех или иных государственных или окологосударственных органов. Такая газета могла стать первым коммерчески успешным израильским массмедиа проектом на русском языке. Именно такую задачу и поставил перед коллективом основанной им газеты (ее первый номер вышел 29 марта 1991 г.) медиамагнат Роберт Максвелл. На должность главного редактора новой газеты, получившей название «Время», по рекомендации Натана Щаранского был приглашен легендарный диссидент-антисоветчик Эдуард Кузнецов, в 1970 г. едва не расстрелянный за попытку угона самолета с целью попасть в Израиль, а в 1983 г. уехавший из Израиля, где он не мог найти достойного применения своим талантам, в Германию. Эдуард Кузнецов оставил должность редактора новостного отдела русскоязычного Радио «Свобода», чтобы попытаться создать в Израиле лучшую газету на русском языке — и это ему, с моей точки зрения, удалось.

И по содержанию, и по объему, и по уровню привлекаемых авторов газета «Время» (с 1992 г. — «Вести») в 1990-е гг. не уступала лучшим газетам русской диаспоры, будь то нью-йоркское «Новое русское слово»⁷ или парижская «Русская мысль», существенно опережая все другие израильские газеты, выходявшие в то время: «Наша страна», «Но-

ности недели» и «Спутник». Понятно, что, учитывая различия в читательских контингентах, в Израиле был нерелевантен формат «Русской мысли», которая, отвечая на запросы «славянофильски» и антисоветски ориентированной европейской русской эмиграции, практически вся была посвящена общественно-политической и культурной жизни России. Вместе с тем какой бы сионистской ни была мотивация иммигрантов, искавших свое место под солнцем в Израиле, их культурный багаж все равно был почти исключительно российским, а во многом — советским⁸. Издания, выпускаемые государственными институциями и распространяемые зачастую вообще бесплатно, могут игнорировать изначальные пожелания потенциальных читателей, пытаясь навязать им ту интеллектуальную повестку дня, в которой заинтересован их издатель. Однако коммерчески ориентированное издание, не получавшее каких-либо государственных субсидий, подобного курса придерживаться не могло, оно обязано было быть чутким и восприимчивым к запросам своих читателей. Газете «Время»/«Вести» удалось найти некую «золотую середину» между форматом газеты русской диаспоры и форматом израильской газеты, выходившей на русском языке в прямом или опосредованном переводе с иврита. Как указывала Нелли Элиас, «для иммигрантов, испытывающих трудности в освоении иврита, СМИ на русском языке превратились в основной мост, связывающий их с новым окружением»⁹. Изначально газета с ее чем дальше, тем более многочисленными приложениями выходила еженедельно, потом появилось и ежедневное издание, впрочем, куда менее содержательное.

Массовая иммиграция 1990-х гг. привела к беспрецедентному увеличению читательской аудитории и, как следствие, к расцвету рынка русской прессы в Израиле, и во второй половине 1990-х в стране одновременно выходило уже пять ежедневных газет на русском языке: «Вести», «Новости недели», «Время», «Наша страна» и «24 часа». К настоящему времени три из этих пяти газет прекратили свое существование, а «Новости» вернулись к еженедельному формату; ежедневными остаются только «Вести». Процесс затухания русской прессы шел постепенно, но вектор этот остается неизменным на протяжении всего последнего десятилетия. На то есть много причин, из которых уместно выделить как минимум десять.

Во-первых, *существенное сокращение темпов иммиграции, а также изменение ее характера*. В первой половине 1990-х гг. из Советского Союза в Израиль прибыли полмиллиона человек, значительная часть

из которых представляли традиционно много читающую русско-еврейскую интеллигенцию из больших городов. В 2000-е гг. темпы иммиграции сократились в разы: так, за весь 2010 г. в Израиль из бывшего СССР приехали всего 7 тыс. новых граждан, и лишь крайне небольшое количество среди них прибыли из крупнейших городских центров. Регулярно читавшие газеты (а реже — и журналы) люди старшего возраста, прибывшие в страну в ходе так называемой «алии 1990-х», постепенно уходят из жизни, но на их место не приезжают новые потенциальные потребители русскоязычной прессы... Показательно, с какими российскими изданиями сотрудничают в настоящее время израильские газеты: не только таблоиды «Эхо» (в него вкладывается дайджест «Комсомольской правды»), «Луч» (в него входит дайджест российского «Собеседника») и «Секрет» (вместе с ним читатель получает вкладыш материалов «Аргументов и фактов»), но и достаточно серьезная газета «Новости недели» не нашла себе лучшего партнера, чем бесконечно «желтый» «Московский комсомолец»¹⁰. Израильские русскоязычные газеты работают не с качественными российскими изданиями («Коммерсантом», «Новой газетой», еженедельниками «Новое время/New Times» или «Русский репортер» и т.д.), а с массовыми таблоидами, что отражает вкусы читательской аудитории, весьма отдаленно напоминающей столичную интеллигенцию.

Во-вторых, нельзя не отметить *повсеместный переход на иврит молодежи* так называемого «полупторного» (приехавших в дошкольном и школьном возрасте) и второго (родившихся уже в Израиле в семьях новоприбывших) поколений выходцев из СССР/СНГ. Эти выросшие в Израиле за 20 последних лет молодые люди, как правило, достаточно прилично владеют разговорным русским, но читать и писать им уже легче на иврите¹¹. Описывая исследование, проведенное ею среди русскоязычных подростков еще в 2001 г., Марина Низник констатировала: «С самого начала стало ясно, что иврит они знают значительно лучше [чем русский]»¹². Не забудем о том, что за все эти годы в Израиле так и не возникло ни одной дневной школы, в которой обучение велось бы на русском языке. Обучение в школах и вузах ведется только на иврите, а всеобщий обязательный призыв в армию, где русский язык тем более не имеет никакого статуса, неизбежно формирует тенденции не дополняющего, а замещающего билингвизма. Для живущей в Израиле более 10–15 лет русскоязычной молодежи, и тем более для детей выходцев из СССР/СНГ, родившихся в Израиле, русский остается в ос-

новном языке для общения с бабушками, но не для чтения газет и журналов, что приводит к дальнейшему сокращению их читательской аудитории.

В-третьих, существенный удар по печатной прессе нанесло *появление израильских русскоязычных телеканалов*. 12 ноября 2002 г. началось вещание канала «Израиль плюс» (в июне 2011 г. его изначально десятилетняя лицензия была продлена Советом по кабельному и спутниковому телевидению еще на шесть лет), что привело к массовому перемещению читателей газет к телеэкранам. В 2003–2006 гг. успешно развивался и достаточно качественный блок израильских программ русскоязычного канала RTVi, деятельность которого, однако, была существенно сокращена после того, как в мае 2006 г. Верховный суд удовлетворил иск канала «Израиль плюс» (руководство которого утверждало, что только они из всех русскоязычных каналов, транслирующихся в Израиле, подчиняются регуляционным ограничениям и потому имеют право транслировать израильскую рекламу). Однако существование на протяжении четырех лет двух русскоязычных израильских телеканалов нанесло очевидный удар по печатной прессе, а сокращение сетки вещания канала RTVi привело к оттоку зрителей к другим телевизионным каналам, но не к их возвращению к чтению газет.

В-четвертых, *израильская русскоязычная печатная пресса по неизвестным причинам не смогла адаптироваться к переходу в интернет-среду*. Можно спорить о том, должен ли сайт газеты или еженедельного журнала быть идентичным печатному изданию или строиться и функционировать несколько иначе, должны ли материалы появляться в сети одновременно с появлением печатной версии (или даже раньше — когда номер только уходит в типографию) или с некоторой задержкой — на все эти вопросы разные издания отвечают по-разному. Однако то, что у любого минимально уважаемого печатного СМИ должен быть приличный интернет-сайт, сомнению не подлежит, и это очевидно как для российских газет (сайты имеют все — от качественных «Коммерсанта» и «Ведомостей» до таблоидов, подобных «Жизни» и «Комсомольской правде»), так и для израильской прессы на иврите и английском языке. Ряд периодических изданий уже полностью перешел в Интернет, отказавшись от печатной версии вообще. По причинам, не поддающимся разумному объяснению¹³, ни одна из израильских газет на русском языке (и крупнейшие — «Вести» и «Новости недели», и все остальные), как существующих, так и вышедших в прошлом, не соз-

дала интернет-сайта, вследствие чего эта ниша была занята игроками, не имеющими отношения к печатным СМИ. Порталы Newsru.co.il, Cursorinfo.co.il, Zahav.Ru, Mignews.com, IzRus.co.il и другие, становясь частью глобального русскоязычного интернет-пространства¹⁴, заполнили ниши, на которые могли претендовать, будь они представлены в Интернете, израильские газеты на русском языке.

В-пятых, *из-за изменения социально-демографических характеристик читателей печатной прессы она все менее интересна рекламодателям, что бьет по ее и без того скудному бюджету*. Люди молодого и среднего возраста, в настоящее время, очевидно, читающие новости в Интернете больше, чем в газетах и еженедельных журналах, из-за отсутствия у этих газет и журналов интернет-сайтов оказались потеряны для печатной прессы. Будучи потребляемой почти исключительно пожилыми людьми, в большинстве своем не заработавшими в Израиле полноценной пенсии и поэтому живущими очень скромно, эта пресса существенно меньше привлекает рекламодателей. В результате общий бюджет газет и журналов существенно сокращается, что, в свою очередь, приводит к оттоку авторов, ухудшению изданий в целом, а в итоге — к дальнейшему оттоку читателей и новому витку сокращений рекламных бюджетов. Как выйти из этого замкнутого круга — неясно¹⁵.

В-шестых, существенной проблемой общинной прессы является то, что за весь описываемый период *не возникло ни одной газеты, которая находилась бы в собственности кого-либо из представителей самой русскоязычной общины* (кроме израильской газеты на русском языке «Менора» — органа Всемирного конгресса бухарских евреев, которую финансирует Лев Леваев). Все израильские газеты на русском языке принадлежали и принадлежат или ивритоязычным израильским бизнесменам и издательским домам («Вести» — концерну «Едиот ахронот»; «Время» — группе «Миррор», а затем — концерну «Маарив»; свою газету на русском языке издавал в первой половине 1990-х и ныне уже не существующий издательский дом «Хадашот»), либо их российским коллегам (выходивший в 1997–2007 гг. еженедельник «Русский израильтянин» принадлежал «Московскому комсомольцу»). Для владельцев израильских русскоязычных газет и журналов все это — не более чем бизнес, у них нет ни информационно-просветительских задач, ни стремления внести вклад в общинное строительство, которые как раз у многих работников этих изданий есть. В результате сотруд-

ники нередко справедливо воспринимают редакционный менеджмент как враждебную надстройку, выражающую интересы социально чуждых доминирующих слоев, заинтересованную в максимизации прибыли за счет того социально менее благополучного слоя общества, к которому принадлежат сами журналисты и редакторы. Подобная атмосфера едва ли может способствовать формированию благоприятного климата в трудовом коллективе, приводит к текучести кадров, а также нередко становится причиной принятия решений, имеющих разрушительные последствия для дальнейшего развития того или иного издания.

В-седьмых, численность сотрудников русскоязычных газет и журналов была и остается крайне низкой в сравнении с ивритоязычными редакциями, однако ожидалось и ожидается, что объемы газет и журналов на русском языке будут сравнимы с ивритоязычными аналогами. Выпуски израильских газет в конце недели включают многочисленные приложения, доводящие общий объем издания до 200–300 и даже более страниц, и подготовить все это силой редакции из пяти–семи человек при почти отсутствующем бюджете на оплату труда привлекаемых извне авторов практически невозможно. Как результат, *в израильских русскоязычных СМИ развилась повсеместно поощряемая ивритоязычной администрацией «в целях экономии» практика масштабных пиратских перепечаток из российских, а также украинских, американских и западноевропейских изданий.* В редчайших случаях данные перепечатки становились поводом для судебных исков: в феврале 2007 г. суд Герцлии обязал концерн «Новости недели» выплатить российской компании «Ова пресс» (издающей журналы «HELLO!», «Интерьер+Дизайн» и т.д.) 285 тыс. шекелей за пиратскую перепечатку 19 статей; в октябре 2010 г. суд Ришон ле-Циона постановил, что газета «Вести» должна заплатить издательскому дому «Коммерсант» 230 тыс. шекелей за перепечатку более чем 50 статей и т.д. Такие примеры, однако, единичны, и, как правило, все эти тысячи пиратских перепечаток оставались без правовых последствий; но вот репутация изданий они подрывали безнадежно.

В-восьмых, *крайне низкие гонорары внештатным авторам в израильской русскоязычной прессе не позволяют ее редакторам заказывать статьи у успешных писателей, деятелей науки и культуры, которым публикация в «Вестях» или «Новостях недели» не нужна для каких бы то ни было своих целей.* В 1990-е гг., когда литературно-художественное приложение к «Нашей стране» (в разное время оно последовательно называлось «Бег времени», «Знак времени» и «Звенья») редактировала

Ирина Врубель-Голубкина, а литературно-публицистическое приложение «Окна» к газете «Вести» — Анна Исакова и Александр Гольдштейн, можно было говорить о том, что в «русском Израиле» существовали издания, в которых публиковались лучшие из возможных авторов. В последнее десятилетие ситуация принципиально другая: «Бег времени» давно уже превратился в малотиражный элитарный альманах «Зеркало», выходящий лишь один-два раза в год, а уровень «Окон» существенно снизился. Талантливые авторы печатаются в российских изданиях, где и тиражи, и гонорары в настоящее время, даже будучи относительно небольшими, существенно выше, чем в русскоязычных израильских СМИ. В результате интеллигентные читатели среднего возраста, покупавшие в первой половине 1990-х «Нашу страну» и «Вести», сегодня нередко читают своих любимых писателей, эссеистов и публицистов преимущественно в интернет-версиях тех или иных российских изданий.

Надо сказать, что вопреки прогнозам практически никто из русскоязычных писателей и журналистов, даже прожив в Израиле два десятилетия и более, не перешел на иврит, на котором пишут почти исключительно молодые представители «полуторного» и второго поколений, чье становление как личностей произошло в Израиле. Наиболее яркий, но при этом едва ли не единственный пример много и успешно работающей на иврите журналистки, выросшей в русскоязычной семье (ее мама — многолетний автор «Вестей» Татьяна Шрайман) — Наташа Мозговая, статьи которой с 2008 г. на постоянной основе публикуются в газете «Ха'арец», хотя сама она все эти годы живет в США.

В-девятых, существенной проблемой является *отъезд из Израиля целого ряда русскоязычных интеллектуалов, публицистов, а также перспективных медиаменеджеров*, возглавлявших в последние годы крупнейшие новостные издания и порталы России и Украины: Демьяна Кудрявцева (с января 2006 г. — генеральный директор издательского дома «Коммерсант»), Антона Носика (с ноября 2008 г. по март 2011 г. — главный редактор и шеф-редактор портала деловых новостей BFM.Ру, в прошлом — один из руководителей интернет-холдинга «Рамблер», первый руководитель сайтов Газета.Ру, Лента.Ру, NEWSru.com и ряда других), Альберта (Элизера) Фельдмана (с ноября 2009 г. — генеральный директор компании Digital Fly Ukraine, в прошлом — глава украинского интернет-холдинга «Обозреватель») и некоторых других. В США уехали и наиболее перспективные журналисты молодого поколения, как вышеупомянутая Наташа Мозговая и Григорий Асмолов, и некоторые

люди, возглавлявшие в Израиле различные издания. Леонид Школьник, в 1991–1999 гг. работавший редактором ежедневной газеты «Новости недели» и ее еженедельного приложения «Еврейский камертон», затем переехал в США, где до ноября 2004 г. работал главным редактором нью-йоркской газеты «Форвертс» на русском языке (после того как газета была продана, Л.Б. Школьник основал американо-израильский интернет-еженедельник «Мы здесь», а сам вернулся в Иерусалим). Виктория Мунблит, в 1998–2000 гг. бывшая главным редактором газеты «Русский израильтянин», нашла работу в том же качестве в газете «Вечерний Нью-Йорк». Отъезд значительного числа опытных и перспективных руководителей медиапроектов стал значимым «гвоздем в гроб» израильской русскоязычной прессы.

В-десятых, *в разы сократился интеллектуальный сегмент рынка печатной прессы, представленный традиционно очень уважаемыми в среде русской (в том числе русско-еврейской) интеллигенции «толстыми» журналами.* Расцвет этого сегмента пришелся на первую половину 2000-х гг., когда в Израиле на русском языке выходили журналы и альманахи «22: Москва–Иерусалим», «Иерусалимский журнал», «Зеркало», «Евреи в русском зарубежье», «Вестник Еврейского университета», «Новый век», «Время искать», «Nota Bene», «Еврейское образование», «Еврейский книгоноша», «Солнечное сплетение»... В настоящее время из этих 11 изданий продолжают выходить только четыре первых, пятый («Вестник») выходит с периодичностью менее чем раз в год, тогда как остальные шесть закрылись вообще. Ни один из этих журналов и альманахов не достиг уровня самоокупаемости, их тиражи оставались в пределах тысячи экземпляров, вследствие чего прекращение поддержки издания со стороны тех или иных институциональных спонсоров практически неминуемо вело к их немедленному закрытию. К огромному сожалению, проекта, аналогичному «Журнальному залу» «Русского журнала», в Израиле не возникло, вследствие чего большая часть публикаций этих журналов в принципе недоступна в Интернете. У журналов «Новый век», «Nota Bene», «Вестник Еврейского университета», «Еврейское образование» и «Еврейский книгоноша» полноценных сетевых версий не было никогда (отдельные фрагменты или даже номера размещались то там, то здесь), тогда как сайты, на которых размещались номера журнала «Время искать» (портал ассоциации «Геэна») или альманаха «Евреи в русском зарубежье» (русскоязычный портал, созданный на платформе колледжа «Ораним»),

были уничтожены постфактум в связи с прекращением оплаты услуг хостинга и веб-мастера. Из всей интеллектуальной периодики «русского Израиля» в Интернете представлены сегодня лишь журналы «22: Москва–Иерусалим», «Иерусалимский журнал», «Зеркало» и архив ныне не существующего «Солнечного сплетения».

Все перечисленные причины привели к существенному сужению поля израильской русскоязычной периодики. На сегодняшний день у нее еще остались какие-то читатели, но их число все время сокращается. По данным опроса, проведенного в мае 2009 г. интернет-сайтом «Курсор», менее 50% выходцев из бывшего СССР верят, что у русскоязычной прессы в Израиле есть будущее, причем треть считает, что она исчезнет уже в ближайшие десять лет (всего в голосовании приняли участие 3212 респондентов, из которых 3017 ответили на все вопросы). Лишь 2% респондентов сообщили, что ежедневно приобретают газету, 4% делают это два-три раза в неделю, а 31% — раз в неделю. Однозначно о том, что вообще не покупают газет, заявили 48% опрошенных¹⁶. «Золотой век» израильской русскоязычной прессы остался в прошлом, и если не случится ничего экстраординарного, сравнительно скоро этот сегмент газетно-журнального рынка станет уделом специалистов-историков, изучающих динамику процессов в проходящих процесс аккультурации иммигрантских сообществах.

Примечания

¹ См.: Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. II: Периодика и литературные центры / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2000.

² Общий обзор появления русскоязычных печатных СМИ в контексте развития израильской прессы на разных языках см.: Эпштейн А.Д. Государство еврейских диаспор: этнолингвистическое многообразие израильских СМИ // Диаспоры. 2006. № 3. С. 222–260.

³ О жизни «русского» Харбина межвоенных лет см.: Старосельская Н. Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006. С. 41–158. Об уникальном пути «русских» евреев в Палестину через Китай см. замечательный сборник статей: Через Дальний Восток — на Ближний / Под ред. Р. Пархомовской и И. Резника. Сер. «Русское еврейство в зарубежье». Т. 19. Иерусалим, 2009. О евреях в харбинской русскоязычной прессе см.: Штейн Э. Харбинский «Рубеж» // Евреи в культуре русского зарубежья / Под ред. М.А. Пархомовского. Сер. «Русское еврейство в зарубежье». Т. 3. Иерусалим, 1994. С. 209–219.

⁴ См.: Абир М. Говорит Иерусалим... // Идемте же отстроим стены Йерушалаима. Кн. 1 / Под ред. Ю.Д. Систер и М.А. Пархомовского. Сер. «Русское еврейство в зарубежье». Иерусалим, 2005. С. 178–186.

⁵ См.: *Этштейн А.Д.* Средства массовой информации и политические перемены в Израиле // *Ближний Восток и современность*. 2001. № 12. С. 291–307.

⁶ См.: *Гутгарц М.* Краткая еврейская энциклопедия — коллективный труд ученых — выходцев из СССР/СНГ // *Идемте же отстроим стены Иерусалаима*. Кн. 1. С. 91–96.

⁷ См.: *Цыпкина О.* «Новое русское слово» — феномен долголетия // *Евреи в культуре русского зарубежья* / Под ред. М.А. Пархомовского. Сер. «Русское еврейство в зарубежье». Т. 5. Иерусалим, 1996. С. 162–181.

⁸ См. в этой связи работу, выполненную целиком на базе глубинных интервью с русскоязычными израильтянами: *Еленевская М.* Совстальгия: советские клише в иммигрантском дискурсе // *Диаспоры*. 2004. № 4. С. 188–206.

⁹ См.: *Элиас Н.* Гетто или мост? Влияние русскоязычных СМИ на интеграцию иммигрантов // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета / Под ред. М. Кенигштейна. М.; Иерусалим, 2007. С. 165–193.

¹⁰ См.: *Коган А.* «Московский комсомолец» вернулся в Израиль // <http://izrus.co.il>. 11.07.2011.

¹¹ Обсуждение проблем языковой компетентности и идентичности среди русско-израильской молодежи см. в статьях: *Пурисман А.* Русский язык в Израиле: мотивы и перспективы сохранения (по материалам обследования старшеклассников) // *Диаспоры*. 2007. № 1–2. С. 126–134; *Низник М.* Русский язык в Израиле: при смерти или всё еще жив? // *Золото галута*. Духовная и культурная интеграция русских евреев в Израиле / Под ред. М. Кенигштейна. М.; Иерусалим, 2009. С. 185–201.

¹² *Низник М.* Между двумя мирами: дилеммы идентичности «русских» подростков в Израиле // *Диаспоры*. 2004. № 2. С. 19.

¹³ Несколько лет назад выпускающий редактор «Вестей», Лазарь Данович, в прошлом — главный редактор газеты «Время», сказал по этому поводу: «Лично мне кажется, что сайт, в общем-то, вредит бумажному варианту газеты. А мы патриоты бумажной версии, потому что это традиция, это главное. Это то, что остается в истории, а сайт не остается. На сайт трудно сослаться. Мне кажется, пока это не актуально. И потом есть такое понятие: газета вышла — это эксклюзив. Вот она вышла в этой стране, в этом регионе — это единственное и неповторимое, а то, что разлетелось по миру, стало общим достоянием. Поэтому думаю, может быть, нам и имеет смысл какое-то время оставаться эксклюзивной газетой». Эти слова, хотя и сказанные в то время, когда Интернет еще не занимал такого места, как сейчас, выражают, на мой взгляд, вопиющее непонимание основ функционирования СМИ в настоящее время. См. интервью Л. Дановича: Для израильтян русская газета и «Вести» — это синонимы // *Еврейский обозреватель*. 2005. № 18 (109).

¹⁴ О формировании глобального интернет-пространства и о месте в нем израильских новостных порталов см.: *Шорер-Зельцер М., Элиас Н.* Мой адрес не дом и не улица... Русскоязычная диаспора в Интернете // *Диаспоры*. 2008. № 2. С. 178–194.

¹⁵ См.: *Каневский Д.* Русскоязычным СМИ Израиля не хватает инвестиций и контента // <http://www.dw-world.de> («Deutsche Welle»). 08.05.2008.

¹⁶ См.: «Русская» пресса в Израиле умирает. Результаты опроса «Курсора» // <http://cursorinfo.co.il/>. 31.05.2009.

SUMMARIES

Michail Agapov

Soviet Export Trading Associations at the Levant Fairs in 1920–1930s

In 1920–1930s the Soviet Union established trade relations with the “Jewish national home” in Palestine. Levant Fairs played a significant role in the development of these relations. Through the Levant Fairs Soviet export trading associations and economic institutions succeeded in entering the Middle Eastern market.

Alek D. Epstein

The Israeli Printed Media in the Russian Language and the Causes for Their Decline

Printed media in the Russian language appeared in Israel as early as in the mid 1950s, though their extent was limited at that time. It was the mass immigration wave of the 1990s that caused an unparalleled increase in their target audience thus boosting the Israeli Russian press market: in the end of that decade, five Russian language daily newspapers were published simultaneously. Today, three of them no longer exist; one has switched back to its weekly mode, and only one has been remaining a daily newspaper. At the same time, the Russian speaking intelligentsia’s reading patterns had changed, which caused a significant shrinkage in the media market segment represented by monthlies and intellectual magazines. The Israel Russian press has been fading gradually, this tendency being stable in course of the last decade. There are several factors that gave rise to this tendency, some of them are socio-demographic (i.e. the dwindling of the Russian speaking immigration wave and its transformation, on the one hand, and the fact that the young immigrants who have grown up in Israel switched to Hebrew as the language of culture, on the other), while the others have to do with the media’s institutional structure (the launching of the Israeli Russian TV channels has negatively affected the printed media, which, for unclear reason, failed in adjusting itself to the Internet). It is important to mention that, in course of all these years, there has emerged not a single newspaper that would be owned by a representative of the Israeli Russian speaking community. The newspapers’ editors and authors thus have been dependent on the “external” owners, which prevented them from fully expressing the Russian-speaking community’s authentic voice. The Israeli Russian printed media’s “golden age” is over. If nothing unexpected happens, this segment of the Israeli

media will be of interest only to the historians studying the assimilation processes in immigrant communities.

Stanislav Kozheurov

**Peace Talks between Israel and Jordan in 1960.
From Renewal — to a Dead End**

The present article focuses on the twisted trail of bilateral relation between Israel and Jordan in 1960s. The considerable rapprochement, which took place in 1963 and was caused by a constantly deteriorating diplomatic and political position of Jordan in the Middle East, led to a renewal of secret contacts between the representatives of the two countries. Despite a relatively high degree of mutual trust, the IDF raid on the Jordanian village of Samu went far beyond an ordinary retaliatory action and provoked a chain-reaction that led to Jordan's involvement into the Six Day War. The conflict did not break the Israeli-Jordanian relation — right after the war the two countries embarked on the way of negotiations which might have ended up with signing a peace treaty. But the agenda of the negotiations changed dramatically — King Hussain demanded the whole West Bank be returned to Jordan. Only under those conditions any kind of treaty with Israel could be legitimate in the eyes of the Jordanians and the Arab world. This was in fact the demand Israel was not ready to fulfil. By the end of the 1960s the bilateral negotiations reached an impasse. The territorial problem would become, for about twenty years, a stumbling block on the way to an agreement.

Irina Masyukova

Russian Jewry in the Context of Transnational Migration

The disintegration of the USSR has intensified the migration of the former Soviet Jews to Israel, USA, Canada, Germany, Australia and other countries. As a result so-called transnational Russian-speaking Jewish diaspora covered a wide range of different countries. Due to modern technologies (telephone, e-mail, fax etc.) it is easy to maintain everyday contacts between friends, relatives, colleagues and simplify their mutual visits. Economic, financial, social and cultural activities of individual transmigrants are much more wider, than the organized institutional activities. Many Israelis with Russian/Ukrainian citizenship take part in the elections of these countries. Transnational migration of Russian Jews is a new tendency, and must be studied in detail as a new social phenomenon.

Tatiana Nosenko

**Soviet Foreign Policy Interests and Reestablishment
of Diplomatic Relations with Israel (1985–1991)**

The decision to reestablish diplomatic relations with Israel in 1991 came as a result of a deep rethinking by the Soviet leaders of the foreign policy tasks both on

the global and regional levels. It took several years in the period of perestroika to overcome the stereotype Soviet seeing of Israel. The important role in this process played special relations between the USSR and the Arab countries, the situation in the Soviet-American relations, the future of the Middle East conflict settlement and the problem of free emigration of Soviet Jews.

Igor Ryzhov

Basic tendencies in Israeli-Russian relations in 2000–2010

The article dwells upon the most significant features of Israeli-Russian bilateral relations in the beginning of the XXI century that could be divided into several periods. The first one covers the period from 2000 till 2004 that is characterized by a thaw in relations and intensification of high-level contacts of states' representatives. The second embraces the period from 2004 till 2008 when the sides deepened their cooperation in the spheres of economy and anti-terrorism. On the other hand at this time they faced a certain number of difficulties connected with the visit of "Hamas"-officials to Moscow and American attempts to give a boost to the Middle East conflict resolution. The third lasting from 2008 till 2010 is famous for Israel's loyalty towards Russia after the standoff in South Ossetia. The impetus for the new phase of Israeli-Russian relations depends on a certain combination of different factors that create the basis of bilateral links.

Dmitry Shevelev

On two letters from Ronald Storrs to Leib Jaffe

Two unknown documents from the Central Zionist Archives of Israel — letters from Ronald Storrs, the governor of Jerusalem, to Leib Jaffe, the editor of "Haaretz" newspaper, of 1921 and 1922 — are presented in the survey.

Esther Surikoff

**Unilateral Disengagement Plan:
Israel and the Gaza Strip Five Years Later**

On August 15th 2010 so-called unilateral disengagement plan, implemented during the Ariel Sharon Government tenure and envisaging the withdrawal of Israeli forces and settlements from the Gaza Strip and Northern Samaria marks its 5th anniversary. Despite the harsh criticism of Sharon's plan by representatives of various circles of the Israeli establishment, including the Prime Minister's colleagues from Likud, Knesset by majority of 67 votes approved the bill on the disengagement on October 26, 2004. Results of the plan (21 settlements in Gaza and four settlements in northern Samaria dissolved) seemed ambiguous in light of the systematic rocket attacks and military confrontation of Israel and the HAMAS radical Islamic movement, as well as social problems of the former inhabitants of the settlements dismantled.

Сведения об авторах

ФИО	Научная степень, звание	Город	Место работы/учебы
Агапов Михаил Геннадьевич	канд. ист. наук, доцент	Тюмень	Тюменский государственный университет
Баулина Ирина Михайловна	аспирант	Москва	Санкт-Петербургский государ- ственный университет
Карасова Татьяна Анисимовна	канд. ист. наук	Москва	Институт востоковедения РАН
Кожеуров Станислав Александрович	аспирант	Москва	Институт востоковедения РАН
Крылов Александр Владимирович	канд. ист. наук	Москва	Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России
Масюкова Ирина Викторовна	канд. ист. наук	Москва	Институт востоковедения РАН
Марьясис Дмитрий Александрович	канд. экон. наук	Москва	Институт востоковедения РАН
Носенко Татьяна Всеволодовна	канд. ист. наук	Москва	Институт востоковедения РАН
Рыжов Игорь Валерьевич	доктор ист. наук, профессор	Нижний Новгород	Нижегородский государствен- ный университет им. Н.И. Ло- бачевского
Сатановский Евгений Янович	канд. экон. наук	Москва	Институт Ближнего Востока
Семенченко Нина Абрамовна		Москва	Институт востоковедения РАН
Сурикова Эстер Антоновна		Москва	Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России
Шапвалов Михаил Сергеевич	канд. ист. наук	Омск	Омский институт водного транспорта
Шевелёв Дмитрий Леонидович	канд. ист. наук	Минск	Институт истории Националь- ной академии наук Беларуси
Алек Д. Эпштейн	PhD	Иерусалим	Открытый университет Израиля

About the Authors

Name	Title	City	Place of work/study
Agapov Michail	PhD	Tyumen	Tyumen State University
Baulina Irina	doctoral student	Moscow	St. Petersburg State University
Epstein Alek D.	PhD	Jerusalem	Open University of Israel
Karasova Tatiana	PhD	Moscow	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Kozheurov Stanislav	doctoral student	Moscow	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Krylov Aleksandr	PhD	Moscow	The Moscow State Institute of International Relations
Masyukova Irina	PhD	Moscow	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Maryasys Dmitry	PhD	Moscow	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Nosenko Tatiana	PhD	Moscow	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Ryzhov Igor	Prof.	Nizhniy Novgorod	Nizhniy Novgorod State University
Satanovsky Evgeny	PhD	Moscow	Institute Of The Middle East
Semenchenko Nina		Moscow	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Surikoff Esther		Moscow	The Moscow State Institute of International Relations
Shapovalov Mikhail	PhD	Omsk	Omsk Institute of Water Transport
Shevelev Dmitry	PhD	Minsk	Institute of History, Belarus National Academy of Sciences

Содержание

<i>Алек Д. Эпштейн</i> (Иерусалим). Предисловие	5
---	---

I

<i>Нина Семенченко</i> (Москва). Общественно-политические контакты между СССР и Израилем в период отсутствия дипотношений (1967–1987)	8
<i>Татьяна Носенко</i> (Москва). Внешнеполитические интересы Советского Союза и восстановление отношений с Израилем (1985–1991)	31
<i>Игорь Рыжов</i> (Нижний Новгород). Основные тенденции в израильско-российских отношениях (2000–2010)	48
<i>Татьяна Карасова</i> (Москва). Российские интересы на Ближнем Востоке и российско-израильские отношения (2004–2011)	58
<i>Дмитрий Марьясис</i> (Москва). 20 лет военно-технического сотрудничества между Россией и Израилем: итоги и перспективы	68

II

<i>Дмитрий Шевелёв</i> (Минск). О двух письмах Рональда Сторрса Лейбу Яффе (публикация)	76
<i>Михаил Шаповалов</i> (Омск). Еврейский вопрос в начале XX в. глазами британских чиновников (Р. Сторрс, М. Сайкс, Т. Лоуренс)	80
<i>Алек Д. Эпштейн</i> (Иерусалим). Из Риги — в Иерусалим. Биографические и интеллектуальные корни профессора Биньямина Акцина	91
<i>Михаил Агапов</i> (Тюмень). Советские внешнеторговые организации на ближневосточных торговых выставках в 1920–1930-е гг.	107

III

<i>Станислав Кожеуров</i> (Москва). Мирные переговоры между Израилем и Иорданией в 1960-е гг.: от возобновления — к тупику	114
<i>Александр Крылов</i> (Москва). Палестино-израильский переговорный процесс после подписания Норвежских соглашений (1996–2001)	133
<i>Эстер Сурикова</i> (Москва). Вывод израильских сил из сектора Газа и его последствия: пять лет после «размежевания»	150

<i>Евгений Сатановский</i> (Москва). Израиль и перспективы создания палестинского государства	170
---	-----

IV

<i>Ирина Баулина</i> (Москва). «Русский» компонент в партии «Ликуд»	175
<i>Ирина Масюкова</i> (Москва). Российское еврейство в контексте транснациональной миграции	180
<i>Алек Д. Эпштейн</i> (Иерусалим). Русско-еврейские печатные СМИ в Израиле и причины их заката	188
Summaries	200
Сведения об авторах	203
About the Authors	204

Contents

<i>Alek D. Epstein</i> (Jerusalem). Foreword	5
--	---

I

<i>Nina Semenchenko</i> (Moscow). Social and Political Contacts Between the USSR and Israel During the Diplomatic Downturn (1967–1987)	8
<i>Tatiana Nosenko</i> (Moscow). Soviet Foreign Policy Interests and Reestablishment of Diplomatic Relations with Israel (1985–1991)	31
<i>Igor Ryzhov</i> (Nizhny Novgorod). The Basic Tendencies in the Russian-Israeli Relations (2000–2010)	48
<i>Tatiana Karasova</i> (Moscow). Russian Interests on the Near East and Russian-Israeli Relations (2004–2010)	58
<i>Dmitry Maryasys</i> (Moscow). 20 Years of Israeli-Russian Cooperation in Military Equipment: Results and Prospects	68

II

<i>Dmitry Shevelev</i> (Minsk). On Two Ronald Storrs' Letters Addressed to Leib Yaffe (<i>Publication</i>)	76
<i>Michail Shapovalov</i> (Omsk). The Jewish Question at the Beginning of 20 th century as Viewed by the British Officials (R. Storrs, M. Sykes, T. Lawrence)	80
<i>Alek D. Epstein</i> (Jerusalem). From Riga — to Jerusalem. Professor Benjamin Akzin's Biographical and Intellectual Roots	91
<i>Michail Agapov</i> (Tyumen). Soviet Export Trading Associations at the Levant Fairs in 1920–1930s	107

III

<i>Stanislav Kozheurov</i> (Moscow). Peace Talks between Israel and Jordan in 1960. From Renewal — to a Dead End	114
<i>Aleksandr Krylov</i> (Moscow). The Israeli-Palestinian Negotiations since the Signing of the Oslo Agreements (1996–2001)	133
<i>Ester Surikova</i> (Moscow). The Israeli Withdrawal from Gaza and Its Consequences: Five Years after the “Disengagement”	150
<i>Evgeny Satanovsky</i> (Moscow). Israel and Prospects for a Palestinian State	170

IV

<i>Irina Baulina</i> (Moscow). «Russian» Component in Likud Party	175
<i>Irina Masyukova</i> (Moscow). Russian Jewry in the Context of Trans-National Migration	180
<i>Alek D. Epstein</i> (Jerusalem). The Israeli Printed Media in the Russian Language and the Causes for Their Decline	188
Summaries	200
About the Authors	204